
LUX
LIBERTAS

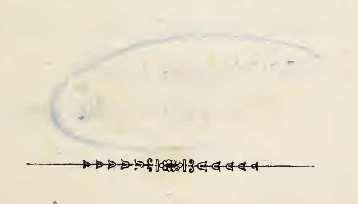

ЗАПИСКИ

ФОНЪ-ВИЗИНА

ОЧЕВИДЦА

СМУТНЫХЪ ВРЕМЕНЪ ЦАРСТВОВАНІЙ: ПАВЛА I, АЛЕКСАНДРА I И НИКОЛАЯ I.

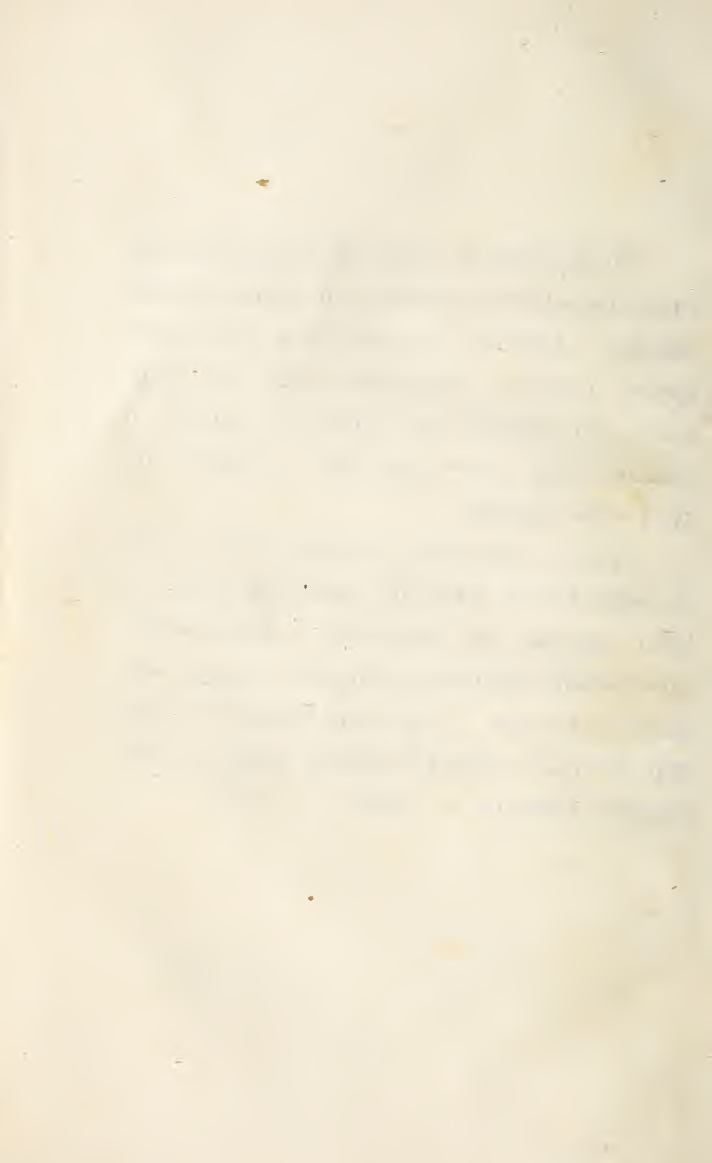

ЛЕЙПЦИГЪ, Вольфгангъ Гергардъ. | LEIPZIG, Wolfgang Gerhard.

1859.

Во первыхъ бо извѣстѣе взыскуется истина говорнымъ сословіемъ, нежели единымъ лицемъ. Древнее сословіе есть греческое: другіе помысли мудрейшіе суть паче первыхъ; то кольми паче помыслы многіе, о единомъ дѣлѣ разсуждающіе мудрѣйшіе будутъ паче единаго.

А яко извѣстіе въ познаніи, тако и сила въ опредѣленіи дѣла большая здѣ есть: понеже вясуше къ увѣренію и повиновенію преклоняетъ приговоръ оборный, нежели единоличный указъ. (Духовный Регламентъ Импер. Петра Iго послѣ Собранія Законовъ Россійской Имперіи въ 1649 г. Т. VI.)

ОБОЗРѢНІЕ
ПРОЯВЛЕНІЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ВЪ РОССІИ.

HISTOIRE DE RUSSIE PAR MM. ESNEAUX ET CHENNECHOT. 5 VOLUMES. PARIS 1835.

Написавшіе эту Русскую Исторію два Француза, не зная нашего языка, не могли изучить ее въ источникахъ, лѣтописяхъ и другихъ историческихъ памятникахъ, а имѣли передъ глазами только Французскій переводъ Карамзина и Исторію Левека, который, впрочемъ, хорошо зналъ Русскій языкъ, читалъ въ подлинникѣ наши лѣтописи и пользовался нашими древними отечественными памятниками. Но въ его время многое, нынѣ обнародованное, валялось еще въ архивахъ и монастыряхъ, покрытое вѣковою пылью и вовсе было неизвѣстно занимающимся нашею исторіей и древностями. Карамзинъ первый началъ разработывать эти источники съ знаніемъ дѣла и собралъ много до него неизвѣстныхъ свѣдѣній и актовъ въ примѣчаніяхъ къ своей исторіи зани-

мающихъ половину его книги. Это главная его заслуга. По его слѣдамъ трудились многіе любители Русскихъ древностей: Ермоловъ, Калайдовичъ, Строевъ, Погодинъ и Общество Любителей Исторіи и Древностей при Московскомъ Университетѣ. Канцлеръ Графъ Н. П. Румянцевъ покровительствовалъ эти изысканія и на свой счетъ напечаталъ собраніе древнихъ грамотъ, Софійскій временникъ и историческіе труды Калайдовича и Строева. Наконецъ, Археографическая Коммиссія, учрежденная Правительствомъ, которой открыты всѣ государственные и монастырскіе архивы, въ продолженіи своего тринадцатилѣтняго существованія собрала множество неизвѣстныхъ до того актовъ, историческихъ, дипломатическихъ и юридическихъ, отечественныхъ и иностранныхъ и печатаетъ ихъ, также какъ и полный сводъ древнихъ нашихъ лѣтописей. Всѣмъ этимъ богатстомъ не могли пользоваться г. г. Енно и Шеншо по незнанію по Русски, и книга ими изданная не можетъ назваться исторіей. Это скорѣе записки или комментаріи на исторію Карамзина, въ которыхъ, сравнивая его повѣствованіе съ исторіей Левека, обличается слабость философическаго взгляда на событія и недостатокъ логики въ сужденіяхъ нашего исторіографа. Авторы доказываютъ, что

тамъ, гдѣ Карамзинъ разнорѣчитъ съ Левекомъ, Левекъ заслуживаетъ болѣе вѣроятія, представляя событія естественнѣе, нежели какъ ихъ представлялъ Карамзинъ.

Между тѣмъ въ книгѣ г. г. Енно и Шеншо не видно враждебнаго расположенія къ Россіи и Русскимъ, которымъ отличаются по большей части сочиненія иностранцевъ о нашемъ отечествѣ. Они, напримѣръ, замѣтили въ нашей древней исторіи, что въ средніе вѣка, Русскіе были на высшей степени гражданственности нежели остальная Европа, разумѣется до нашествія Монголовъ, что древнія республики: Новгородъ, Псковъ и Вятка, наслаждались политическою свободою; — что въ другихъ областяхъ Россіи народъ стоялъ за права свои, когда угрожала имъ власть князей, что общинныя или муниципальныя учрежденія и вольности, были въ древней Россіи во всей силѣ, когда еще Западная Европа оставалась подъ игомъ Феодализма.

Наши историки, особенно Карамзинъ, скупы на этого рода подробности, говорятъ о нихъ слегка или вовсе пропускаютъ проявленія въ Россіи политической свободы и тѣ учрежденія, которыя ей благопріятствовали. Русскіе историки, напротивъ, вездѣ стараются выставлять превосходство самодержавія и восхваляютъ какую-то блаженную па-

тріархальность, въ которой неограниченный монархъ, какъ нѣжный, чадолюбивый отецъ и дышетъ только однимъ желаніемъ счастливить своихъ подданныхъ.

Но такъ-ли это въ дѣйствительности? Вѣрно-ли представляютъ историки жизнь Русскаго народа въ времена почитаемыя ими варварскими? Не былъ-ли тогда народъ свободнѣе? Крѣпостное рабство земледѣльцевъ, въ тѣ времена общее всей Западной Европѣ, въ Россіи до XVII столѣтія не существовало: всѣ Русскіе были вольные люди.

Гжа Сталь сказала, гдѣ-то, что въ жизни народовъ свободѣ во всѣхъ ея видахъ (политической, гражданской, личной) не оспоримо принадлежитъ законное право давности предъ самовластіемъ (C'est le despotisme qui est nouveau et la liberté qui est ancienne). Эта мысль геніальной писательницы вѣрна относително Европейскаго человѣчества и подтверждается древнею и даже среднею исторіей Россіи, которая только въ новѣйшія времена (съ Петра Великаго) стала классическою почвою самодержавія.

Прочитавъ исторію Енно и Теншо, мнѣ пришла мысль представить краткое обозрѣніе всѣхъ проявленій политической жизни въ нашемъ отече-

ствѣ. Начну этотъ перечень я съ самаго начала его существованія.

Безпристрастная исторія свидѣтельствуетъ, что древняя Русь не знала ни рабства политическаго ни рабства гражданскаго: то и другое привилось къ ней постепенно и насильственно, вслѣдствіе несчастныхъ обстоятельствъ.

Предки наши, Славяне были, какъ и ихъ сосѣди Германцы, народъ полудикій, но свободный, и въ общественномъ быту Славянъ преобладала стихія демократическая — общинная.

Западныя Славянскія племена, искони разединенныя, не могли въ средніе вѣка устоять противъ напора Германцевъ (со времени Карла Великаго) болѣе ихъ воинственныхъ и были ими покорены. Восточная половина славянскаго міра — Польша и Русь — оставались независимыми; первая, по сосѣдству съ Германскими государствами, усвоила ихъ феодальное, аристократическое устройство, благопріятствующее, если не большинству народа, то сословіямъ и лицамъ, и это, обезпечивая ихъ права и вольности, также содержало въ себѣ сѣмена будущаго политическаго развитія. Русь осталась вѣрною коренной Славянской стихіи: свободному общинному устройству, основанному на началахъ чисто демократическихъ.

Несомнѣнное тому доказательство представляютъ древнія вольныя общины. Новогородская, Псковская и Хлыновская (Вятка), въ которыхъ Славянскій элементъ развился своеобразно.

Въ этихъ народныхъ державахъ, подъ сѣнью политической и гражданской свободы, основались демократическія учрежденія, подъ которыми онѣ были независимы и благоденствовали. Богатства притекли въ Новгородъ чрезъ дѣятельную и живую торговлю съ одной стороны съ Ганзейскими Нѣмцами, съ другой съ Азіатцами. Владѣнія Новгорода занимали Сѣверную Россію до Каменнаго пояса. Эти страны были покорены отважными дружинами охотниковъ и промышленниковъ Новгородскихъ Часто упоминаемая въ лѣтописяхъ поговорка: великій Новгородъ Государь нашъ! не есть фикція, а показываетъ ясно, что источникъ всякой власти находился тогда въ народѣ, который собирался на вѣче по призыву знаменитаго вѣчеваго колокола для разсужденія объ общественныхъ дѣлахъ.

Всѣ общинные начальники: посадники, тысяцкіе, бояре, предводители войска, даже владыки Новгородскіе избирались народнымъ вѣчемъ, которое обладало полнотою законодательной власти. Князья Новгородскіе, всегда изъ потомковъ Рюриковыхъ

призываемые, а также и смѣняемые вѣчемъ, были только исполнители его опредѣленій.

Подобное общинное устройство существовало въ Псковѣ и Хлыновѣ, сначала зависѣвшихъ отъ Новгорода. Въ Хлыновѣ не было Князей.

Но и въ прочихъ областяхъ древней Руси, въ которыхъ княжили Князья великіе и удѣльные изъ рода Рюрикова, долго сохранялось общинное устройство. Во всѣхъ древнихъ городахъ собирались народныя вѣча для разсужденія о дѣлахъ общественныхъ, часто по приговору вѣча измѣнялись сами Князья, на мѣста ихъ призывались другіе на княженіе, и вѣче дѣйствовало по всей своей волѣ. Такъ было въ Кіевѣ, Черниговѣ, Галичѣ, даже во Владимірѣ на Клязьмѣ, Ростовѣ и др. Посадники, тысяцкіе, старости повсюду были избираемы народомъ.

Нашествіе Монголовъ, превратившихъ въ пустыню цѣлыя области Южной и Средней Руси, и почти двухвѣковое владычество Орды не вдругъ и не вовсе уничтожило общинный бытъ Русскихъ городовъ. Набѣги Татаръ были временные и они уходили въ свои улусы, раззоривъ и ограбивъ какую нибудь область. Эти бѣдствія не касались Новгорода и Пскова, которые откупались, платя

ордынскую дань, сохраняли свои общинныя учреждения и обогащались торговлею.

„Остальная Русь“ говоритъ Карамзинъ, „упитанная кровью, осыпанная пепломъ, сдѣлалась „жилищемъ рабовъ Ханскихъ, а государе ея трепетали баскаковъ.“ Русскіе Князья пресмыкались въ Ордѣ, возвращались оттуда грязными суровыми повелителями и на подданныхъ вымѣщали свое униженіе.

Московскій Князь Иванъ Калита, въ лѣтописяхъ названный собирателемъ земли Русской, былъ по волѣ хана собирателемъ ордынской дани не только съ своего малаго Княжества, но и со всѣхъ прочихъ. Выплачивая эту дань со всей Руси, какъ поставленный на то и уполномоченный Ханомъ, Калита собиралъ съ народа гораздо болѣе денегъ, нежели сколько платилъ Хану, что и было источникомъ его богатства, доставлявшаго ему покровительство въ Ханскомъ судѣ. Преемники дѣйствовали въ его духѣ: раболѣпствовали Ханамъ и подкупали ихъ вельможъ. Этой политикой они снискали себѣ первенство между прочими однородными съ ними Князьями и были объявлены великими. Въ продолженіи столѣтій скупая или отнимая силою смѣжныя съ ихъ владѣніями Княжества, они значительно распространили свою об-

ласть, пріучили прочихъ Князей повиноваться себѣ, и такимъ образомъ въ ихъ родѣ постепенно утвердилось единовластіе, которое не замедлило превратиться въ самовластіе.

Во всѣхъ Русскихъ городахъ прежняя общинная свобода замѣнилась Княжескимъ произволомъ: народъ не собирался уже на вѣчахъ, не распоряжался въ собственныхъ дѣлахъ своихъ и вольныя общинныя учрежденія сохранились только до времени въ Новгородѣ, Псковѣ и Хлыновѣ.

Дмитрій Донской въ Москвѣ своею властью установилъ смертную казнь и отнялъ у народа право избранія тысяцкихъ и прочихъ общинныхъ чиновниковъ. Послѣднему Московскому тысяцкому Вельяхемнову-Зеркову повелѣлъ онъ отрубить голову. Въ томъ-же духѣ дѣйствовали преемники Дмитрія Донскаго: сынъ его Василій Дмитріевичъ и внукъ Василій Темный. Русь сдѣлалась Московскимъ Государствомъ.

В. К. Иванъ Васильевичъ III, соединивъ подъ своею державюо прочія Русскія княжества и свергнувъ иго Татарское былъ, уже государемъ самовластнымъ. Онъ и сынъ его Василій Ивановичъ, покоривъ оружіемъ Новгородъ, Псковъ и Хлыновъ, уничтожали ихъ общинныя права и вольности, и увезли въ Мокву какъ трофеи, коло-

кола, сзывавшіе на вѣча свободные граждане Новгорода и Пскова.

Но духъ свободы живучь въ народахъ, которыхъ онъ когда либо одушевлялъ. Не вовсе замеръ онъ и во нашиихъ предкахъ.

Съ XVI вѣка исторія указываетъ на частыя созванія государственнаго собора или великой земской думы, которая составлялась изъ Архіереевъ, бояръ и выборныхъ людей отъ дворянъ 1й 2й и 3й статьи, отъ гостей, купцевъ и иногородныхъ помѣщиковъ. Въ этой думѣ засѣдало въ разныя времена отъ 350 до 500 членовъ, съ которыми Правительство совѣщалось о важнѣйшихъ земскихъ дѣлахъ.

Царь Иванъ Васильевичъ Грозный собиралъ въ 1549 году избранныхъ представителей Россіи въ Москвѣ и съ лобнаго мѣста приносилъ предъ ними покаяніе въ худомъ правленіи, извинясь своею неопытною молодостію, которою воспользовались безсовѣстные вельможи и угнетали народъ. Впередъ обѣщалъ онъ правый судъ и расправу.

Тотъ-же Царь въ слѣдующемъ 1550 году сзывалъ опять соборъ для разсмотрѣнія и утвержденія судебника и для введенія во всѣ суды присяжныхъ, называемыхъ цѣловальниками (потому что давая

присячу они цѣловали крестъ) какъ то было въ Новгородѣ.

Въ третій разъ Грозный собиралъ земскую думу изъ 339 выборныхъ людей въ 1556 году и требовалъ ея совѣта: мириться ли или воевать съ Польскимъ Королемъ Сигизмундомъ. Дума по зрѣлому разсужденію рѣшила продолжать войну и стараться овладѣть Ригою, для безопасности Юрьева (Дерпта), Нарвы, Новгорода и для пользы торговли.

По смерти Ивана Грознаго верховная боярская дума немедленно созвала земскую для совѣщанія объ устройствѣ государства и исправленія зла, нанесеннаго ему долговременнымъ тиранствомъ умершаго Царя.

Въ 1595, когда смертію Царя Өеодора Ивановича, пресѣкся родъ Рюриковъ, созвана была земская дума для избранія Царя; въ ней кромѣ архіереевъ и бояръ было до 500 выборныхъ людей отъ разныхъ сословій и дума нарекла Царемъ шурина умершаго Өедора, боярина Бориса Өедоровича Годунова.

Въ смутное время послѣ убіенія Лже-Димитрія, Князь Василій Ивановичь Шуйскій избранъ и возведенъ на Царство не земскою думою, а боярами и народомъ Московскимъ. Верховная боярская дума взяла однако съ него запись,

которую онъ утвердилъ клятвою. Онъ обязывался: 1е) что не будетъ казнить никого смертью, безъ суда боярскаго истиннаго, праваго, 2е) что будетъ всегда требовать уликъ прямыхъ, ясныхъ, съ очей на очи и 3е) не будетъ отбирать безъ суда ни чьихъ имуществъ. Князь Василій Васильевичъ Голицымъ и Князь Иванъ Семеновичъ Куракинъ были тогда изъ первыхъ въ боярской думѣ, которые настоятельно требовали ограниченія самодержавія. Но какъ Василій Шуйскій не былъ подобно Годунову избранъ на царство земскою думою, то многіе сомнѣвались въ законности его избранія и это споспѣшествовало скорому его низверженію.

Призывая Польскаго Королевича Владислава на престолъ Московскій, бояре бывшія тогда подъ вліяніемъ побѣдителя, Польскаго Гетмана Жолкевскаго, предложили условія, которыя Гетманъ принялъ и въ исполненіи ихъ Королевичемъ присягнулъ. Этою записью сверхъ статей, которыя обязывался исполнять Василій Шуйскій, Владислава составляли: 1е) Принять православную Грекороссійскую Вѣру и 2е) что направленіе и дополненіе судебника будетъ зависить во первыхъ отъ Царя, потомъ отъ думы боярской въ согласіи съ Земскою думою.

Послѣ освобожденія Москвы отъ Поляковъ въ 1693 году, созвана была въ столицу великая земская дума для избранія Царя. Послѣ продолжительныхъ преній выборъ палъ на шестнадцатилѣтняго юношу Михаила Ѳедоровича Романова.

Иностранные писатели и въ числѣ ихъ извѣстный Шведъ Штраленбергъ, долго остававшійся въ Россіи въ плѣну, въ своихъ описаніяхъ Московскаго Государства — увѣряютъ, что по достовѣрнымъ, собраннымъ ими свѣдѣніямъ объ избраніи на Царство Михаила Ѳедоровича Романова, земская дума взяла съ него запись, подобную тѣмъ, которыми хотѣли ограничить власть Василья Шуйскаго и Королевича Владислава, и Михаилъ утвердилъ эту запись клятвою. Это обстоятельство о которомъ умолчалъ Исторіографъ Карамзинъ*) подтверждается книгою извѣстнаго подъячего Григорія Кошихина (недавно напечатанною). Кошихинъ свидѣтельствуетъ, что „какъ прежніе Цари отъ „Ивана Васильевича обираны на Царство, и на „многихъ читаны были письма, чтобъ имъ быть „не жестокимъ и не вспыльчивымъ, безъ суда и „безъ вины не казнити ни за что, и мыслити о

*) Въ сочиненіи о древней и новѣйшей Россіи въ отношеніи политическомъ и гражданскомъ.

„великихъ дѣляхъ со боярами и думными людьми „собча, и безъ вѣдомости ихъ тайно и явно никакихъ дѣлъ не дѣлати. А нынѣшняго Царя (Алексѣя Михайловича) обрали, а письма на себя не „далъ никакого. А отецъ его, блаженной памяти „Царь Михаилъ Ѳедоровичъ, хотя и самодержавуетъ писался, однако безъ боярскаго совѣта не „могъ дѣлать ничего.“*)

Это подтверждается и самою формулою, которыя, начинаютъ всѣ Правительственные акты того времени: „Бояре приговорили, Царь приказалъ“ не очевидно-ли, что тогда власть была въ рукахъ Московской аристократіи?

Но вліяніе бояръ на молодаго и кроткаго Михаила Ѳедоровича скоро встрѣтило противодѣйствіе въ возвратившемся изъ Польскаго плѣна отцѣ его, Митрополитѣ Филаретѣ Никитичѣ Романовѣ, который возведенъ былъ въ санъ Патріарха. Онъ, мосцарствуя съ сынонъ, строгостью смирилъ Московскихъ бояръ и укрѣпилъ самодержавіе. Современники отзывались что — „Патріархъ Филаретъ „Никитичъ божественное писаніе отчасти разумѣлъ; „правомъ опальчивъ и мнителенъ, и власть имѣлъ

*) О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича современное сочиненіе подъячаго Григорья Кошихина напечатано въ 1840 году.

„такую, что самъ Царь его боялся. Бояръ и дру-
„гихъ сановниковъ сильно томилъ заточеніями без-
„возвратными и иными наказаніями, — всяки дѣ-
лами царскими и ратными владѣлецъ.*)

Но и властолюбивый Патріархъ Филаретъ Никитичъ, согласно съ стариннымъ обычаемъ, во всѣхъ важныхъ и чрезвычайныхъ случаяхъ сзывалъ великую земскую думу, предлагалъ ей вопросы о важнѣйшихъ дѣлахъ, выслушивалъ мнѣнія народныхъ представителей и сообразовалъ съ ними правительственныя дѣйствія свои.

При немъ земская дума собиралась въ 1621 г. и по ея приговору объявлена война Польскому Королю Владиславу. Другой разъ въ 1641 г. земская дума разсуждала о завоеваніи Турецкаго го-

*) Вотъ черта показывающая самовластіе Патріарха Филарета: въ нашихъ городовыхъ и монастырскихъ архивахъ не сохранилось почти никакихъ письменныхъ памятниковъ и актовъ отъ смерти Бориса Годунова до воцаренія Михаила Өедоровича. Это объясняется тѣмъ, что Патріархъ Филаретъ, возвратившись изъ плѣна, послалъ во всѣ города и монастыри повелѣніе истребить всѣ бумаги, относившіяся къ смутнымъ годамъ отъ смерти Годунова до 1613 г., чтобы въ Русскомъ царствѣ и самая память о безгосударскомъ времени истребилась. Если и есть какія свѣдѣнія объ этотъ времени, то онѣ почерпнуты изъ собранныхъ исторіографомъ Миллеромъ бумагъ въ архивахъ Сибири, куда вѣроятно не дошло повелѣніе Патріарха.

рода Азова и о томъ, воспользоваться ли этимъ завоеваніемъ и оказать-ли козакамъ помощь противъ Турокъ.

Въ царствованіе Алексѣя Михаиловича земской думѣ предложено было на разсужденіе принять въ Россіи Гетмана Богдана Хмѣльницкаго съ единовѣрною намъ Малороссіей утѣсняемою Поляками, подъ свое покровительство. — Дума изъявила согласіе на то и приговорила защищать Малороссію. — Это было въ 1654 году.

Опять Царь сзывалъ земскую думу для выслушанія Уложенія, сдѣланія на него замѣчаній и исправленій. Дума разсуждала объ этомъ и утвердила Уложеніе, которое потому и названо соборнымъ. (1649 г.)

При Царѣ Ѳедорѣ Алексѣевичѣ государственный соборъ, состояшій изъ Патріарха, архіереевъ, бояръ, думныхъ людей, дворянъ по предложенію Царя, разсуждалъ о вредномъ для государства мѣстничествѣ и опредѣлилъ упразднить его и сжечь разрядныя книги. Это было въ 1681 г.

Бытіе въ Россіи государственнаго собора или земской думы имѣетъ характеръ чисто европейскій: никогда ничего подобнаго не было у народовъ Азіи, оцѣпленныхъ въ своей тысячелѣтней недвижности, — это такая-же институція, какъ

государственные чины (Etats généraux), которые собирались во Франціи или Англійскіе Парламенты. Конечно, нисколько нельзя сравнивать тогдашняго состоянія Россіи, въ которой въ двухвѣковое бѣдственное рабство подъ игомъ Орды не только прилипло много дикой татарщины, но даже проникло въ ея обычаи и нравы, — съ современнымъ ея просвѣщеніемъ и образованностью тогдашнихъ Европейскихъ государствъ; но и въ самой Англіи, этой образцовой странѣ законно-свободныхъ постановленій, развѣ Парламенты ея при короляхъ рода Тюдоровъ были на той высотѣ, какой достигли въ послѣдствіи времени? Извѣстно какъ раболѣпствовалъ Англійскій Парламентъ передъ кровожаднымъ тираномъ Генрихомъ VIII, какъ одобрялъ его самовластіе и жестокости? Не угождалъ-ли Парламентъ во всемъ его дочери Елисабетѣ? Но все таки Англичане обязаны своимъ Парламентомъ той мудрой, конституціонной системѣ, которая создала могущество и славу Англіи и въ наше время предохранила ее отъ тѣхъ насильственныхъ переворотовъ и потрясеній, которые колеблютъ Европейскія государства.

Еслибы и въ Россіи, земская дума собиралась чаще и въ извѣстныя опредѣленные сроки, то-кто знаетъ! можетъ быть Россія, въ силу общаго за-

кона человѣческой усовершаемости, съ правильной системой представительства, наслаждалась бы теперь законно-свободными постановленіями, ограничивающимъ произволъ верховной власти?

При Петрѣ Великомъ уже болѣе не собиралась земская дума; это, хоть слабое, выраженіе народной самостоятельности вездѣ и всегда противно властолюбивымъ самодержцамъ. Дума могла быть препятствіемъ въ задуманныхъ Петромъ В. — преобразованіяхъ.

Но въ этомъ дѣлѣ геніальный Царь не столько обращалъ вниманіе на внутреннее благасостояніе народа, сколько на развитіе исполинскаго могущества своей Имперіи. Въ этомъ онъ точно успѣлъ приготовить ей то огромное значеніе, которое нынѣ пріобрѣла Россія въ политической системѣ Европы. Но Русскій народъ сдѣлался-ли отъ того счастливѣе? Улучшилось-ли сколько нибудь его нравственное или даже матеріальное положеніе? Большинство его осталось въ такомъ-же состояніи въ какомъ было за двѣсти лѣтъ.

Если Петръ старался вводить въ Россію Европейскую цивилизацію, то его прельщала болѣе ея внѣшняя сторона. Духъ-же этой цивилизаціи, духъ законной свободы и гражданственности былъ ему, деспоту, чуждъ и даже противенъ. Мечтая

перевоспитать своихъ подданныхъ, онъ не думалъ вдохнуть въ нихъ высокое чувство человѣческаго достоинства, безъ котораго нѣтъ ни истинной нравственности ни добродѣтели. Ему нужны были способныя орудія для матеріальныхъ улучшеній, по образцамъ, видѣннымъ имъ за границей: для регулярныхъ войскъ, флота, для украшенія городовъ, построенія крѣпостей, гаваней, судоходныхъ каналовъ, дорогъ, мостовъ, для заведенія фабрикъ и проч. Онъ особенно и дорожилъ людьми спеціальными, для которыхъ наука становится ремесломъ; но люди истинно образованные, смысленные, дѣйствующіе не изъ рабскаго страха, а по чувству долга и разумнаго убѣжденія, — такіе люди не могли нравиться Петру, а скорѣе должны были ему казаться свидѣтелями безполезными и даже опасными для его желѣзнаго самовластія, неодобряющими тѣхъ тиранскихъ дѣйствій, которыя онъ слишкомъ часто позволялъ себѣ. „Петръ Великій", говоритъ Карамзинъ, „любя въ воображеніи нѣко-„торую свободу ума человѣческаго, долженъ былъ „прибѣгнуть ко всѣмъ ужасамъ самовластія для „обузданія своихъ впрочемъ столь вѣрныхъ под-„данныхъ. Тайная канцелярія въ Преображен-„скомъ, пытки и казни служили средствомъ на-„шего славнаго преобразованія государственнаго.

„Многіе гибли за одну честь Русскихъ кафтановъ „и бородъ.“

Учрежденіемъ высшаго трибунала съ громкимъ названіемъ Сената, съ подвѣдомственными ему коллегіями по всѣмъ отраслямъ управленія Петръ Великій замѣнилъ прежнюю боярскую думу и приказы, которыми самовластно управляли малограмотные бояре подъ вліяніемъ безсовѣстныхъ и корыстолюбивыхъ дьяковъ. Этимъ дѣйствительно сообщилъ онъ администраціи болѣе правильный ходъ и вообще улучшилъ ее тѣмъ, что коллегіи могли дѣйствовать независимо отъ произвола лицъ. Но нисколько не улучшилось управленіе областное и городовое. Хоть Петръ и ряздѣлялъ свою огромную державу на губерніи, состоявшія изъ провинцій и уѣздовъ, но правители и воеводы въ областяхъ и городахъ продолжали дѣйствовать самоуправно и самовластно, какъ и при прежнихъ Царяхъ, по совершенному отсутствію правильной надъ ними контролы и по несуществованію мѣстныхъ муниципальныхъ учрежденій, которыя могли-бы удерживать въ границахъ произволъ воеводъ и обнаруживать ихъ злоупотребленія.

Какъ полководецъ, создавшій свою армію, Петръ побѣдами надъ Шведами стяжалъ безсмертную славу, возвеличилъ Россію, на сѣверѣ и за-

падѣ расширилъ ея предѣлы завоеваніемъ части Финляндіи и Прибалтійскихъ областей. Заведенный имъ флотъ содѣйствовалъ его успѣхамъ въ войнѣ со Шведами. Но въ дѣлѣ законодательства Петръ В. едва-ли не уступалъ отцу своему, который по крайнѣй мѣрѣ оставилъ Россіи Уложеніе — кодексъ и по сіе время имѣющій силу. Петръ не издалъ даже закона о престолонаслѣдіи, что при преемникахъ его было поводомъ къ тѣмъ дворцовымъ переворотамъ, въ которыхъ гвардія, какъ преторіанцы Римскіе, располагала трономъ. Въ его время въ нѣкоторыхъ западныхъ государствахъ крѣпостное состояніе земледѣльцевъ уже не существовало, въ другихъ принимались мѣры для исправленія этого зла, которое въ Россіи къ несчастію ввелось съ недавняго времени и было во всей силѣ. Петръ не обратилъ на это вниманія и не только ничего не сдѣлалъ для освобожденія крѣпостныхъ, но, поверставъ ихъ съ полными кабальными холопами въ первую ревизію, онъ еще усугубилъ тяготившее ихъ рабство.

Безчисленное множество имянныхъ указовъ, выраженіе чрезмѣрной дѣятельности Петра, — при отсутствіи всякой системы, породило въ законодательствѣ величайшую запутанность и при преемникахъ его, которые все продолжали издавать у-

казы, оно сдѣлалось самымъ нестройстнымъ хаосомъ. Изъ этого арсенала ябеды, какъ замѣчаетъ одинъ остроумный писатель прошедшаго вѣка, для всякой тяжбы можно подобрать по два указа, изъ которыхъ по одному отдать, а по другому отнять туже самую вещь неоспоримо повелѣвается. Въ нынѣшнее только царствованіе изданіемъ свода законовъ этотъ вѣковой хаосъ распутанъ и законодательство приведено въ порядокъ.

До Петра В. Русская церковь, сохраняя свои каноническія права, была независима. Онъ и на церковь наложилъ свою желѣзную руку. Упраздненіемъ Патріаршества и учрежденіемъ Сѵнода Петръ безусловно подчинилъ и церковь своему произволу. Ему была по сердцу такъ называемая территоріальная система реформаціи, въ силу которой великій владѣтельный государь признавался природнымъ епископомъ и главою церковной земли.

Петръ хотя формально и не превозгласилъ себя главою Православной Грекороссійской Церкви, но по формулѣ, установленной при присягѣ для чиновъ Сѵнода и архіереевъ при ихъ возведеніи въ санъ, онъ существенно сдѣлался ея главою. Сѵнодъ вошелъ въ среду прочихъ административныхъ учрежденій и сталъ безусловно зависѣть отъ произвола Царя. Свѣтскій и чисто военный чинов-

никъ, подъ страннымъ названіемъ Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Правительствующаго Сvнода, именемъ государя полновластно дѣйствуетъ въ этомъ церковномъ соборѣ и полновластно управляетъ духовенствомъ. Этимъ Петръ унизилъ церковь и ея пастырей. Архіереи наши съ тѣхъ поръ въ полной зависимости отъ верховной власти и доходятъ въ своихъ проповѣдяхъ до самаго пошлаго ласкательства и лести царедворцевъ. Болѣе всего дорожа высочайшею милостью и благоволѣніемъ, пастыри церкви не умѣютъ исполнять главную обязанность своего сана: учить и обличать грѣхи, даже въ сильныхъ земли. Карамзинъ, говоря объ этомъ, замѣчаетъ, что съ Петра Великаго „наши первосвятители были только угодниками Царей и на каѳедрахъ языкомъ библейскимъ произносили имъ слова похвальныя.“ Карамзинъ упрекаетъ преобразователя Россіи, что онъ, презирая свой народъ и увлеченный пристрастіемъ ко всему иноземному, повредилъ нашей народности и привилъ намъ страсть подражать всему чужому. Не дерзнемъ ставить это въ вину Петру В. Знакомя Русскихъ съ Европою и заимствуя ея обычаи, онъ извлекъ Россію изъ того мертвеннаго состоянія неподвижности, въ которое она была погружена, такъ долго оставаясь подъ Татарскимъ владыче-

ствомъ, а этимъ самымъ сдѣлалъ онъ для насъ возможнымъ истинный прогрессъ. Петръ точно привилъ намъ страсть подражать Европейцамъ; это подражаніе бываетъ часто невпопадъ и имѣетъ свои смѣшныя стороны. Но, перенимая у Европейцевъ внѣшнія формы общественной жизни, обычаи и моды ихъ, мы можетъ быть научимся подражать имъ и въ болѣе существенномъ, — въ достиженіи благъ истинной цивилизаціи: свободы, равенства и безразличія предъ закономъ и обезпеченія правъ всѣхъ и каждаго.

Въ послѣдніе годы царствованія Петра Великаго, при Дворѣ и въ Сенатѣ составились двѣ партіи: одна благопріятствовала Екатеринѣ и состояла изъ преданныхъ ей лицъ: Князя Менщикова, Герцога Голштинскаго, мужа ея дочери Анны Петровны, посланника Голштинскаго Блазевича и всѣхъ почти генераловъ изъ иностранцевъ; другая партія держала сторону малолѣтняго сына несчастнаго Царевича Алексѣя Петровича — Петра; его приверженцы были Русскіе вельможи: Князья Голицыны, Долгорукіе, Куракины, Рѣпнины, Апраксины, Лопухины, Головины, Нарышкины и еще нѣкоторые. Одни изъ нихъ, любители старины времени допетровскаго, желали ея возстановленія, другіе-же изъ молодаго поколѣнія, болѣе образо-

ванные и осмысленные знакомствомъ съ Европой, тяготились хуже самодержавіемъ и замышляли ограничить его собраніемъ государственныхъ чиновъ и Сенатомъ.

Когда Петръ былъ на одрѣ смертномъ, всѣ державшіе сторону его внука, малолѣтняго Царевича Петра, хотѣли возвести его на тронъ, а тѣ изъ нихъ, которые думали объ ограниченіи власти, надѣялись при перемѣнѣ царствованія привести въ исполненіе свои предположенія. Петръ В. испустилъ духъ, и въ самыя эти минуты въ Сенатѣ совѣщались о возведеніи Царевича и объ измѣненіи самаго образа правленія. Но Князь Менщиковъ успѣлъ предупредить замыслы заговоровъ своихъ противниковъ: онъ начальствовалъ гвардейскими и армейскими полками въ Петербургѣ, собралъ къ дворцу тѣ изъ нихъ, въ преданности и повиновеніи которыхъ былъ увѣренъ: и превозгласилъ Екатерину царствующею Императрицею будто бы по волѣ умершаго ея супруга. Войско немедленно присягнуло Екатеринѣ, а затѣмъ и Сенатъ, запуганный Менщиковымъ, и всѣ сословія.

Князь Менщиковъ, именемъ Екатерины сталъ полновластно править Россіей, но, не смотря на его могущество и подозрительность, тѣ изъ Сенаторовъ которые желали измѣненія въ образѣ правленія,

не покинули своихъ намѣреній. Объ этомъ свидѣтельствуетъ Французскій дипломатическій агентъ при Русскомъ дворѣ, Кампердонъ, въ депешѣ къ своему министерству. Вотъ собственныя слова его. „Большая часть Русскихъ вельможъ стараются „умѣрить деспотическую власть Императрицы, что „и есть уже предзнаменованіе скораго упадка этой „власти. Они ждутъ только, чтобъ Царевичъ „Петръ Алексѣевичъ пришелъ въ возврастъ и тог„да, возведя его на тронъ, недовольные настоящимъ „порядкомъ вельможи, надѣются получить большее „участіе въ правленіе, устроивъ его по образу Анг„лійскаго.“

Для достиженія этой цѣли, говоритъ Кампердонъ, Сенаторы успѣли уговорить Императрицу, подъ предлогомъ сообщенія ея правительству болѣе силы и единства, учредить тайный верховный Совѣтъ, поставленный въ правительственной іерархіи выше самаго Сената. Верховный совѣтъ, въ случаѣ смерти Императрицы или достиженія совершеннолѣтія Царевича отрока Петра Алексѣевича, котораго она въ духовномъ завѣщаніи порѣкла своимъ преемникомъ, можетъ легко укрѣпиться присоединеніемъ къ себѣ новыхъ единомышленныхъ членовъ, и, сосредоточивъ въ рукахъ своихъ всю правительственную власть, произвести

перемѣну въ самой формѣ правленія, упразднивъ неограниченное самодержавіе.

Екатерина I умираетъ въ 1727 г. Полновластный Князь Менщиковъ возводитъ 14 лѣтняго отрока Царевича Петра II на престолъ, замышляетъ женить его на своей дочери и какъ опекунъ его царствуетъ самовластно. Но проходитъ нѣсколько мѣсяцевъ, и сильный вельможа, не предчувствуя скораго паденія, вдругъ низложенъ дворцовой интригой. Князья Долгорукіе успѣли чрезъ 16ти лѣтняго любимца царскаго Князя Ивана Долгорукаго не только удалить отъ дворца могущественнаго и гордаго Менщикова, но и отправить его въ ссылку въ Сибирь, въ Березовъ, гдѣ онъ, лишенный чиновъ и званія, умираетъ ссыльнымъ.

Власти и вліянію Менщикова послѣдовали Долгорукіе, и первымъ дѣломъ ихъ было возстановленіе значенія тайнаго верховнаго Совѣта съ еще большими противъ прежняго правами.

Долгорукіе, для упроченія своего вліянія на Царя юношу, вздумали женить его на родной сестрѣ Царскаго любимца Ивана Долгорукаго, которая и была нарѣчена царскою невѣстою, но смерть Императора присѣкла властолюбивые планы и надежды Долгорукихъ.

Въ 1730 году, послѣ трехлѣтняго царствова-

нія скончался Петръ II и тайный верховный Совѣтъ (тогда изъ 8 человѣкъ) опредѣлилъ предложить Россійскую корону вдовствующей Герцогинѣ Курляндской Аннѣ Ивановнѣ, дочери брата Петра В. Ивана Алексѣевича, но съ условіями, ограничивающими самодержавіе аристократическими институціями. Эти условія представлены Герцогинѣ Курляндской въ Митавѣ чрезъ уполномоченнаго отъ тайнаго верховнаго Совѣта, были ею приняты, утверждены собственноручною ея подписью и состояли изъ слѣдующихъ статей:

1е) Чтобы Императрица Анна правила государствомъ по опредѣленіямъ верховнаго Совѣта.

2е) Чтобъ одною свою властью не объявляла войны и не заключала мира.

3е) Не налагала по своему произволу новыхъ податей и налоговъ.

4е) Не раздавала важнѣйшихъ государственныхъ должностей безъ согласія верховнаго Совѣта.

5е) Не наказывала никого изъ дворянъ безъ явныхъ уликъ и законнаго суда.

6е) Не конфисковала ни чьихъ имѣній, не располагала произвольно государственными имуществами и не дарила ихъ.

7е) Не вступала въ супружество и не назна-

чала себѣ преемника безъ согласія и приговора верховнаго Совѣта.

8е) Чтобъ не брала съ собою въ Россію своего любимца Бирона.

Члены верховнаго Совѣта, постановившіе эти условія были: Князья Голицыны, Дмитрій Михайловичъ, Фельдмаршалъ Петра В., Князья Долгорукіе Василій Лукичъ, Василій Владиміровичъ, отецъ любимца Императора Петра II, Алексѣй Григорьевичъ и Михаилъ Владиміровичъ; Вицеканцлеръ Остерманъ, заключившій при Петрѣ В. Нейштатскій миръ съ Швеціей, принадлежалъ противной Нѣмецкой партіи, засѣдалъ въ верховномъ Совѣтѣ, но уклонился отъ его послѣднихъ дѣйствій, сказываясь больнымъ.

Верховный Совѣтъ намѣревался созвать Государственные чины для окончательнаго учрежденія уложенія, ограничивающаго верховную власть и для утвержденія новаго образа правленія. Князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ отъ лица Совѣта отнесся къ Ст. Сов. Фрику, посланному еще Петромъ Великимъ въ Швецію для изученія тамошникъ финансовыхъ установленій, съ порученіемъ доставить верховному Совѣту подробныя свѣдѣнія о Шведской конституціи и представить предполо-

женія о введеніи ея въ Россію, съ приспособленіемъ этой конституціи къ Русскому Государству.

Верховный Совѣтъ съ самаго начала сдѣлалъ важную ошибку: не сообщилъ Сvноду своихъ дѣйствій, не пригласилъ его къ совѣщанію о замышленной перемѣнѣ въ образѣ правленія и не испросилъ его согласія и благословенія на эту важную Государственную мѣру. Этимъ возбудилъ онъ негодованіе высшаго духовенства, которое сблизилось съ противной Совѣту партіей. Между тѣмъ, главные ея дѣйствователи: графъ Ягужинскій и Остерманъ, успѣли вступить въ тайныя сношенія съ Герцогиней Курляндской, увѣряли ее въ своей преданности и готовности противодѣйствовать верховному Совѣту и уничтожить вынужденныя у нея условія, ограничивающія самодержавіе. Эта интрига не укрылась отъ верховнаго Совѣта, который, перехвативъ одно изъ писемъ Ягужинскаго къ Герцогинѣ, снялъ съ него орденъ Андрея Первозваннаго и арестовалъ его.

Когда разнеслась вѣсть о смерти Императора, объ избраніи Герцогини Курляндской на царство и дѣйствіяхъ верховнаго Совѣта, въ Москву собралось множество дворянъ. Большая часть изъ нихъ не одобряла олигархическія притязанія Совѣта и, хотя желала ограниченія верховной власти, но ос-

корблялась тѣмъ, что верховный Совѣтъ не созвалъ депутатовъ отъ дворянства и, не спрося ихъ согласія на избраніе Императрицы, поступилъ въ этомъ дѣлѣ самопроизвольно. Дворяне Московскіе и иногородные ежедневно держали собранія, въ которыхъ разсуждали объ измѣненіи въ образѣ правленія и свои предположенія на счетъ этого важнаго дѣла представили верховному Совѣту, требуя отъ него созванія государственныхъ членовъ.

Между тѣмъ Императрица Анна Ивановна, подписавъ предложенныя ей условія, прибыла изъ Митавы въ Москву. Дворянство поспѣшило испросить созволеніе представить ей чрезъ избранныхъ изъ среды своей депутатовъ адресы, на что и послѣдовала соизволеніе Императрицы. Въ этомъ актѣ, изъявляя чувства вѣрноподданической благодарности за принятіе условій, прелложенныхъ Государынѣ верховнымъ Совѣтомъ, дворянство просило и созвать избранныхъ отъ своего сословія депутатовъ для разсужденія вмѣстѣ съ верховнымъ Совѣтомъ, которому оно уже представило свои мнѣнія и предположенія, о введеніи въ Россіи лучшаго образа правленія и о точномъ, окончательномъ утвержденіи правилъ, которымъ верховная власть должна слѣдовать для блага отечества и счастія народа Русскаго.

Императрица допустила къ себѣ депутацію изъ дворянства, приняла поднесенный адресъ, повелѣла прочитать его во всеуслышаніе и, потребовавъ перо, собственноручно подписала свое согласіе на прошеніе дворянства въ представленномъ актѣ.

Но когда это происходило, противная партія не оставалась въ бездѣйствіи. Графъ Ягужинскій, хотя подъ стражей, князь Черкаскій, Остерманъ и ихъ сообщники тайно сносились съ Императрицей чрезъ приближенныхъ къ ней придворныхъ дамъ, и увѣдомленные обо всемъ, что происходитъ и въ городѣ и во дворцѣ, приняли мѣры для уничтоженія дѣйствій и верховнаго Совѣта и адреса, представленнаго дворянствомъ Императрицы.

Они незамѣтно по одному сошлись въ дворцѣ и представили ей другой адресъ съ многими подписями, которымъ просили Государыню отъ лица всего народа царствовать самодержавно, какъ ея предки, и уничтожить всѣ условія, на корорыя она согласилась по требованію верховнаго Совѣта и дворянства. Тутъ для произведенія бо́льшаго эфекта, одинъ изъ сообщниковъ, начальникъ Гвардіи генералъ Солтыковъ, съ нѣсколькими офицерами бросился передъ Императрицей на колѣны и умолялъ ее для счастія Россіи исполнить желанія ея

вѣрноподданныхъ, выраженныя въ послѣднемъ поданномъ ихъ прошеніи. Отъ лица гвардіи онъ говорилъ, что ни онъ, ни его подчиненные не потерпятъ, чтобы дерзали стѣснять власть ихъ Самодержицы, и если она повелитъ, то они, вѣрные ея подданные, повергнутъ по ея слову къ ея священнымъ стопамъ головы враговъ ея.

Послѣ этой продѣлки Императрица велѣла подать условія, ею подписанныя, и сказала, что она согласилась на нихъ, будучи обманута верховнымъ Совѣтомъ на счетъ желаній народа, и, сказавъ это, разорвала оба подписанные ею акта. Анну Ивановну провозгласили самодержавной Императрицей и она велѣла всѣмъ быть въ повиновеніи у начальника гвардіи генерала Солтыкова. Графъ Ягужинскій явился къ ней, и она надѣла на него андреевскую ленту, снятую съ него верховнымъ Совѣтомъ.

Эти свѣдѣнія почерпнуты изъ депешъ бывшихъ тогда въ Москвѣ дипломатическихъ агентовъ французскихъ г. г. Маньяна и Бюси, умныхъ и безпристрастныхъ наблюдателей, которые подробно описываютъ все происходившіе въ Москвѣ при вступленіи на престолъ Императрицы Анны Ивановны*). Г. Маньянъ между прочимъ

*) Эти депеши напечатаны въ сочиненіи Н. Тургенева: De la Russie et des Russes.

говоритъ въ одной изъ своихъ депешъ, что Русскіе упустили самый благопріятный случай избавиться отъ своего вѣковаго рабства. Причины этой неудачи были во первыхъ несогласіе, существовавшее между знатными дворянскими родами, во вторыхъ олигархическія притязанія членовъ верховнаго Совѣта. Въ другой депешѣ Г. Маньянъ замѣчаетъ, что тогдашнее общее настроеніе умовъ благопріятствовало свободѣ, и дворянство особенно желало ограничить самодержавіе. „Въ Москвѣ въ „домахъ и на улицахъ слышны были только рѣчи „объ англійской конституціи и о правахъ парла„мента.“

Но какими ужасами ознаменовалось тогда торжество самодержавія!!

„Злосчастная привязанность Анны къ любимцу бездушному, низкому,“ говоритъ Карамзинъ, — „омрачила и жизнь и память ея въ исторіи. „Биронъ, недостойный власти, думалъ утвердиться „въ рукахъ своихъ ужасами: самое легкое подо„зрѣніе, двусмысленное слово, тоже молчаніе каза„лось ему достаточною виною для казни и ссылки.“

Не только члены верховнаго Совѣта и дворяне, мечтавшіе уничтожить самодержавіе, но многіе изъ тѣхъ, которые, усердствуя Аннѣ противодѣйство-

вали имъ, гибли на эшафотахъ или, высѣченные кнутомъ, въ холодныхъ пустыняхъ Сибири.

Послѣ десятилѣтняго тиранскаго царствованія Анна Ивановна умираетъ, назначивъ преемникомъ престола сына родной племянницы своей, Браупшвейгской Принцессы Анны Леопольдовны, младенца Ивана Антоновича. Времещикъ Биронъ остается полновластнымъ регентомъ и продолжаетъ тиранствовать. Но домашняя ссора Нѣмцевъ, которые въ это несчастное время располагали судьбами Россіи, способствуетъ низложенію кровожаднаго Бирона. Графъ Минихъ съ адъютантомъ своимъ Монштейномъ и ротой гренадеръ ночью вторгается во дворецъ регента, застаетъ его спящимъ и отправляетъ въ Шлиссельбургскую крѣпость. Бирона судитъ тамъ созванная наскоро Коммиссія изъ преданныхъ Миниху людей, и, несмотря на его достоинство владѣтельнаго Герцога Курляндскаго, осуждаетъ на лишеніе чиновъ, орденовъ и ссылку въ Сибирь. Его немедленно отвозятъ въ дикій Пелымъ. Мать младенца Императора, Принцессу Анну Леопольдовну, Минихъ заставляетъ Сенатъ провозгласить Правительницею Имперіи, чтобы самому властвовать ея именемъ.

Чрезъ годъ послѣ этого дворцоваго перево-

рота, Французъ Лестокъ, врачъ дочери Петра Великаго, Цезаревны Елисаветы, съ Французскимъ посланникомъ Маркизомъ Де-ла-Шетарди замышляетъ свергнуть Правительницу и возвести на тронъ цезаревну Елисавету Петровну. Главнымъ дѣйствующимъ лицемъ въ этомъ заговорѣ былъ обанкрутившійся купецъ Грюнштейнъ, поступившій въ Преображенскій полкъ солдатомъ. Онъ подговариваетъ сперва 12 человѣкъ товарищей и потомъ чрезъ нихъ до 30 человѣкъ гренадеръ Преображенскаго полка. Елисавета, увѣрившись въ ихъ преданности, въ лентѣ Св. Екатерины ночью ѣдетъ въ саняхъ въ канцелярію Преображенскаго полка, сопровождаемая Лестокомъ и Воронцовымъ, арестуетъ дижурнаго офицера Гревса, беретъ съ собою 300 гренадеръ, уже приготовленныхъ заговорщиками, и съ ними нападаетъ на дворецъ Правительницы, арестуетъ ее, малолѣтняго Императора, Генерала Миниха, Остермана и Левенвольда, надъ этими тремя лицами наряжаетъ судъ, который приговариваетъ казнить ихъ смертью; Елисавета смягчаетъ приговоръ и опредѣляетъ вмѣсто смертной казни сослать въ Сибирь съ лишеніемъ чиновъ. Правительницу же, мужа ея, Принца Антона Ульриха и дѣтей ихъ сперва заключаютъ въ Рижскую крѣпость, оттуда перевозятъ

ихъ въ Динабургскую и потомъ опредѣляютъ имъ мѣстомъ жительства городъ Холмогоры. Младенца Императора Ивана Антоновича заточаютъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, которая впослѣдствіи будетъ его гробницею.

Съ восшествіемъ на престолъ Елисаветы Петровны уничтожилось вліяніе Нѣмцевъ на государственное управленіе, и этимъ она польстила народному чувству. Не смотря на предвеличенныя похвалы добросердечію и милосердію Елисаветы, страшная тайная канцелярія и въ ея время не была праздною: много жертвъ гибло за какое нибудь нескромное сужденіе о поступкахъ Императрицы или ея любимцевъ. Она, какъ соименная ей королева Англійская, чрезмѣрно занята была красотою своей, и горе тому, кто смѣлъ соперничать съ нею въ тѣлесныхъ преимуществахъ. Извѣстную красавицу, фрейлину Лопухину, она осудила быть высѣченной кнутомъ съ отрѣзаніемъ языка и въ ссылку въ Сибирь, и вся вина ея состояла въ красотѣ, возбудившей ревнивое чувство въ сердцѣ Елисаветы. Безпечная и сластолюбивая, она отдала Россію на разграбленіе своимъ временщикамъ и любимцамъ, изъ которыхъ алчный къ пріобрѣтенію корысти графъ Петръ Ивановичъ Шуваловъ прославился введенными имъ монопо-

ліями: обогащаясь самъ, давалъ возможность обогащаться нѣсколькимъ откупщикамъ, ко вреду казны и къ угнетѣнію народа.

Преемникъ Елисаветы, родной племянникъ ея Петръ III, ничтожный, и по умственнымъ способностямъ, и по образованію, и по характеру, окружилъ себя Голштинскими офицерами и любимцами и велъ съ ними разгульную жизнь большею частью въ любимомъ Ораніенбаумѣ. Восторженный поклонникъ Прусскаго короля Фридриха В., онъ съ страстью занимался обученіемъ войскъ своихъ по образцу Прусскихъ, презиралъ свой народъ и возбудилъ тѣмъ нелюбовь къ себѣ подданныхъ и особенно гвардіи. Супруга его, Ангальтъ-Цербтская Принцесса Екатерина Алексѣевна, съ которою онъ поступалъ грубо, безпрестанно оскорблялъ и даже угрожалъ разводомъ и заточеніемъ, воспользовалась чувствомъ непріязни и неуваженія къ Петру III высшаго духовенства, вельможъ, дворянства и особенно гвардейскихъ полковъ и успѣла пріобрѣсти общее къ себѣ расположеніе. Предшествовавшіе насильственные перевороты въ Русскомъ Правительствѣ, произведенные съ такою удачею и при такихъ ограниченныхъ средствахъ, повели недовольныхъ на мысль свергнуть съ трона неспособнаго Императора и про-

возгласить вмѣсто его Екатерину самодержицею Россійскою. Этотъ заговоръ увѣнчался полнымъ успѣхомъ. Екатерина возвѣстила манифестомъ, что, сочувствуя общему желанію Россіи, она вступаетъ на престолъ для блага отечества и охраненія православія, которому угрожала величайшая опасность отъ превратнаго образа мыслей и дѣйствій неспособнаго Императора, который постояннымъ предпочтеніемъ, оказываемымъ чужеземцамъ и иновѣрнымъ наносилъ Россіи и ея православной церкви неисчислимый вредъ.

Сенатъ, Сvнодъ и войско присягаютъ Екатеринѣ. Петръ III, узнавъ объ этомъ, присылаетъ ей добровольное отрѣченіе отъ престола, и переѣзжаетъ изъ Ораніенбаума въ Ропшу. Но этою уступчивостью не спасаетъ жизни своей: Алексѣй Орловъ, Тепловъ, Пасекъ и князь Федоръ Барятинскій умертвляютъ его въ Ропшинскомъ дворцѣ. Дала или нѣтъ свое согласіе на это злодѣйство Екатерина — неизвѣстно, но убійцы Петра III были взысканы ея милостью а впослѣдствіи занимали важныя должности въ государственной службѣ.

Петръ III въ кратковременное царствованіе свое издалъ однако два важныя постановленія: первымъ уничтожилъ онъ страшную тайную канце-

лярію, вторымъ даровалъ Русскому дворянству полныя гражданскія права.

Екатерина взошла на тронъ по призванію высшихъ государственныхъ сословій, гвардіи и жителей столицы; но если бы Петръ III остался живъ, онъ могъ взять назадъ свое вынужденное отрѣченіе и угрожать ея власти. Буйные приверженцы, отнявъ у него жизнь, избавили Екатерину отъ подобныхъ опасеній. Она однако царствовала не по праву, принадлежавшему законному наслѣднику престола, сыну ея В. К. Павлу Петровичу, по малолѣтству котораго ей слѣдовало только быть временной правительницей до достиженія имъ совершеннаго возраста. Екатерина воспользовалась неопредѣлительностью закона о престолонаслѣдіи и, сама взойдя на тронъ, царствовала 34 года. Это было время самое блистательное въ нашей исторіи.

Одаренная умомъ свѣтлымъ и любознательнымъ, Екатерина съ жадностью пріобрѣла познанія; по предчувствію ли будущаго величія или по внушенію властолюбія, она давно готовила себя и желала царствовать.

Будучи еще В. Княжней, Екатерина съ страстію читала творенія политическихъ писателей: Монтескьё, Мабли, Беккорія, также сочиненіе французскихъ энциклопедистовъ: Вольтера, Д'Аламбер-

та, Дидро, отличавшихся необыкновеннымъ вольномысліемъ въ рѣшеніи самыхъ важныхъ философскихъ, нравственныхъ и политическихъ вопросовъ. Въ Блекстонѣ и Делольмѣ изучила она конституціонную систему Англіи и тогдашнія смѣлыя теоріи, благопріятствовавшія политической свободѣ, — которыхъ энциклопедисты были самыми ревностными распространителями. При всемъ властолюбіи своемъ и внутреннемъ влеченіи къ самовластію, Екатерина высоко цѣнила мудрованія энциклопедистовъ, съ нѣкоторыми изъ нихъ дружески переписывалась, дорожила ихъ мнѣніемъ и похвалами, налагала на себя личину свободолюбія и не хотѣла казаться самовластною. Чтобы заслужить ихъ доброе мнѣніе, она старалась смягчить почти азіатскую суровую внѣшность Русскаго деспотизма болѣе благовидными европейсними формами. Небывалая до нея въ Россіи кротость и умѣренность въ дѣйствіяхъ верховной власти и нѣкоторое уваженіе къ законности ознаменовали царствованіе Екатерины: этимъ Россія была обязана уваженію Императрицы къ энциклопедистамъ и желанію быть ими прославляемой.

Съ этою цѣлью она въ 1767 г. рѣшилась созвать въ столицу депутатовъ отъ всѣхъ свободныхъ сословій Русскаго народа, избранныхъ съ

точнымъ соблюденіемъ формъ народнаго представительства.

Собраніе это, съ характеромъ государственныхъ чиновъ, должно было заняться разсмотрѣніемъ кодексовъ гражданскаго и уголовнаго судопроизводства, предложенныхъ ему правительствомъ. По зрѣлому обсужденію проэкта уложенія собраніемъ представителей, имъ даровоно было права сдѣлать въ немъ нужныя измѣненія и дополненія и трудъ свой поднести на утвержденіе верховной власти. Екатерина сама начертала для депутатовъ инструкцію, содержащую въ себѣ политическія начала и истины, заимствованныя ею по большей части изъ твореній Монтескьё и Беккорія. Это торжественное событіе долженствовавшее доставить Русскимъ политическую самобытность, кончилось ничѣмъ. Послѣ нѣсколькихъ засѣданій, въ которыхъ болѣе осмысленные изъ депутатовъ коснулисъ важныхъ политическихъ вопросовъ, какъ то: о противуестественности крѣпостнаго рабства почти половины населенія Имперіи, которая лишена всѣхъ гражданскихъ правъ, — также, будетъ ли верховная власть, послѣ изданія годоваго уложенія, измѣнять его именными указами и т. п. Вслѣдствіе этого собраніе представителей было распущено подъ предлогомъ на-

чинавшейся Турецкой войны. Екатерина угадывала въ собраніи депутатовъ будущее противодѣйствіе своему неограниченному самодержавію. Депутаты удостоились изъявленія монаршей признательности за труды, которые они еще не предпринимали, и розданныя имъ золотыя медали были памятниками эфемернаго существованія перваго и послѣдняго представительнаго собранія.

Въ числѣ полезныхъ законодательныхъ дѣйствій Екатерины II, первое мѣсто занимаетъ учрежденіе губерній и городовое положеніе, которымъ даровано дворянству и городскимъ жителямъ выбирать изъ своей среды чиновниковъ, завѣдывающихъ мѣстнымъ управленіемъ и судопроизводствомъ. Съ введеніемъ этого новаго порядка значительно улучшилось управленіе губернское и уѣздное: ограничился произволъ мѣстныхъ властей, и новая дѣятельность земской полиціи возстановила безопасность на большихъ дорогахъ и водяныхъ сообщеніяхъ прекращеніемъ бывшихъ до того разбоевъ.

Филантропическія ученія и идеи были тогда въ большемъ ходу въ Европѣ. Слѣдуя имъ Екатерина сдѣлала много для страждущаго человѣчества: учредила губернскіе приказы общественнаго призрѣнія, которымъ ввѣряла управленіе бо-

гоугодными и благотворительными заведеніями, народными школами, богодѣльными пріютами для сиротъ и безмощной старости. Московскій и С. Петербургскій воспитательные дома были ею учреждены и по превосходному устройству могли равняться съ лучшими европейскими заведеніями этого рода.

Но филантропическія побужденія не заставили Императрицу обратить вниманіе на уврачеваніе одной изъ самыхъ тяжкихъ язвъ нашего общественнаго состава: я разумѣю крѣпостное рабство почти половины народонаселенія Россіи. Екатерина не только ничего не предприняла для освобожденія крѣпостныхъ, но по указамъ 1783 г. обратила все населеніе Малороссіи, по условіямъ на земляхъ, принадлежавшихъ тамошнему дворянству въ крѣпостное рабство. Другимъ указомъ Екатерины запрещено однако всякаго званія свободнымъ людямъ записываться въ кабалу или крѣпостное состояніе, даже и по собственному желанію: такого рода акты не должны имѣть силы (1781 г.) На счетъ рабовъ иноземцевъ: Турокъ, Татаръ, Калмыковъ, Киргизовъ постановлено, что, вступивъ на Русскую землю и принявъ христіанство, они становятся свободными. Стало быть въ Россіи одни только Русскіе могутъ быть крѣпостными

рабами: странное преимущество народа господствующаго.

Отнявъ отъ Архіерейскихъ домовъ и монастырей принадлежавшія имъ недвижимыя имѣнія, которыхъ населеніе было до полтора милліона душъ, Екатерина лишила монастырскихъ крестьянъ того благосостоянія, которымъ они наслаждались подъ церковнымъ управленіемъ. Вообще монастырскія вотчины управлялись почти всегда умными и добросовѣстными старцами и были въ самомъ удовлетворительномъ положеніи. Крестьяне платили умѣренный оброкъ или занимались необременительными работами для доставленія продовольствія въ монастырѣ. Въ этихъ вотчинахъ хранились всегда огромные запасы всякаго рода хлѣба, остававшагося лишнимъ. Въ неурожайные годы монастырскія жительы открывались для бѣднаго народа, которому безъ отказу раздавался хлѣбъ, заимообразно какъ милостыня же обѣднѣйшимъ. Екатерина, отобравъ отъ монастырей вотчины, большую часть изъ нихъ впослѣдствіи роздала своимъ любовникамъ.

Карамзинъ восторженный почитатель царствованія Екатерины, говоритъ: „горестно, а должно признаться, что, усердно хваля Екатерину за превосходныя качества души, невольно вспоминаешь

ея слабости, и краснѣешь за нихъ, и краснѣешь за человѣчество.“ Въ другомъ мѣстѣ исторіографъ, намѣкая на расточительность Императрицы къ временщикамъ своимъ, которыхъ она осыпала богатствами и почестями, спрашиваетъ: „Богатство государственное принадлежитъ ли тому, кто имѣетъ слице красивое? Слабость тайная есть только слабость, явная — порокъ, ибо соблазняетъ другихъ; нравы болѣе развратились отъ двора любострастнаго.“

Въ 34хъ лѣтнее царствованіе Екатерины война почти не прекращалась и побѣдоносныя войска ея громили Турокъ, Поляковъ, Шведовъ и Персіянъ. Румянцовъ при Кагулѣ съ 16,000 арміи разбилъ десять разъ сильнѣйшаго Великаго Визоря; Суворовъ одерживалъ блистательныя побѣды надъ Турками и Поляками, когда противъ тѣхъ же самыхъ Турокъ не могли стоять Австрійцы. — Удачные кровопролитные штурмы Очакова, Измаила, Праги сдѣлались невозможностью для Русскихъ войскъ послѣекатерининскаго времени, хотя въ чистомъ полѣ онѣ не утратили прежней храбрости. Екатерина умѣла выбрать своихъ полководцевъ, и Румянцевъ, Суворовъ*) Потемкинъ, Панинъ, Реп-

*) Французкіе историки и самъ Тьери вездѣ пристрастно судятъ нашего знаменитаго полководца. Енно и Шеншо

нинъ, Ферзенъ прославили ея царствованіе знаменитыми побѣдами, распространившими предѣлы Россіи завоеваніемъ на югъ нынѣшнихъ губерній Харковской, Таврической, части Екатеринославской и Кавказской области, и на Западѣ присоединеніемъ отъ Польши Бѣлоруссіи, Литвы и Минской губ., Волыни и Подоліи. Въ исторіи Енно и Шеншо упоминается одно обстоятельство, немногимъ извѣстное: что бывшій тогда канцлеръ Гр. Никита Ивановичъ Панинъ и Кн. Екатерина Романовна Дашкова представляли Императрицѣ планъ конституціи для Россіи, и она отвергла его.

Вотъ какъ объ этомъ обстоятельствѣ слышалъ отъ современниковъ, которымъ оно могло быть извѣстно со всѣми подробностями. Гр. Н. И. Панинъ, воспитатель В. К. Насл. Павла Петровича, провелъ молодость свою въ Швеціи. Долго оставаясь тамъ посланникомъ и съ любовью изучая конституцію этого государства, онъ желалъ ввести нѣчто подобное въ Россіи: ему хотѣлось ограничить самовластіе твердыми аристократическими институціями. Съ этою цѣлью Панинъ предлагалъ

не только не отдаютъ справедливости его великимъ дарованіямъ, но чернятъ его нравственный характеръ, представляя Суворова кровожаднымъ изувѣромъ, чуть не любоядомъ.

установить политическую свободу сначала для одного дворянства въ учрежденіи верховнаго сената, котораго часть несмѣняемыхъ членовъ (innovibles) назначалась бы отъ короны, а большинство состояло бы изъ избранныхъ дворянствомъ изъ своего сословія лицъ. Сѵнодъ также бы входилъ въ составъ общаго собранія сената. Подъ нимъ въ іерархической постепенности были бы дворянскія собранія, губернскія или областныя и уѣздныя, которымъ предоставлялось бы право совѣщаться объ общественныхъ интерессахъ и мѣстныхъ нуждахъ, представлять о нихъ сенату и предлагать ему новые законы (avoir l'initiative des lois). Выборъ какъ сенаторовъ, такъ и всѣхъ чиновниковъ мѣстныхъ администрацій производился бы въ этихъ же собраніяхъ. Сенатъ былъ бы обличенъ полною законодательною властью, а Императору оставалась бы власть исполнительная съ правомъ утверждать обсужденные и принятые сенатомъ законы и обнародовать ихъ. Въ конституціи упоминалась и о необходимости постояннаго освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ и дворовыхъ людей. Проэктъ былъ написанъ Д. И. Фонъ-Визинымъ подъ руководствомъ Гр. Панина. У меня былъ списокъ съ введенія или предисловія къ этому акту, родъ considérant которое, сколько приспомню,

начилалось такъ: „Верховная власть ввѣряется Государю для единаго блага его подданныхъ. Сію истину тираны знаютъ, а добрые люди чувствуютъ. Просвѣщенный ясностью сей истины и великими качествами души одаренный монархъ, принявъ браздъ правленія, тотъчасъ почувствуетъ, что власть дѣлать зло есть несовершенство и что прямое самовластіе тогда только вступаетъ въ истинное величіе, когда само у себя отъемлетъ власть и возможность къ содѣланію какого либо зла и т. д.*). За этимъ слѣдовала политическая картина Россіи и объясненіе всѣхъ золъ, которыя она терпитъ отъ самодержавія.

---

*) Списокъ съ конституціоннаго акта хранится у роднаго брата его, редактора П. И. Фонъ-Визина. Когда въ первую французскую революцію извѣстный Массонъ и содержатель типографіи Новиковъ и московскія массонскія ложи были подозрѣваемы въ революціонныхъ замыслахъ, Ген. Губ. Кн. Прозоровскій, прислѣдуя массоновъ, считалъ сообщниками или единомышленниками ихъ всѣхъ служившихъ въ то время въ Московскомъ Университетѣ. П. И. Фонъ-Визинъ былъ тогда его директоромъ. При самомъ прибытіи полиціи для взятія его бумагъ, ему удалось истребить конституціонный актъ, который братъ его ему ввѣрилъ. Отецъ мой, случившійся въ то время у него, успѣлъ спасти введеніе или considérant, котораго начало я выписалъ выше. При моемъ арестованіи въ 1792 г. эту бумагу взяли вмѣстѣ съ прочими, меня спрашивали о ней въ комитетѣ, я разсказалъ всю исторію какъ зналъ, и меня оставили въ покоѣ. Покойному Ни-

Въ исторіи Енно и Шеншо упоминается объ этой конституціи безъ означенія года. Можетъ быть Гр. Панинъ и Кн. Дашкова и дѣйствительно представляли свои планы Екатеринѣ и убѣждали Императрицу принять его и узаконить. Мой покойный отецъ разсказывалъ мнѣ, что въ 1773 или 1774 г., когда цезаревичъ Павелъ Петровичъ достигъ совершеннолѣтія и женился на Дармштатской Принцессѣ, названной Натальей Алексѣевной, Гр. Н. И. Панинъ, братъ его фельдмаршалъ П. И. Панинъ, Кн. К. Р. Дашкова, Кн. Н. В. Репнинъ, кто то изъ Архіереевъ, чуть ли не Митрополитъ Гавріилъ, и многіе изъ тогдашнихъ вельможъ и гвардейскихъ офицеровъ вступили въ заговоръ съ цѣлью свергнуть съ престола царствующую безъ права Екатерину II и вмѣсто ея возвести совершеннолѣтняго ея сына.

китѣ Мих. Муравьеву сообщилъ я съ нея копію и онъ передѣлалъ ее, приспособивъ содержаніе этого акта къ царствованію Александра I. Разошлось нѣсколько экземпляровъ сочиненія, которое, явясь подъ именемъ настоящаго автора, было приписано мнѣ. Я слышалъ объ этомъ въ 1825мъ году отъ Кн. М. Д. Горчакова. Онъ былъ въ восторгѣ отъ введенія, и я не могъ разувѣрить его, что это не мое произведеніе. Подлинный манускриптъ, писанный рукою дядя Д. И. Фонъ-Визина, укралъ у меня одинъ букинистъ и, какъ я послѣ узналъ, продалъ П П. Бекетову, который издавалъ тогда всѣ сочиненія Д. И. Фонъ-Визина.

Павелъ Петровичъ зналъ объ этомъ, согласился принять представляемую Панинымъ конституцію, утвердилъ своею подписью и далъ присягу въ томъ, что воцарившись, ненарушитъ этого кореннаго государственнаго закона, ограничивающаго самодержавіе. Душею заговора были супруга Павла, В. К. Наталья Алексѣевна, тогда беременная.

При Гр. Панинѣ были довѣренными секретарями: Дм. Ив. Фонъ-Визинъ, редакторъ конституціоннаго акта, и Бакунинъ, оба участники въ заговорѣ. Бакунинъ, изъ честолюбивыхъ, своекорыстныхъ видовъ, рѣшился быть предателемъ: онъ открылъ любовнику Императрицы Гр. Орлову всѣ обстоятельства заговора и всѣхъ участниковъ; стало быть это сдѣлалось извѣстнымъ и Екатеринѣ. Она позвала къ себѣ сына и гнѣвно упрекала ему его участіе въ замыслахъ противъ нея. Павелъ испугался, принесъ матери списокъ всѣхъ заговорщиковъ. Она сидѣла у камина и, взявъ списокъ, не взглянувъ даже на него, бросила бумагу въ огонь и сказала: „я и не хочу знать кто эти несчастные.“ Она знала всѣхъ по доносу измѣнника Бакунина. Единственною жертвою заговора была В. К. Наталья Алексѣевна: полагали что ее отправили или извели дру-

гимъ образомъ. Историкъ Левекъ говоритъ: On a écrit que sa mort fit imputer à Catharine un crime de plus, et que la sage femme qui présida aux couches de cette princesse ne tarda pas à faire une grande fortune.“ А Левекъ долго и въ это время жилъ въ Петербургѣ и при дворѣ имѣлъ связи. Изъ заговорщиковъ никто однако не погибъ; Екатерина никого изъ нихъ не преслѣдовала. Графъ Панинъ былъ удаленъ отъ Павла съ благосклоннымъ рескриптомъ и съ пожалованіемъ ему за воспитаніе Цезаревича 5 т. душъ и остался канцлеромъ; братъ его фельдмаршалъ и Кн. Дашкова оставили дворъ и переселились въ Москву; Кн. Репнинъ уѣхалъ въ свое помѣстничество, въ Смоленскъ, а надъ прочими заговорщиками учрежденъ тайный надзоръ.

Въ исторіи Енно и Шеншо разсказана насильственная смерть Императора Павла не совсѣмъ вѣрно. Постараюсь собрать мои воспоминанія объ этомъ трагическомъ событіи и о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ и сопровождавшихъ его, о которыхъ я слышалъ отъ очевидцевъ.

В. К. Павелъ Петровичъ рожденъ былъ съ прекрасными душевными качествами, добрымъ сердцемъ, острымъ умомъ, живымъ воображеніемъ и

при некрасивой наружности восхищалъ всѣхъ знавшихъ его своей любезностью. Но превратное воспитаніе, многолѣтній стѣсненный образъ жизни при ненавидѣвшей его матери изказили всѣ его добрыя свойства. Екатерина постоянно держала его далеко отъ себя, не допускала къ участію въ дѣлахъ государственныхъ, оставляла наслѣдника престола часто въ такой нуждѣ, что въ семействѣ Владковскихъ хранятся записки его супруги, которыми она просила ссудить ее 25 или 50 рублями на насущные расходы. Временщики-царедворцы въ угодность Императрицѣ показывали явно неуваженіе къ ея сыну, и онъ, безпрестанно оскорбляемый и унижаемый, сдѣлался болѣзненно-раздражительнымъ до изступленія и бѣшенства. Такимъ и увидѣла его Россія на тронѣ. Не задолго до своей смерти, Екатерина рѣшилась устранить сына отъ престолонаслѣдія и объявить своимъ преемникомъ любимаго внука В. К. Александра. Актъ объ этомъ тайно былъ составленъ съ согласія приближенныхъ къ Императрицѣ вельможъ, въ преданности которыхъ она была увѣрена, и порученъ храненію Вице-Канцлеру Графу Безбородко. Императрица хотѣла облечь этотъ актъ силою закона и обнародовать въ свои имянины 24 Ноября 1796 года, предварительно заставивъ Павла отказаться

отъ престолонаслѣдія. Но не сбылось это предположеніе.

За двѣ недѣли до приведенія его въ дѣйствіе, Екатерина умираетъ скоропостижно 5 Ноября 1796 года. Вице-Канцлеръ Гр. Безбородко спѣшитъ въ Гатчину къ В. К. Павлу Петровичу и вручаетъ ему актъ, отстраняющій его отъ трона. Павелъ, наградивъ Безбородко княжескимъ титуломъ, возвышеніемъ въ Канцлеры и пожалованіемъ 9000 душъ, скачетъ въ Петербургъ. Манифестомъ объявляетъ о восшествіи своемъ на престолъ и не встрѣчаетъ ни малѣйшаго сопротивленія. Не смотря на то что онъ не былъ любимъ ни войскомъ, ни вельможами, ни придворными, всѣ безпрекословно ему присягаютъ.

Будучи Великимъ Княземъ Павелъ Петровичъ жилъ постоянно въ Гатчинѣ, гдѣ его окружали немногіе приверженные придворные и три некомплетные морскіе баталіона, которые отданы ему были подъ начальство, какъ Генералъ-Адмиралу Флота, которымъ онъ никогда не начальствовалъ. Офицеровъ назначалъ онъ въ эти баталіоны по собственному выбору, и какъ никто изъ порядочныхъ дворянъ не хотѣлъ служить у него, то корпусъ офицеровъ морскихъ баталіоновъ состоялъ изъ лицъ, за негодностью непринимае-

мыхъ никуда. Ихъ называли Гатчинскими, и это названіе было почти бранное. Морскіе баталіоны были потѣшнымъ войскомъ Павла; онъ обмундировывалъ ихъ по образцамъ войскъ Фридриха Великаго, упражнялъ частыми ученіями и маневрами по Прусской тактикѣ и съ необыкновенною страстью предавался фрунтоманіи. Не довѣряя новымъ своимъ подданнымъ, онъ расчитывалъ только на преданность своихъ Гатчинскихъ офицеровъ. Павелъ воцарившись, окружилъ себя ими и осыпалъ ихъ чрезмѣрными наградами. Чины, ордена, пожалованіе значительными имѣніями, были удѣломъ этихъ новыхъ временщиковъ.

Съ повышеніемъ чина перевелъ онъ ихъ въ Гвардейскіе полки, а рядовыхъ — унтеръ офицерами и поручилъ имъ образованіе Гвардіи по Гатчинскимъ образцамъ. Гвардейскіе офицеры изъ лучшихъ дворянскихъ фамилій почитали себя крайнею обидою подчиненіе „Гатчинскимъ,“ которые у нихъ были прежде въ такомъ презрѣніи. Правленіе новаго Императора становилось особенно тагостнымъ несноснымъ для высшаго класса — для дворянства, которое въ продолженіе 34 лѣтняго царствованія Екатерины, пользуясь ея постояннымъ благоволеніемъ, привыкла не только свободѣ, но и къ безнаказанному своеволію. Павелъ, ненавидя

мать, ненавидѣлъ все что дѣлалось при ней: кроткую систему правленія Екатерины замѣнилъ онъ дѣйствіями не только строгими, но жестокими и неправосудными; всячески унижая дворянъ, нарушалъ ихъ привилегіи, подвергалъ тѣлесному наказанію, торговой казни и ссылкѣ въ Сибирь безъ суда. Подозрительность Павла возстановила страшную тайную канцелярію, и множество жертвъ томилось въ ея заклепахъ.

Исторіографъ Карамзинъ рѣзко характеризовалъ правленіе Павла I, въ сочиненіи своемъ: „О древней и новой Россіи въ политическомъ и гражданскомъ отношеніи“ слѣдующими словами: „Сынъ Екатерины могъ быть строгимъ и заслу-„жить благодарность отечества: къ неизъясненно-„му изумленію Россіянъ онъ началъ господствовать „всеобщимъ ужасомъ; не слѣдуя никакимъ уста-„вамъ кромѣ своей прихоти, считалъ насъ не под-„данными, а рабами; казнилъ безъ вины, награж-„далъ безъ заслугъ; отнялъ стыдъ у казни, у на-„грады — прелесть; легкомысленно истреблялъ „долговременные плоды государственной мудрости, „ненавидя въ нихъ дѣло своей матери; умертвилъ „въ нашихъ полкахъ благородный духъ, воинскій, „воспитанный Екатериною, и замѣнилъ его духомъ „капральства; героевъ, пріученныхъ къ побѣдамъ,

„училъ маршировать; отвратилъ дворянство отъ „военной службы; презирая душу, уважалъ шляпы „и воротники; имѣя какъ человѣкъ, природную „склонность къ благотворенію, питался желчію зла; „вымышлялъ ежедневно способы ужасать людей, а „самъ всѣхъ болѣе страшился; думалъ соорудить „себѣ неприступный дворецъ и соорудилъ гроб-„ницу!“

Тиранство Павла особенно ужасало обѣ столицы и окружавшихъ его. Никто изъ служащихъ не былъ безопасенъ отъ его раздражительности, доходившей до безумія, — всѣмъ страшенъ былъ гнѣвъ его; никто въ это прихотливое, деспотическое царствованіе не могъ быть увѣренъ, чтобы безъ всякой вины его не выгнали изъ службы, не опозорили, не засадили въ крѣпость, не заслали въ Сибирь. Тысячи подверглись этой участи въ 4хъ лѣтнее его царствованіе: многихъ не скоро могли отыскать въ Сибири послѣ его смерти, потому что, при отправленіи ихъ въ ссылку, имъ перемѣняли имена.

Въ это бѣдственное для Русскаго дворянства время безравное большинство народа на всемъ пространствѣ Имперіи оставалось равнодушнымъ къ тому, что происходило въ Петербургѣ: до него не касались жестокія мѣры, угрожавшія дворянамъ.

Простой народъ даже любилъ Павла: въ облегченіе крѣпостныхъ земледѣльцевъ, онъ въ 1798 г. издалъ указъ, чтобы они только три дня въ недѣлю работали за своихъ господъ, а три дня за себя и были свободны отъ работъ во всѣ двунадесятые и храмовые ихъ селеній праздники. Ужасъ Павлова тиранства особенно царствовалъ въ Петербургѣ.

Такое насильственное положеніе не могло быть продолжительно, — терпѣніе истощилось и общее негодованіе, возбужденное жестокостями и безуміемъ Царя, выразилось заговоромъ противъ него, въ которомъ приняли участіе приближенныя и взысканныя его милостями особы.

Вступивши въ службу въ гвардію въ 1803 году, я лично зналъ многихъ, участвовавшихъ въ заговорѣ; много разъ слышалъ я подробности преступной катастрофы, которая тогда была еще въ свѣжей памяти и служила предметомъ самыхъ живыхъ разсказовъ въ офицерскихъ бесѣдахъ. Не разъ стоя въ караулѣ въ Михайловскомъ замкѣ, я изъ любопытства заходилъ въ комнаты, занимаемыя Павломъ, и въ его спальню, которая долго оставалась въ прежнемъ видѣ: видѣлъ и скрытую лѣстницу, на которой онъ спускался къ любовницѣ своей, Княгинѣ Гагариной, бывшей Лопухиной.

Очевидцы объясняли мнѣ на самыхъ мѣстахъ какъ все происходило. Сравнивая читанныя мною въ разныхъ иностранныхъ книгахъ повѣтствованія о смерти Павла съ собственными воспоминаніями слышаннаго мною объ этомъ, начну разсказъ мой спискомъ заговорщиковъ, которыхъ имена могъ припомнить. Всѣхъ ихъ было до 60ти человѣкъ, кромѣ большой части гвардейскихъ офицеровъ, которые, собственно не участвуя въ заговорѣ, догадывались о его существованіи и, по ненависти къ Павлу, готовы были способствовать успѣху. Вотъ кто были лица, мнѣ и всѣмъ въ то время извѣстныя: С. Петерб. Военный Ген. Губернаторъ Графъ Фонъ-деръ-Паленъ; Вице-Канцлеръ Графъ Н. П. Панинъ; Князь Платонъ Зубовъ — Шефъ 1го Кадетскаго Корпуса; братья его: Валерьянъ — Шефъ 2го Кадетскаго Корпуса и Николай; Генералъ-Маіоръ Беннингсенъ и Талызинъ — Командиръ Преображенскаго полка и инспекторъ Спб. Инспекціи; Шефы полковъ: Кексгольмскаго — Вердеревскій; Сенатскихъ баталіоновъ — Ушаковъ; 1го Артиллерійскаго полка — Тучковъ; Командиры гвардейскихъ полковъ: Уваровъ — Кавалергардскаго; Янковичъ-Демиріево — Конногвардейскаго; Депрерадовичъ — Семеновскаго и Князь Вяземскій —

Шефъ 4го баталіона Преображенскаго полка; того-же полка полковники: Запольскій и Аргамаковъ; Капитанъ Шеншинъ и Штабсъ-Капитанъ Баронъ Розенъ; поручики: Маринъ и Леонтьевъ; два брата Аргамаковы, Графъ Толстой — Семеновскаго полка полковникъ; Князь Волконскій — адъютантъ В. К. Александра Павловича; поручики; Савельевъ, Кикинъ, Писаревъ, Полторацкій, Ефимовичъ; Измайловскаго полка полковникъ Мансуровъ; поручики: Болховской, Скарятинъ и Кутузовъ. Кавалергардскаго полка полковникъ Голенищевъ-Кутузовъ; ротмистръ Титовъ; поручикъ Горбатовъ; Артиллеристы: полковникъ Князь Янсвиль; поручикъ Татариновъ; флотскій капитанъ командоръ Клокачевъ. Въ заговорѣ кромѣ военныхъ участвовали нѣсколько придворныхъ и гражданскихъ лицъ и даже отставныхъ; именъ ихъ не припомню.

Душею заговора и главнымъ дѣйствователемъ былъ Графъ Паленъ, одинъ изъ умнѣйшихъ людей въ Россіи, смѣлый, предпріимчивый, съ характеромъ рѣшительнымъ, непоколебимымъ. Родомъ Курляндецъ, онъ еще при Петрѣ III вступилъ въ Русскую службу корнетомъ въ Конногвардейскій полкъ. Въ царствованіи Екатерины, Паленъ усерд-

но содѣйствовалъ присоединенію Курландіи къ Имперіи, полюбилъ Россію и былъ всею душею преданъ новому своему отечеству. Съ прискорбіемъ и негодованімъ смотрѣлъ онъ на безумное самовластіе Павла, на непостоянство и измѣнчивость его внѣшней политики, угрожавшей благоденствію и могуществу Россіи. Павелъ, сперва врагъ Французской революціи, готовый на всѣ пожертвованія для ея подавленія, раздосадованный своими недавными союзниками, которымъ справедливо приписывалъ неудачи, испытанныя его войсками — пораженіе Генераловъ Римскаго-Корсакова въ Швейцаріи и Германа въ Голландіи — послѣ славной кампаніи Суворова въ Италіи, вдругъ совершенно измѣняетъ свою политическую систему и не только мирится съ первымъ Консуломъ Французской Республики, умѣвшимъ ловко польстить ему, но становится восторженнымъ почитателемъ Наполеона Бонапарте и угрожаетъ войною Англіи. Разрывъ съ ней наносилъ неизъясненный вредъ нашей заграничной торговлѣ. Англія снабжала насъ произведеніями и мануфактурными и колоніальными за сырыя произведенія нашей почвы. Эта торговля открывала единственные пути, которыми въ Россію притекало все для насъ необходимое. Дворянство было обезпечено въ вѣрномъ полученіи

доходовъ съ своихъ помѣстьевъ, отпуская за море хлѣбъ, корабельные лѣса, мачты, сало, пеньку, ленъ и проч. Разрывъ съ Англіею, нарушая матеріальное благосостояніе дворянства, усиливалъ въ немъ нснависть къ Павлу, и безъ того возбужденную его жестокимъ деспотизмомъ.

Мысль извести Павла какимъ бы то ни было способомъ сдѣлалась почти общею. Графъ Паленъ, неразборчивый въ выборѣ средствъ, ведущихъ къ цѣли, рѣшился осуществить ее.

Графъ Паленъ былъ въ большей милости у Императара, умѣвшаго оцѣнить его достойнства. Обличенный довѣренностью его, онъ посвященъ былъ во всѣ важнѣйшія государственныя дѣла. Какъ военный Губернаторъ столицы, Паленъ завѣдывалъ тайною полиціею и чрезъ него одного могли доходить до Царя донесенія ея агентовъ: это было ручательствомъ сохраненія въ тайнѣ предпринимаемаго заговора. Когда мысль о немъ созрѣла, и Паленъ, зная общественное мнѣніе, враждебное Правительству, могъ расчитывать на многихъ сообщниковъ, рѣшился открыть свое смѣлое намѣреніе Вице-Канцлеру Графу Н. П. Панину, котораго Павелъ любилъ, какъ племянника своего воспитателя, графа Н. И. Панина. Воспитанный умнымъ и просвѣщеннымъ дядей, графъ Н. П. Па-

нинъ усвоилъ свободный его образъ мыслей, ненавидѣлъ деспотизмъ и желалъ не только паденіе безумнаго Царя, но съ этимъ паденіемъ учредить законно-свободныя постановленія, которыя бы ограничивали царское самовластіе. На этотъ счетъ и графъ Паленъ раздѣлялъ его образъ мыслей.

Первымъ дѣйствіемъ условившихся Палена и Панина было стараніе помирить съ Павломъ фаворита Екатерины, Князя Платона Зубова и братьевъ его, Валерьяна и Николая находившихся въ опалѣ, — въ чемъ они и успѣли. Зубовы приняты въ службу и прибыли въ Петербургъ. Паленъ и Панинъ знали напередъ ихъ ненависть къ Павлу и были увѣрены въ ихъ усердномъ содѣйствіи; по этому и открыли имъ свое намѣреніе. Зубовы вступили въ заговоръ, а съ ними и нѣсколько преданныхъ имъ кліентовъ, которыхъ они покровительствовали во время силы своей при Екатеринѣ. Изъ этихъ лицъ, по характеру и положенію своему, важнѣе прочихъ были: Генералъ Баронъ Беннингсенъ, Ганноверецъ, служившій съ отличіемъ въ Польскую и Персидскія войны въ нашихъ войскахъ, отставленный Павломъ, какъ человѣкъ преданный Зубовымъ, и принятый опять въ службу по ходатайству Графа Панина, который былъ съ нимъ друженъ, — и генералъ Та-

лызинъ, командиръ Преображенскаго полка и инспекторъ войскъ, находившихся въ Петербургѣ.

Пріобрѣтеніе такаго сообщика было тѣмъ болѣе важно для успѣха дѣла, что Талызина любили подчиненные: какъ любимый начальникъ онъ пользовался большимъ уваженіемъ во всѣхъ гвардейскихъ полкахъ и могъ всегда увлечь за собою не только офицеровъ, но одушевить и нижнихъ чиновъ, которые были къ нему чрезвычайно привязаны.

Всѣ недовольные тогдашнимъ порядкомъ вещей, все лучшее Петербургское общество и гвардейскіе офицеры собирались у братьевъ Зубовыхъ и у сестры ихъ — Жеребцовой, — свѣтской дамы, которая была въ дружескихъ отношеніяхъ съ Англійскимъ посланникомъ Лордомъ Витвортомъ и съ чиновниками его посольства посѣтителями ея гостиной. Отъ этого распостранилось въ Европѣ мнѣніе, будто Лордъ Витвортъ главный виновникъ заговора и что онъ не жалѣлъ Англійскихъ денегъ для покупки сообщниковъ, съ цѣлію предупредить разрывъ Россіи съ Англіей, угрожавшій торговымъ интересамъ послѣдней. Это мнѣніе не имѣетъ основанія, во первыхъ, потому что Лордъ Витвортъ слишкомъ извѣстенъ по строгой честности и благороднымъ правиламъ своимъ, чтобы мож-

но было подозрѣвать его въ такомъ коварномъ и безнравственномъ дѣйствіи, — потомъ заговоръ противъ Павла былъ дѣло чисто-русское, а для нѣкоторыхъ истинно патріотическое и въ которомъ кромѣ Беннингсена не участвовалъ ни одинъ иностранецъ; да и Лордъ Витвортъ выѣхалъ изъ Петербурга тотчасъ послѣ разрыва съ Англіею, — стало быть до начала заговора. Вечернія собранія у братьевъ Зубовыхъ или у Жеребцовой породили настоящіе политическіе клубы, въ которыхъ единственнымъ предметомъ разговоровъ было тогдашнее положеніе Россіи, страждущей подъ гнетомъ безумнаго самовластія. Толковали о необходимости положить этому конецъ. Никому и въ голову не входило посягнуть на жизнь Павла, — было одно общее желаніе: заставить его отказаться отъ престола въ пользу Наслѣдника, всѣми любимаго за доброту, образованность, кроткое и вѣжливое обращеніе, — качества совершенно противуположныя неукротимому и самовластному характеру отца его. Всѣ эти совѣщанія происходили явно подъ эгидой Петербургск. Военнаго Губернатора, который какъ начальникъ тайной полиціи, получалъ ежедневно донесенія шпіоновъ и давалъ движеніе только тѣмъ изъ нихъ, которыя не касались заговора и лицъ въ немъ замѣшанныхъ.

Графъ Паленъ исподоволь приготовлялъ Великаго Князя Александра Павловича къ замышляемому имъ государственному перевороту, для успѣшнаго совершенія котораго, его согласіе было необходимо. Часто видясь съ нимъ, Паленъ всегда наводилъ рѣчь на трудное и бѣдственное состояніе Россіи, страждущей отъ безумныхъ поступковъ отца его, и не выводя никакихъ заключеній, вызывалъ Великаго Князя на откровенность.

Тотъ съ грустнымъ чувствомъ слушалъ его и молчалъ, потупивъ глаза. Не разъ повторялись подобныя безмолвныя, но выразительныя сцены. Однажды Паленъ рѣшился высказать Великому Князю все и своей неумолимой логикой доказалъ ему необходимость для блага Россіи и для безопасности Императорскаго семейства отстранить отъ престола безумнаго Императора и заставить его самаго подписать торжественное отрѣченіе. Чтобы еще болѣе убѣдить Великаго Князя, Паленъ представилъ ему несомнѣнныя доказательства, что отецъ его подозрѣваетъ и супругу свою и обоихъ сыновей въ замыслахъ противъ его особы, и даже показалъ ему именное повелѣніе Павла, въ случаѣ угрожающей ему опасности, заключить Императрицу и обоихъ Великихъ Князей въ Петропавловскую крѣпость. Все это поколебало наконецъ

сыновнее чувство и совѣсть Великаго Князя, и онъ, обливаясь слезами, далъ Палену согласіе, но требовалъ отъ него торжественную клятву, что жизнь Павла будетъ для всѣхъ священна и неприкосновенна. По неопытности Великій Князь почиталъ возможнымъ сохранить отцу жизнь, отнявъ у него корону! Согласіе Великаго Князя Александра Павловича развязало Палену руки и главнымъ заговорщикамъ. Все было устроено къ рѣшительному дѣйствію: большая часть гвардейскихъ офицеровъ были на ихъ сторонѣ, сами солдаты, особенно Семеновскаго полка, Преображенскаго 3го и 4го баталіоновъ, которыми командовалъ полковникъ Запольскій и Генералъ-Маіоръ Князь Вяземскій, волновались и, недовольные настоящимъ положеніемъ и тягостною службою, желали перемѣны и готовы были слѣдовать за любимыми начальниками куда-бы ихъ не повели.

Между тѣмъ Императоръ, какъ-бы предчувствуя скорое паденіе или можетъ быть предувѣдомленный кѣмъ нибудь изъ немногихъ искренно преданныхъ ему людей, о всеобщемъ неудовольствіи противъ него и о дѣйствіяхъ его тайныхъ враговъ, становился день отъ дня мрачнѣе и подозрительнѣе. Волнуемый страхомъ и гнѣвомъ, онъ встрѣтилъ графа Палена, который явился къ нему

съ обыкновеннымъ утреннимъ рапортомъ, грознымъ вопросомъ:

„Вы были въ Петербургѣ въ 1762мъ году?" — (годъ воцаренія Екатерины вслѣдствіе дворцоваго переворота, стоившаго жизни Петру III...)

— „Да, Государь, былъ," хладнокровно отвѣчалъ Паленъ.

„Что вы тогда дѣлали и какое участіе имѣли въ томъ что происходило въ то время?" спросилъ опять Императоръ.

— „Какъ субалтерный офицеръ, я на конѣ, въ рядахъ полка, въ которомъ служилъ, былъ только свидѣтелемъ, а не дѣйствовалъ," отвѣчалъ Паленъ.

Императоръ взглянулъ на него грозно и недовѣрчиво продолжалъ:

„И теперь замышляютъ тоже самое, что было въ 1762мъ году."

— „Знаю, Государь," возразилъ Паленъ, нисколько не смутившись, „я самъ въ числѣ заговорщиковъ!"

„Какъ, и ты въ заговорѣ противъ меня?!"

— „Да, чтобы слѣдить за всѣмъ и, зная все, имѣть возможность предупредить замыслы вашихъ враговъ и охранять васъ."

Такое присутствіе духа и спокойный видъ Палена совершенно успокоили Павла и онъ, болѣе

нежели когда либо, ввѣрился врагу своему. Это происходило за недѣлю или за двѣ до роковаго дня и ускорило катастрофу.

Императоръ жилъ тогда въ Михайловскомъ замкѣ. Недовѣряя любви своихъ подданныхъ, онъ выстроилъ его какъ крѣпость, съ брустверомъ и водянымъ рвомъ одѣтымъ гранитомъ, съ четырьмя подъемными мостами, которые по пробитіи вечерней зари поднимались. Въ этомъ убѣжищѣ Царь считалъ себя безопаснымъ отъ нападенія въ случаѣ народнаго мятежа и возстанія. Караулъ въ замкѣ содержали по очерёдно гвардейскіе полки. Внизу на главной гауптвахтѣ находилась рота со знаменемъ, капитаномъ и двумя офицерами. Въ бель-этажѣ расположенъ былъ внутренній караулъ, который наряжался только отъ однаго лейбъ-баталіона Преображенскаго полка. Павелъ особенно любилъ этотъ баталіонъ и довѣрялъ ему, размѣстилъ его въ зданіи Зимняго дворца, смежномъ съ эрмитажемъ, отличилъ и офицеровъ и солдатъ богатымъ мундиромъ: первыхъ съ золотыми вышивками вокругъ петлицъ, а рядовыхъ петлицами, обложенными голуномъ по всей груди. Этотъ баталіонъ онъ хотѣлъ отдѣлить отъ полка и переименовать „лейбъ-компаніей", — исключительной стражей охраняющей его особу.

Въ замкѣ гарнизонная служба отправлялась, какъ въ осажденной крѣпости, со всею военною точностію. Послѣ пробитія вечерней зари, весьма немногія довѣренныя особы, извѣстныя швейцару и дворцовымъ сторожамъ, допускались въ замокъ по малому подъемному мостику, который и опускался только для нихъ. Въ числѣ этихъ немногихъ былъ адъютантъ лейбъ-баталіона Преображенскаго полка Аргамаковъ, исправлявшій должность плацъ-адъютанта замка. Онъ былъ обязанъ доносить лично Императору о всякомъ чрезвычайномъ происшествіи въ городѣ, какъ-то о пожарѣ и т. п. Павелъ довѣрялъ Аргамакову, и даже ночью онъ могъ входить въ Царскую спальню. Мостикъ (этого мостика я уже не видѣлъ: онъ былъ снятъ скоро послѣ воцаренія Александра) для пѣшеходовъ всегда опускался по его требованію. Чрезъ это Аргамаковъ сдѣлался самымъ важнымъ пособникомъ заговора.

Двѣнадцатое число Марта было послѣднимъ роковымъ днемъ несчастнаго Павла I[го].

Въ этотъ день графъ Паленъ пригласилъ всѣхъ заговорщиковъ къ себѣ на вечеръ. По призыву его собрались всѣ главные его сообщники, Зубовы, Беннингсенъ, многіе гвардейскіе и армейскіе генералы и офицеры въ полномъ мундирѣ, въ шар-

фахъ и ордемахъ. Гостямъ разносили шампанское, пуншъ и другія вины. Всѣ опоражнивали бокалъ за бокаломъ, кромѣ хозяйна дома и Беннигсена. Паленъ, Зубовы (въ этомъ собраніи не было графа Панина и Валерьяна Зубова) Беннингсенъ обращались къ патріотизму присутствующихъ, — говорили о настоящемъ бѣдственномъ положеніи Россіи, что самовластіе Императора губитъ и что есть средство предотвратить еще большія насчастія: это — принудить Павла отречься отъ трона, что самъ Наслѣдникъ престола признаетъ необходимою эту рѣшительную мѣру. Не было рѣчи о будущей участи Императора. Заговорщикамъ, кромѣ весьма немногихъ, и въ голову не приходило, чтобы жизни его угрожала какая либо опасность. Восторженные подобными рѣчами, а еще болѣе питымъ виномъ и пуншомъ, заговорщики требуютъ, чтобы тотчасъ вели на славный подвигъ спасенія отечества.

Панинъ и генералъ Талызинъ, предвидя это, распорядились заблаговременно, чтобы къ полупочи генералъ Депрерадовичъ съ 1мъ Семеновскимъ баталіономъ, а полковникъ Запольскій и генералъ Князь Вяземскій съ 3мъ и 4мъ баталіонами Преображенскаго выступили на назначенное сборное мѣсто у верхняго сада подлѣ Михайловскаго замка.

Получа донесеніе, что движеніе войскъ началось, заговорщики раздѣлились на два отряда: одинъ подъ предводительствомъ Беннингсена и Зубовыхъ, другой подъ начальствомъ Палена. Впереди перваго отряда шелъ адъютантъ Аргамаковъ, который долженъ былъ открыть заговорщикамъ входъ въ замокъ по извѣстному подъемному мостику, который сторожъ во всякое время для него опускалъ. Паленъ съ сопровождавшимъ его меньшимъ числомъ сообщниковъ отсталъ отъ перваго отряда, который встрѣтилъ гвардейскіе три баталіона уже на сборномъ мѣстѣ. Зубовъ съ своими сообщниками подошли къ замку. Аргамаковъ впереди безпрепятственно провелъ ихъ по мостику. Генералъ Талызинъ двинулъ баталіоны чрезъ верхній садъ и окружилъ ими замокъ. (Въ верхнемъ саду на ночь слѣталось безчисленное множество воронъ и галокъ; птицы, истуганныя движеніемъ войска, поднялись огромною тучею къ карканіемъ и шумомъ и перепугали начальниковъ и солдатъ, принявшихъ это за несчастливое предзнаменованіе.)

Зубовъ и Беннингсенъ съ своими сообщниками бросились прямо къ Царскимъ покоямъ. За одну комнату до Павловой спальни стоявшіе на часахъ два камеръ-гусаре не хотѣли ихъ впустить, но нѣсколько офицеровъ бросились на нихъ, обез-

оружили, зажали имъ ротъ и увлекли вонъ. Зубовы съ Беннингсеномъ и нѣсколькими офицерами вошли въ спальню. Павелъ, встревоженный шумомъ, вскочилъ съ постели, схватилъ шпагу и спрятался за ширмами. (Въ разсказѣ объ умерщевленіи Павла, въ Исторіи Консульства и Имперіи Г. Тьера, дѣйствія и слова Платона Зубова приписаны Беннингсену, который будто-бы одинъ остался съ Императоромъ, потому что прочими заговорщиками овладѣлъ паническій страхъ, и они хотѣли бѣжать, но Беннингсенъ остановилъ ихъ.)

Князь Платонъ Зубовъ, не видя Павла на постелѣ, испугался и сказалъ по французски: „l'oiseau s'est envolé,“ но Беннингсенъ, хладнорковно осмотрѣвъ горницу, нашелъ Павла спрятавшагося за ширмами со шпагою въ рукѣ и вывелъ его изъ засады. Князь Платонъ Зубовъ, упрекая Царю его тиранство, объявилъ ему что онъ уже не Императоръ и требовалъ отъ него добровольнаго отреченія отъ престола. Нѣсколько угрозъ, вырвавшихся у несчастнаго Павла, вызвали Николая Зубова, который былъ силы атлетической. Онъ держалъ въ рукѣ золотую табакерку и съ размаху ударилъ ею Павла въ високъ, — это было сигналомъ, по которому Князь Янсвиль, Татариновъ, Гордановъ и Скарятинъ яростно бросились на не-

го, вырвали изъ его рукъ шпагу: началась съ нимъ отчаянная борьба. Павелъ былъ крѣпокъ и силенъ: подавили на полъ, топтали ногами, шпажнымъ эфесомъ проломили ему голову и наконецъ задавили шарфомъ Скарятина. Въ началѣ этой гнусной, отвратительной сцены, Беннингсенъ вышелъ въ предспальную комнату, на стѣнахъ которой развѣшаны были картины, и со свѣчкою въ рукѣ преспокойно разсматривалъ ихъ.

Удивительное хладнокровіе! Не скажу — звѣрское жестокосердіе, потому что Генералъ Беннингсенъ во всю свою службу былъ извѣстенъ какъ человѣкъ самый добродушный и кроткій. Когда онъ командовалъ арміей, то всякій разъ когда ему подносили подписывать смертный приговоръ какому нибудь мародеру, пойманному на грабежѣ, онъ исполнялъ это какъ тяжкій долгъ, съ горемъ, съ отвращеніемъ и дѣлая себѣ насиліе. Кто изъяснитъ такія несообразныя странности и противорѣчія человѣческаго сердца! — Паленъ пришелъ на мѣсто дѣйствія, когда уже все было кончено. Или онъ гнушался преступленіемъ и даже не хотѣлъ быть свидѣтелемъ его, или, какъ иные думали, онъ дѣйствовалъ двулично: если-бы заговоръ не увѣнчался успѣхомъ, онъ явился-бы къ Импе-

ратору на помощь, какъ вѣрный его слуга и спаситель.

Но что дѣлала тогда дворцовая стража? Караульные на нижней гауптвахтѣ и часовые Семеновскаго полка во все это время оставались въ бездѣйствіи, какъ-бы ничего не видя и не слыша. Ни одинъ человѣкъ не тронулся на защиту погибавшаго Царя, хотя всѣ догадывались что для него насталъ послѣдній часъ. Караульный капитанъ былъ изъ „Гатчинскихъ“ и изъ самыхъ плохихъ, не вспомню теперь его имени. Одинъ изъ офицеровъ ему подчиненныхъ, прапорщикъ Полторацкій, былъ въ числѣ заговорщиковъ и, предувѣдомленный о томъ что будетъ происходить въ замкѣ, вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ арестовалъ своего начальника и принялъ начальство надъ карауломъ. Во внутреннемъ караулѣ Преображенскаго лейбъ-баталіона стоялъ тогда поручикъ Маринъ. Услыша что въ Замкѣ происходитъ что то необыкновенное, старые гренадеры, подозрѣвая что Царю угрожаетъ опасность, громко выражали свое подозрѣніе и волновались. Одна минута — и Павелъ могъ быть спасенъ ими. Но Маринъ не потерялъ присутствія духа, громко скомандовалъ: смирно! отъ ночи и во все время какъ заговорщики управлялись съ Павломъ, продержалъ своихъ грена-

деръ подъ ружьемъ неподвижными, и ни одинъ не смѣлъ пошевелиться! Таково было дѣйствіе Русской дисциплины на тогдашнихъ солдатъ: въ фрунтѣ они становились машинами.

Великій Князь Александръ Павловичъ жилъ тогда въ Михайловскомъ замкѣ съ Великой Княгинею. Онъ въ эту ночь не ложился спать и не раздѣвался; при немъ находились Генералъ Уваровъ и Адъютантъ его Князь Волконскій. Когда все кончилось, и онъ узналъ страшную истину, скорбь его была невыразима и доходила до отчаянія. Воспоминаніе объ этой страшной ночи преслѣдовало его всю жизнь и отравляло его тайною грустью. Онъ былъ добръ и чувствителенъ, властолюбіе не могло заглушить въ его сердцѣ жгучихъ упрековъ совѣсти даже и въ самое счастливое и главное время его царствованія послѣ отечественной войны. Александръ всею ненавистію возненавидѣлъ Графа Палена, который воспользовался его неопытностію и увѣрилъ его въ возможности низвести отца его съ трона, не отнявъ у него жизни.

Великій Князь Константинъ Павловичъ не зналъ о заговорѣ и могъ оплакивать несчастнаго отца съ покойною безупречною совѣстію.

Императрица Марія Феодоровна, поражена

была бѣдственною кончиною супруга, оплакивала его, но и въ ея сердцѣ зашевелилось желаніе царствовать. Она вспомнила что Екатерина царствовала безъ права и можетъ быть расчитывала на нѣжную привязанность сына и надѣялась что онъ уступитъ ей тронъ. Приближенные къ ней разсказывали что, не смотря на непритворную печаль, у ней вырывались слова: „Ich will regieren!“

Новый Императоръ со всѣмъ дворомъ на разсвѣтѣ переѣхалъ изъ Михайловскаго замка въ Зимній дворецъ. Всѣ гвардейскіе и армейскіе полки тотчасъ присягнули ему. Статсъ-Секретарь Трощинскій написалъ манифестъ о восшествіи на престолъ Александра Iго. Этотъ актъ возбудилъ восторгъ въ дворянствѣ обѣщаніемъ новаго самодержца — царствовать по духу и сердцу Великой Бабки своей.

Михайловскій замокъ представлялъ грустное и отвратительное зрѣлище: трупъ Павла избитаго, окровавленнаго, съ проломленной головой одѣли въ мундиръ, какою-то мастикой замазали израненное лице и, чтобы скрыть глубокую головную рану, надѣли на него шляпу и, не бальзамируя его какъ это всегда водится съ особами Императорской фамиліи, положили на великолѣпное ложе.

Рано стали съѣзжаться въ замокъ придворные,

архіереи и проч. Пріѣхалъ и убитый горестью Александръ къ панихидѣ. Посреди множества собравшихся царедворцевъ нагло расхаживали заговорщики и убійцы Павла. Они, неспавшіе ночь, полупьяные, растрепанные, какъ-бы гордясь преступленіемъ своимъ, мечтали что будутъ царствовать съ Александромъ. Порядочные люди въ Россіи, не одобряя средство, которымъ они избавились тираніи Павла, радовались его паденію. Исторіографъ Карамзинъ говоритъ, что вѣсть объ этомъ событіи была въ цѣломъ Государствѣ вѣстію искупленія: въ домахъ, на улицахъ люди плакали, обнимали другъ друга, какъ въ день свѣтлаго Воскресенія.

Этотъ восторгъ изъявилъ однако одно дворянство, прочія сословія приняли эту вѣсть довольно равнодушно.

Я слышалъ отъ графа Петра Александровича Толстаго, который былъ при Павлѣ Iмъ Генералъ-Адъютантомъ, одно важное обстоятельство малоизвѣстное, но которое онъ, будучи тогда въ Петербургѣ, могъ знать по своимъ близкимъ сношеніямъ съ главными заговорщиками. Актъ конституціонный, о которомъ я упомянулъ выше въ примѣчаніи къ царствованію Екатерины опять здѣсь является на сцену, можетъ быть съ нѣкоторыми

модификаціями. Панинъ, Паленъ и другіе вожди заговора, хотѣли воспользоваться имъ, чтобъ ограничить самодержавіе, заставя Александра въ первую минуту принять этотъ конституціонный актъ и утвердить его своею подписью. Это намѣреніе извѣстно было и Генералу Талызину, тогдашнему командиру Преображенскаго полка, одному изъ главныхъ участниковъ заговора и человѣку искренно-преданному Александру.

Талызинъ и предупредилъ его, что въ рѣшительную минуту отъ него потребуютъ принятія и утвержденія конституціоннаго акта и убѣждалъ его не подъ какимъ видомъ не давать на то согласія, обѣщая ему что гвардія, на которую Талызинъ имѣлъ большее вліяніе, сохранитъ вѣрность Александру и поддержитъ его. Александръ послѣдовалъ внушеніямъ Талызина и устоялъ противъ настоятельныхъ требованій Палена и Панина.

Они тотчасъ догадались что это было дѣло Талызина, и Паленъ въ отмщеніе ему нашелъ способъ отравить его. Это происходило на третій или четвертый день послѣ трагической кончины Павла. Талызинъ внезапно занемогъ со всѣми признаками отравленія и тотчасъ послалъ за Александромъ. Талызинъ успѣлъ открыть ему свое подозрѣніе и на рукахъ Императора испустилъ духъ. Это и

было главною причиною удаленія отъ двора Палена и Панина, которымъ возпрещенъ въѣздъ въ столицы и велѣно жить въ деревняхъ.

Большая часть заговорщиковъ не знала о намѣреніи ограничить самодержавіе. Не восторженная любовъ къ отечеству и свободѣ побуждала ихъ рѣшиться на преступлéніе, но по опасенію за себя, страху наведенному на всѣхъ тиранствомъ Павла, а нѣкоторые, лично имъ оскорбленные по чувству мести (на примѣръ Князь Янсвиль). А что и сами вожди заговора мало заботились объ упраздненіи въ Россіи самодержавія и о ея благѣ, свидѣтельствуетъ характеристическая продѣлка Князя Платона Зубова. Вскорѣ послѣ катастрофы далъ онъ банкетъ заговорщикамъ, перешедшій въ оргію. Послѣ обѣда самъ Зубовъ явился въ круглой шляпѣ, во фракѣ и жилетѣ и проч, велѣлъ поставить столъ съ картами, загожилъ банкъ и прометалъ нѣсколько.

Это была манифестація что злодѣяніе совершено только для того, чтобы носить фраки, жилеты, круглыя шляпы и безнаказанно играть въ банкъ (все это было строго запрещено при Павлѣ), словомъ, чтобы возвратиться къ своевольному и безнравственному образу жизни временъ Екатерины, которому предавалось тогда все высшее сословіе.*)

*) Изъ всѣхъ иностранныхъ свѣдѣній о трагической

Въ повѣствованіи о царствованіи Александра Iго Енно и Шеншо, какъ Французы, слишкомъ пристрастны: они не отдаютъ должной справедливости добрымъ его качествамъ.

Если Александръ, какъ человѣкъ, не чуждъ

катастрофѣ, которая лишила Павла Iго престола и жизни, самое близкое къ правдѣ описаніе событія помѣщено въ исторіи Консульства и Имперіи. Господинъ Тьеръ называетъ источники, изъ которыхъ почерпнулъ свое повѣствованіе, — вотъ его собственныя слова. „Прусскій дворъ, „взволнованный извѣстіемъ о смерти Павла Iго, былъ особенно приведенъ въ негодованіе цинизномъ, съ какимъ „нѣкоторые изъ заговорщиковъ хвалились въ Берлинѣ участіемъ въ этомъ преступномъ дѣлѣ. Берлинскій дворъ „впослѣдствіи собралъ разными путями свѣдѣнія объ умерщевленіи Императора Павла отъ лицъ, которыя на мѣстѣ „могли узнать любопытныя подробности объ этомъ событіи. По этимъ-то свѣдѣніямъ для перваго Консула Французской Республики была составлена записка, которую „Гнъ Беннингсенъ бывшій тогда Секретаремъ посольства въ „Берлинѣ помѣстилъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій. Но „самыя сокровенныя обстоятельства долго оставались не„извѣстными, какъ по особенному случаю во Францію дошло „единственно достовѣрное описаніе смерти Императора Пав„ла. Французъ давно служившій въ Россіи и пріобрѣвшій „нѣкоторую военную извѣстность былъ друженъ съ Гра„фомъ Паленомъ и Генераломъ Беннингсеномъ. Онъ имѣлъ „довѣреніе Графа Палена и слышалъ изъ устъ его обсто„ятельный разказъ о происходившемъ въ Петербургѣ 12го „Марта. Часто бесѣдуя съ славными дѣйствующими лицами „въ этой катастрофѣ, эмигрантъ тщательно записывалъ „всѣ подробности, которыя слышалъ отъ нихъ. Его за„писки въ рукописи теперь находятся во Франціи. Срав-

былъ слабостей и даже пороковъ, то какъ Государь и Государь самодержавный, онъ являлъ нерѣдко великодушіе и человѣколюбіе, не мстилъ за оскорбленія, лично ему нанесенныя, и былъ во всю жизнь глубоко проникнутъ неподдѣльнымъ религіознымъ чувствомъ, которое Французскіе историки называютъ суевѣрнымъ мистицизмомъ.

Они выставляютъ его мѣлочнымъ исполнителемъ внѣшнихъ обрядовъ восточной церкви, всегда благорасположеннаго ко всѣмъ Христіанскимъ вѣроисповѣданіямъ, исполненнаго чувствъ просвѣщенной вѣротерпимости. Нельзя не удивляться, что Александръ, воспитанный Бабкою Своею Екатериной IIой, зараженною невѣріемъ энциклопедистовъ, и посреди сладострастнаго и равнодушнаго къ вѣрѣ

„нивая свѣдѣнія, собранныя изъ разсказовъ очевидцевъ, съ „заміжками, составленными въ тоже время въ Берлинѣ,“ говоритъ Гнъ Тьеръ, „я описалъ заговоръ противъ Павла „и трагическій конецъ его.“

Въ первые годы царствованія Императора Александра Iго три главные дѣйствователи въ заговорѣ жили не далеко одинъ отъ другаго. Графъ Паленъ въ своемъ имѣніи Экау въ Курляндіи, Князь Платонъ Зубовъ въ замкѣ своемъ Руенталъ, близъ Шавлъ, а генералъ Беннингсенъ, какъ инспекторъ Литовской инспекціи, въ г. Вильно. Всѣ три могли часто видѣться между собою, и Французскій эмигрантъ могъ присутствовать при ихъ откровенныхъ бесѣдахъ.

двора, всю жизнь свою сохранилъ религіозныя убѣжденія и истинную набожность.

Научное образованіе получилъ онъ подъ руководствомъ Женевца Лагорта, республиканца по рожденію и правиламъ, который съ раннихъ лѣтъ успѣлъ внушить ему свободолюбивыя начала и правила. Это настроеніе утвердилось въ сердцѣ его скорбными воспоминаніями о безумномъ деспотизмѣ отца, угрожавшемъ даже собственной его безопасности, и о трагическомъ концѣ несчастнаго Павла I^го^. Съ этими впечатлѣніями взошелъ Александръ на тронъ самой обширной Имперіи, въ которой верховная власть не ограничена ни институціями, ни общественными правами и обычаями.

Тогда въ мыслящихъ патріотахъ, знавшихъ добрыя качества молодаго Императора, пробуждались основательныя надежды, что онъ самъ положитъ законные предѣлы самовластію столь твердо укоренившемуся въ Россіи со временъ Петра Великаго, что онъ преобразитъ азіатскую деспотическую державу, какою она сдѣлалась по стеченію несчастныхъ обстоятельствъ, въ правильную Европейскую Монархію, въ которой произволъ верховной власти былъ бы ограниченъ прочными политическими институціями.

Если въ первыя минуты послѣ катастрофы,

Императоръ по внушеніямъ Генерала Талызина и отвергъ предложенный ему Панинымъ и Паленымъ конституціонный актъ, то потому что конечно изъявленіе согласія на дѣло такой важности имѣло бы видъ принужденія, а не добровольнаго патріотическаго подвига и могло быть приписано малодушію, а тѣмъ самымъ уронить характеръ Александра въ народномъ мнѣніи. А что Александръ искренно былъ расположенъ, по крайнай мѣрѣ въ первую половину своего царствованія, осчастливить Россію законно-свободными установленіями, то это явствуетъ не только изъ гласнаго изъявленія его образа мыслей о самодержавіи, котораго онъ даже самъ стыдился предъ Европейцами, но и самыми дѣйствіями его и торжественнымъ обѣщаніемъ. Извѣстная писательница Гжа Сталь въ своемъ сочиненіи *les dix années d'exil* разсказываетъ что въ бытность свою въ Петербургѣ (въ 1812мъ году) она представлялась Императору, который въ откровенной бесѣдѣ выразилъ ей свои убѣжденія, что судьба народа въ продолженіи вѣковъ отнюдь не должна зависѣть отъ неограниченнаго произвола однаго человѣка, существа ограниченнаго и преходящаго, „но я,“ продолжалъ Александръ, „еще не успѣлъ даровать „Россіи конституціи.“ На это Гжа Сталь

сказала ему комплиментомъ: „Ваше Величество „сами найлучшая конституція.“

— „Если это и такъ, то вѣдь это лишь „счастливая случайность,“ отвѣчалъ ей Александръ.

Одинъ изъ приближенныхъ къ Александру умныхъ и достойныхъ совѣтниковъ, графъ Сперанскій, который возбудивъ зависть и недоброжелательство столбовыхъ дворянъ своими достоинствами и быстрымъ возвышеніемъ, былъ безъ всякой вины удаленъ Александромъ въ Пермъ въ 1812мъ году чрезъ дворянскую интригу и въ угожденіе тогдашнему общественному мнѣнію. Изъ ссылки своей онъ представилъ Императору, увѣренному въ его невинности, письмо оправдательное, которое останется прекраснымъ памятникомъ благодушія и Александра и Сперанскаго. Въ этомъ письмѣ онъ между прочимъ говоритъ: „Въ концѣ „1808го года, послѣ разныхъ частныхъ дѣлъ, Ваше „Величество начали занимать меня постоянно предметами высшаго управленія, тѣснѣе знакомить съ „образомъ вашихъ мыслей, доставлять мнѣ бумаги, „прежде къ вамъ дошедшія, и нерѣдко удостоивали „провождать со мною цѣлые вечера въ чтеніи разныхъ сочиненій, къ сему относящихся.“

„Изъ всѣхъ сихъ упражненій, изъ стократ-

„ныхъ можетъ быть разговоровъ и разсужденій „Вашего Величества, надлежало составить одно цѣ- „лое. Отсюда произошелъ планъ всеобщаго госу- „дарственнаго преобразованія."

„Весь разумъ сего плана состоитъ въ томъ, „чтобы посредствомъ законовъ и установленій у- „твердить власть Правительства на началахъ посто- „янныхъ и тѣмъ самымъ сообщить дѣйствію сей „власти болѣе правильности, достоинства и истин- „ной силы."

Эти слова Сперанскаго относятся къ проэкту конституціонной хартіи для Россіи, написанномъ по волѣ и мыслямъ Александра. А въ какомъ ду- хѣ составленъ этотъ проэктъ, можно видѣть изъ слѣдующихъ мѣстъ, взятыхъ на выдержку изъ введенія къ конституціонной хартіи для Россіи, написанной имъ по волѣ Александра.

„Съ эпохи, въ которую неограниченная власть „Государя отвердилась въ Россіи, до нашего вре- „мени общественное мнѣніе всегда проявляло нѣко- „торое стремленіе къ политической свободѣ. Многія „событія это подтверждаютъ."

На счетъ образа правленія авторъ изъ тео- ретическихъ соображеній выводитъ слѣдующія за- ключенія:

„Правительство не можетъ почитаться закон-
„нымъ, если оно не основано на общей волѣ народа.“

„Источникъ власти пребываетъ всегда въ на-
„родѣ, въ самой странѣ.“

„Всякое Правительство существуетъ только
„въ силу извѣстныхъ условій и только тогда за-
„конно, если свято исполняетъ эти условія.“

„Основные Государственные законы должны
„быть дѣломъ націи и выраженіемъ ея воли.“

„Основные Государственные законы необхо-
„димо ограничиваютъ верховную власть.“

„Деспотическая власть могла только приличе-
„ствовать младенчеству гражданскихъ обществъ.“

„Народъ долженъ необходимо участвовать въ
„законодательствѣ чрезъ избранныхъ имъ предста-
вителей.“

„Всякій долженъ судиться равными себѣ.“

„Не упоминая о другихъ институціяхъ, что
„значить самое Русское дворянство, когда и лице
„благороднаго, и его собственность, и его честь
„зависитъ не отъ закона, а отъ произвола неогра-
„ченнаго самодержца? Самый законъ не зависитъ-
„ли отъ его воли? не онъ-ли издаетъ его и про-
„возглашаетъ? право собственности есть только
„право, терпимое верховною властію.“

„Пусть мнѣ покажутъ,“ говоритъ авторъ, „ка-

„кая разница между отношеніями крѣпостныхъ къ „ихъ помѣщикамъ и отношеніями дворянъ помѣ- „щиковъ къ самодержавному Государю! Не и- „мѣетъ-ли онъ, въ самомъ дѣлѣ, еще большую власть „надъ ними, какую они надъ крѣпостными своими „рабами?“

„Въ народѣ Русскомъ именно уничтожилась „всякая энергія отъ взаимныхъ отношеній этихъ „двухъ классовъ рабовъ.“

„Выгоды дворянъ требуютъ, чтобы ихъ крѣ- „постные были вполнѣ имъ подвластные, крѣпо- „стные несознательно желаютъ, чтобы дворяне въ „тойже степени зависѣли отъ верховной власти „и были ея рабами.“*)

Нужны-ли еще доказательства свободолюбиваго направленія Императора Александра Iго въ первую половину его царствованія? Вотъ одно оффиціальное. На Варшавскомъ Сеймѣ въ 1818мъ году въ рѣчи своей къ Польскимъ народнымъ представителямъ Императоръ сказалъ: „я намѣренъ „даровать благотворное конституціонное правленіе „всѣмъ народамъ, ввѣреннымъ Провидѣніемъ моему „попеченію.“

---

*) Проэктъ Конституціонной хартіи графа Сперанскаго напечатанъ въ 1832мъ году въ Portofolio; эта хартія названа Русской Правдою.

Девять лѣтъ прежде, когда въ 1809мъ году по Фридрихсгамкому мирному трактату съ Швеціей, присоединено къ Россіи Великое Княжество Финляндское, Александръ не только даровалъ этой странѣ отдѣльную администрацію изъ однихъ туземцевъ, но подтвердилъ жителямъ неприкосновенность правъ, которыми они пользовались подъ Шведскимъ Правительствомъ, сохранилъ имъ Сенатъ, который судитъ ихъ по Шведскимъ законамъ, и родъ народнаго представительства, состоящаго изъ четырехъ подраздѣленій государственныхъ чиновъ, подобно тому, какое существуетъ въ Швеціи. Самъ Императоръ одинъ разъ предсѣдательствовалъ въ Финляндскомъ Сеймѣ. Чтобы представить искренность свободолюбивыхъ намѣреній и желаній Александра, я въ этомъ очеркѣ опредѣлилъ событія первыхъ годовъ его правленія: возвращаюсь къ нимъ. Первымъ добрымъ дѣломъ новаго Императора было освобожденіе всѣхъ жертвъ Павлова тиранства, томившихся въ ссылкѣ или крѣпостныхъ казематахъ. Петропавловская крѣпость первый разъ опустѣла вдругъ и на долго. Какой-то шутникъ написалъ мѣломъ на ея воротахъ: „сей домъ свободенъ отъ постоя, самъ хозяйнъ въ него переселяется.“

Александромъ утверждены права и преимуще-

ства (въ 1801мъ году), которыя такъ часто и беззаконно были нарушаемы Павломъ. Навсегда уничтожена ненавистная тайная канцелярія. Стражайше запрещена пытка, и пристрастные допросы при слѣдствіяхъ признаны уголовнымъ преступленіемъ.

Александръ всѣмъ сердцемъ желалъ уничтожить въ Россіи крѣпостное рабство, но не сумѣлъ достигнуть того. Множество предположеній было сдѣлано на счетъ этого благодѣтельнаго преобразованія, но ни одно изъ нихъ не осуществилось. Все ограничилось изданіемъ указа въ 1803мъ году о свободныхъ хлѣбопашищахъ, котораго дѣйствіе было весьма незначительно: въ настоящее время едва-ли сто тысячъ крѣпостныхъ по всей Россіи освободилось; по этому указу Александръ однако совершенно прекратилъ раздачу въ награду казенныхъ населеній и имѣній и по крайнѣй мѣрѣ не умножилъ число крѣпостныхъ, что дѣлалось такъ часто въ предшествовавшія царствованія: Екатерина IIая раздала любовникамъ до полмилліона душъ. Дворянство Остзейскихъ и Выборгской губерній по убѣжденію правительства согласилось освободить крестянъ своихъ: Латышей, Эстовъ и Гухонъ, но на такихъ стѣснительныхъ условіяхъ, что положеніе большинства ихъ мало улучшилось.

Въ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія Александръ встрѣтилъ сопротивленіе со стороны дворянства и окружавшихъ его вельможъ, которые представляли ему, что это дѣйствіе можетъ имѣть пагубныя для Россіи послѣдствія. У него недоставало твердости пренебречь эти своекорыстныя представленія.

Изъ законодательныхъ мѣръ, ознаменовавшихъ первые годы царствованія Александра, важнѣйшія были распостраненіе правъ Правительствующаго Сената (въ 1802мъ году), въ силу которыхъ Сенатъ могъ представлять Госюдарю свое мнѣніе противъ всякаго изданнаго закона, который онъ признаетъ недостойнымъ или вреднымъ.*)

Но вскорѣ послѣ того Сенатъ, по случаю изданнаго указа, стѣснительнаго для дворянъ, поступающихъ на службу подпрапорщиками, вздумалъ войти съ представленіемъ къ Государю объ отмѣненіи этого указа, какъ нарушающаго дворянскую грамоту. Сенату было по волѣ Монаршей растолковано, что онъ въ правѣ обсуживать законы предшествовавшихъ царствованій и представлять объ отмѣнѣ ихъ, а не о тѣхъ, которые издаются царствующимъ Государемъ.

Въ томъ же году вышло и учрежденіе Госу-

*) Право Французсихъ Парламентовъ, называемое droit de remonstrance.

дарственнаго Совѣта. Всѣ эти институціи должны были войти въ общій планъ замышляемаго Александромъ конституціоннаго образованія Правительства.

Въ эти-же года Александръ сдѣлалъ много и для народнаго просвѣщенія и, не смотря на стѣснительное состояніе Государственныхъ финансовъ, не жалѣлъ денегъ на учебныя заведенія. До него былъ въ Россіи одинъ Университетъ Московскій, учрежденный Императрицей Елисаветой Петровной; Александръ послѣдственно образовалъ новые Университеты: Казанскій, Харьковскій, Дерптскій, возобновилъ Виленскій, созданный еще Ягеллонами, и учредилъ Петербургскій, — также духовныя академіи въ Москвѣ, Кіевѣ, выписалъ изъ Германіи отличныхъ профессоровъ, умножилъ число гимназій и другихъ училищъ. Но преобразовательная дѣятельность первыхъ годовъ Александрова царствованія была вдругъ пріостановлена наступившею военной эпохой его правленія. Въ сердце молодаго Императора проникли честолюбивыя желанія военной славы, притязаніе играть первенствующую роль въ политической системѣ Европы, оспаривать первенство у Франціи, возвеличенной счастливыми революціонными войнами и дивными побѣдами Наполеона Бонапарта, котораго воинствен-

ный и правительственный геній возвелъ ее на высшую степень славы и могущества, какую она занимала въ самое цвѣтущее время царствованія Людовика XIV^го.

Россія по отдаленности своей умною и осторожною политикой могла-бы, сохраняя свое достоинство, избѣжать столкновенія съ властолюбивымъ Императоромъ Французовъ: онъ бы не вдругъ рѣшился напасть на Россію и предпочелъ-бы имѣть ее союзницей. Но Александръ самъ навлекъ на себя враждебное расположеніе Наполеона, принявъ самое дѣятельное участіе въ коалиціи противъ него съ Англіей и Австріей, едва отдохнувшей отъ поражeній своихъ въ Италіи и Германіи при Маренго и Гогенлинденѣ. Первымъ дѣйствіемъ войскъ своихъ Наполеонъ разбилъ Австрійцевъ подъ Ульмомъ и заставилъ ихъ главнокомандующаго генерала Макка съ большею частію арміи сдаться военноплѣннымъ. Русскій вспомогательный корпусъ, подъ начальствомъ генерала Кутузова былъ уже въ Нѣмецкой землѣ и спѣшилъ подкрѣпить Австрійцевъ, какъ вмѣсто ихъ вдругъ встрѣтился съ побѣдоносною Французскою арміей, превосходившей его несравенно числомъ войскъ и артиллеріи. Кутузовъ рѣшился идти назадъ, мужественно отстаивая всякую пядь земли, и совершилъ славное от-

ступленіе въ Моравію, будучи однако не въ силахъ защитить Вѣну, которую заняли Французы. Въ Моравіи предъ Ольмюцемъ Кутузовъ сошелся съ прибывшими изъ Россіи войсками подъ начальствомъ графа Буксгевдена и Императорскою гвардіею съ Великимъ Княземъ Константиномъ Павловичемъ. Всѣ эти войска вступили подъ главное начальство Кутузова. Императоры Александръ и Францъ находились при этой арміи. Наполеонъ изъ Брюнна, гдѣ собиралась вся его армія, предложилъ Александру честный миръ; его согласіе прекратилобы войну и безъ большихъ потерь даже для побѣжденной Австріи. Но Александръ отвергъ это предложеніе и самонадѣянно рѣшился идти на Французовъ. Планъ атаки былъ начертанъ австрійскимъ генералъ-квартирмейстеромъ Вейнротеромъ, и нашъ главнокомандующій изъ человѣкоугодничества согласился приводить въ исполненіе чужія мысли, которыя въ душѣ своей не одобрялъ. Александръ не стянулъ даже всѣхъ силъ своихъ; до 70т. Русскихъ подъ начальствомъ генераловъ Барона Беннингсена и Эссена были въ Силезіи, въ нѣсколькихъ переходахъ отъ арміи Кутузова, и могли черезъ три или четыре дня соединиться съ ней. Въ роковое 20 Ноября 1805го года Наполеонъ встрѣтилъ атакующую его Русскую армію

и разбилъ ее на голову. Часть артилеріи, до 20т. плѣнныхъ съ знаменами были трофеями побѣдителя на поляхъ Аустерлица. Австрійскій Императоръ униженно явился въ бивуакѣ Наполеона съ мирными предложеніями. Миръ съ Австріей былъ заключенъ, и въ числѣ условій Русскихъ позволено было отступить во свояси.

Этотъ горькій урокъ не вразумилъ Александра. Чрезъ годъ послѣ Аустерлицкой битвы составилась новая коалиція противъ Франціи: Англія подняла на нее Пруссію и Россію. Наполеонъ вскорѣ послѣ открытія военныхъ дѣйствій, въ Саксоніи на поляхъ Іенскихъ и Ауерштедскихъ, разгромилъ Прусскую армію, славившуюся своей дисциплиной и тактикой и предводимую ветеранами, сподвижниками Фридриха Великаго, Принцемъ Браунштейгскимъ и Фельдмаршаломъ Мёллендорфомъ. Остатки этой арміи съ Принцемъ Гогенлоге положили оружіе въ Пренцлау и сдались Французскому корпусу, ихъ преслѣдовавшему. Большая часть Прусскихъ крѣпостей, снабженныхъ всѣми военными и съѣстными припасами, отворяли ворота при появленіи иногда нѣсколькихъ эскадроновъ гусаръ или конныхъ егерей, которымъ гарнизоны сдавались. Большая часть Прусскихъ владѣній была во власти Императора Франнузовъ

Россійскія войска подъ начальствомъ генерала Беннингсена уже на землѣ Польской и въ старой Пруссіи упорно боролись съ побѣдоносной арміей Наполеона. Въ кровопролитныхъ битвахъ подъ Пултускомъ, въ сраженіи подъ Прейсишъ-Эйлау Наполеонъ въ первый разъ не остался побѣдителемъ; въ битвахъ подъ Гутштадтомъ и Гейльсбергомъ Русскіе покрыли себѣ славою и своею храбростію заслужили уваженіе непріятелей, но подъ Фридландомъ были разбиты и, испытавъ огромныя пораженія, отступили къ нашимъ границамъ. Александръ самъ былъ при арміи*) и, лично неустрашимый въ огнѣ, не обладалъ дарованіями полководца. За этими неудачами послѣдовалъ Тильзитскій миръ. Оба Императора имѣли свиданіе на рѣкѣ Нѣманѣ и лично познакомились. Въ Тильзитѣ прожили они дней десять, оказывая другъ другу самыя нѣжныя привѣтствія. Миръ уполномоченными Франціи, Россіи и Пруссіи былъ подписанъ Іюня 25го дня и немедленно ратификованъ обоими Императорами. Первенство осталось за Франціею; Пруссія, и то благоларя ходатайству Императора Александра, унижена на степень второстепенной державы и должна была заплатить огромную контрибуцію. Хотя Россія не только

*) Онъ не былъ подъ Фридландомъ.

не уступила ни пяди земли, но еще пріобрѣла Бѣлостокскую область отъ побѣжденной Пруссіи, но Александръ принужденъ былъ вступить въ оборонительный и наступательный союзъ съ недавнимъ врагомъ своимъ и принять дѣятельное участіе въ континентальной системѣ Наполеона, закрыть Англичанамъ порты свои ко вреду Русской заграничной торговли и согласиться на возстановленіе древней Польши подъ именемъ Герцогства Варшавскаго. Эта новая держава подъ владычествомъ Наполеона составляла его передовое ополченіе въ будущемъ его нашествіи на Россію. Императоръ Французовъ въ стремленіи своемъ ко всемірному владычеству, располагая Германіей какъ протекторъ Рейнскаго союза, составленнаго изъ второстепенныхъ державъ, безспорно владычествуя въ Италіи и замышляя завоеваніе Пиринейскаго полуострова для однаго изъ своихъ братьевъ, желалъ сохранить на время прочный миръ съ Россіею и для этого всячески старался пріобрѣсть благорасположеніе Русскаго Императора. Въ свиданіяхъ съ Александромъ въ Тильзитѣ и послѣ въ 1810мъ году на Ерфуртскомъ конгрессѣ, онъ очаровалъ его своимъ величіемъ, умомъ и любезностію. Предлагалъ ему раздѣлить Европейскій материкъ на двѣ половины. Въ западной до гра-

ницъ Россіи владычествовать самому, предоставляя новому своему союзнику распоряжаться сѣверными державами, Швеціей и Даніей и изгнавъ Турокъ изъ Европы, покорить ихъ владѣнія въ этой части свѣта. Наполеонъ дозволилъ Александру завоевать Финляндію и тѣмъ обезпечить безопасность Петербурга. Возбудая его честолюбіе, онъ манилъ его обладаніемъ Константинополя и Чернымъ моремъ и соглашался на немедленное присоединеніе къ Россіи Дунайскихъ областей, Молдавіи и Валахіи.

Увѣрившись въ мирномъ расположеніи Александра, Наполеонъ обратилъ силы свои на югъ, чтобы овладѣть Испаніей и воспользовался семейной враждой слабаго ея Короля Карла IVго съ наслѣдникомъ престола Фердинандомъ, любимымъ Испанцами, желавшими чтобъ онъ царствовалъ. Наполеонъ какъ союзникъ ихъ Короля занялъ Мадритъ и сѣверныя области Королевства Французскими войсками, пригласилъ Короля Карла VIго и сыновей его во Францію, чтобы разобрать ихъ семейную ссору и усмирить Испанію. Они повѣрили ему и съѣхались въ Байонѣ. Слабаго Карла IVго, раздраженнаго противъ сына, Наполеону не трудно было уговорить отказаться въ пользу его отъ трона. Сыновей его Фердинанда и Карлоса задержалъ онъ во Франціи плѣнниками и созвалъ въ Байонѣ нѣсколькихъ

подкупленныхъ Испанцевъ, которыхъ заставилъ провозгласить брата своего Іосифа, царствовавшаго въ Неаполѣ, королемъ Испанскимъ.

Этотъ коварный, предательскій поступокъ возбудилъ всеобщую ненависть Испанцевъ къ Французскому владычеству, и во всемъ Королевствѣ возгорѣлась безпримѣрная народная война, которая разстраивала властолюбивые планы Наполеона и заставила его направить туда новыя силы изъ Франціи и даже изъ Германіи.

Англія, высадивъ на Испанскіе берега войска въ подкрѣпленіе инсургентамъ, склонила Австрію къ новой войнѣ съ Наполеономъ. Послѣ Аустерлицкаго пораженія Австрія воспользовалась четырехъ-лѣтнимъ миромъ, чтобы усилить и устроить свои ополченія. Англія снабжала ее деньгами и оружіемъ. Австрійскою арміею начальствовалъ тогда лучшій ея полководецъ, Эрцъ-Герцогъ Карлъ, который успѣлъ въ мирные годы приготовить ее къ военнымъ дѣйствіямъ, съ надеждою возстановить ея бывшую славу, утраченную въ прежніе Италіанскіе и Нѣмецкіе походы. Наполеонъ, не смотря на то что значительная часть его войска была въ Испаніи, явился съ превосходной арміей посреди Германіи. Александръ, какъ союзникъ, долженъ былъ выставить вспомогательный корпусъ

подъ начальствомъ Голицына на защиту Герцогства Варшавскаго.

Война закипѣла. Эрцъ-Герцогъ Карлъ встрѣтилъ Французовъ подъ Регенсбургомъ, сразился съ Наполеономъ подъ этимъ городомъ и принужденъ былъ отступать внизъ по берегамъ Дуная. Наполеонъ предупредилъ его движеніемъ на Вѣну и безъ боя овладѣлъ столицею Австріи. Ниже Вѣны при Асдернѣ армія Эрцъ-Герцога одержала побѣду надъ значительною частію войскъ Наполеона, и ему самому угрожала величайшая опасность, но геній его вывелъ его изъ затруднительнаго положенія: ровно черезъ мѣсяцъ одержалъ онъ блистательную побѣду подъ Ваграмомъ надъ Австрійцами, которыхъ заставилъ отступить въ Богемію. Хотя Австрійцы въ эту кампанію дѣйствовали несравненно лучше нежели въ предшествовавшія, но не въ состояніи были противустоять побѣдоносной арміи Наполеона. Императоръ Францъ просилъ мира, который и былъ вскорѣ подписанъ въ Вѣнѣ. Въ этой войнѣ Русскій вспомогательный корпусъ дѣйствовалъ вяло и неохотно въ Галиціи и все почти время простоялъ въ Краковѣ. Наполеонъ понялъ что ему не долго можно считать на благорасположеніе Александра. Дружба обоихъ Императоровъ день ото дня хлаждалась. Доволь-

но было причинъ къ разрыву. Наполеонъ жаловался что Россія не исполняетъ условій Тильзитскаго трактата въ отношеніи континентальной системы: допускаетъ въ свои порты ввозъ Англійскихъ колоніальныхъ и мануфактурныхъ произведеній подъ Американскимъ флагомъ, что въ войнѣ съ Австріей Русскій вспомогательный корпусъ не дѣйствовалъ какъ войско искренно-союзное и даже дружилъ Австрійцамъ. Наполеонъ оскорблялся, что на предложеніе его руки сперва Великой Княжнѣ Екатеринѣ Павловнѣ, а послѣ Аннѣ Павловнѣ, Александръ, давъ сначала свое согласіе, отозвался послѣ что на этотъ бракъ не было соизволенія Императрицы Маріи Феодоровны. Со стороны Александра причины къ войнѣ: общая непріязнь къ Франціи Русскихъ, которыхъ народное чувство оскорблялось утратой военной славы въ неудачные походы противъ Наполеона, разстройство финансовъ вслѣдствіе этихъ войнъ, упадокъ и почти банкротство нашихъ ассигнацій при невозможности исправить это, оставаясь вѣрнымъ континентальной системѣ Наполеона, которая, уничтожая нашу заграничную торговлю съ Англіей, наносила очевидный вредъ и государственному и частному благосостоянію.

Дипломатическія сношенія обоихъ кабинетовъ

становились день ото дня холоднѣе и недружелюбнѣе. Дерзскій и презрительный тонъ Французскихъ дипломатовъ въ Петербургѣ вызывалъ Русскихъ на подобныя оскорбленія, и наши гвардейскіе офицеры не оставались въ долгу у Французовъ. Все предвѣщало скорую неизбѣжную войну съ Франціей. Наступилъ незабвенный 1812ый годъ.

Присоединеніе къ Франціи отъ Германіи сѣверныхъ ея береговъ, почти до Балтійскаго моря, и въ числѣ этихъ земель владѣній Герцога Ольденбургскаго, родственника Императорскаго Россійскаго дома, было предлогомъ для Александра объявить Наполеону войну, которую желалъ весь Русскій народъ. Александръ заключилъ дружественные союзы съ Англіей, Швеціей и Испаніей.

Императоръ Французовъ подозрѣвалъ что Россія увлечетъ Пруссію, ненавидѣвшую его владычество, и двинетъ свои арміи въ Германію; чтобы предупредить это движеніе онъ быстро стянулъ свои многочисленные корпуса отъ Одера и Вислы къ Русской границѣ, Нѣману.

Наполеонъ, самовластно располагая силами Франціи, Италіи, Рейнскаго союза и Поляками, вмѣстѣ выставившими до полумиліона войскъ, повелъ ихъ на Россію. Наши войска были расположены вдоль западныхъ границъ въ близкомъ

разстояніи отъ нихъ и по первоначальному плану должны были двинуться впередъ и сосредоточиться въ Пруссіи, на содѣйствіе которой расчитывали и въ Герцогствѣ Варшавскомъ. Но быстрое движеніе большой Французской арміи къ Нѣману и переправа ея чрезъ эту рѣку противъ Ковно и на другихъ трактахъ угрожала разъединеніемъ нашимъ корпусамъ, растянутымъ на большемъ пространствѣ: Наполеонъ могъ напасть на нихъ и по частямъ разбить. Александръ прибылъ въ Вильно, главную квартиру 1ой арміи, подъ начальствомъ Военнаго Министра Барклая-де-Толли, состоящую изъ 5ти армейскихъ пѣхотныхъ корпусовъ, гвардейскаго и 3хъ кавалерійскихъ; 2ая армія подъ предводительствомъ Графа Багратіона имѣла главную квартиру въ Слонимѣ и состояла изъ 2хъ армейскихъ пѣхотныхъ корпусовъ и однаго кавалерійскаго. Атаманъ Платовъ съ нѣсколькими казачьими полками занималъ впереди Бѣлостокскую область. Александръ узнавъ о переправѣ Французской арміи черезъ Нѣманъ, предписалъ всѣмъ нашимъ войскамъ отступленіе: 1ой арміи къ Двинѣ въ устроенный укрѣпленный лагерь на этой рѣкѣ у города Дриссы, — Князю Багратіону и атаману Платову велѣно также отступить для соединенія съ 1ой арміей.

Наполеонъ съ массою силъ своихъ не преслѣдуя первой арміи, но легкими отрядами наблюдая только ея отступленіе, быстрымъ движеніемъ думалъ настичь 2ую армію и уничтоживъ ее, обратиться на 1ую и ее также разгромить. Но ошибочное движеніе однаго изъ его генераловъ, брата его Короля Вестфальскаго, не исполнившаго въ точности распоряженій Императора, и усиленные марши арміи Князя Багратіона, испытавшей силы свои въ нѣсколькихъ жаркихъ битвахъ съ Французами, сдѣлали возможнымъ соединеніе обѣихъ Русскихъ армій. Генералъ Барклай-де-Толли, узнавъ что 2ая армія избѣжала угрожавшей ей опасности, рѣшился выступить изъ Дриссенскаго укрѣпленнаго лагеря и оставя въ Бѣлоруссіи первый корпусъ графа Витгенштейна для прикрытія дороги въ Петербургъ, взялъ направленіе черезъ Полоцкъ (откуда Императоръ Александръ уѣхалъ въ Москву, а потомъ въ Петербургъ) къ Витебску, гдѣ надѣялся встрѣтиться съ Княземъ Багратіономъ. Наполеонъ со всѣми силами обратился къ 1ой арміи, отступавшей къ Витебску, авангардъ его настигъ арріергардъ Барклая-де-Толли. Кровопролитна была эта первая встрѣча войскъ 1ой арміи съ Французами; но арріергардъ нашъ, дравшись подъ Островною цѣлый день, отступилъ въ порядкѣ

на другой день былъ опять атакованъ и храбро сражаясь, присоединился къ арміи выстроенной подъ Витебскомъ и готовой завтра грудью встрѣтить непріятеля. Но въ тотъ-же вечеръ главнокомандующій получилъ отъ Князя Баргатіона вѣсть, что его армія и Платовъ съ казаками идутъ къ Смоленску и могутъ безпрепятственно соединиться съ нимъ подъ этимъ городомъ. Это заставило Барклая-де-Толли въ виду непріятельской арміи отступить фланговымъ движеніемъ налѣво, прикрывая этотъ маневръ высланнымъ передовымъ отрядомъ подъ начальствомъ Графа Палена, который нѣсколько часовъ удерживалъ непріятеля и давъ время арміи выйти на Смоленскую дорогу, отступилъ благополучно вслѣдъ за ней, подвергаясь однако опасности быть отрѣзаннымъ Французами, которые заняли въ тылу его часть города.

Желанное соединеніе обѣихъ армій совершилось наконецъ въ Смоленскѣ, но обѣ наши арміи далеко не равнялись числомъ съ арміей непріятельской.

Вообще составъ нашихъ двухъ западныхъ арміи былъ хорошъ. Ихъ одушевляла любовь къ отечеству, негодованіе за прежнія неудачи, надежда управиться съ врагомъ, не смотря на то что этотъ врагъ былъ геніальный Императоръ Фран-

цузовъ, первый полководецъ нашего времени, котораго одно имя и присутствіе стоило сто тысячъ войска. Нигдѣ Наполеонъ и не встрѣтилъ такого упорнаго сопротивленія, какъ въ достопамятную кампанію 1812го года въ Россіи. Хотя наши солдаты уступали въ той восторженной, пламенной храбрости въ нападеніи, которою Французы побѣждали всѣ Европейскія арміи, но за то наши выигривали у нихъ непоколебимою стойкостію и упорствомъ въ оборонѣ: при неудачахъ поспѣшно устроивались по голосу начальниковъ, и обойденные во флангъ, не спѣшили отступать какъ Австрійцы или сдаваться, но всегда держались до нельзя. Во всѣхъ встрѣчахъ нашихъ войскъ съ непріятельскими, даже превосходившими числомъ, наши ни разъ не были сбиты съ позиціи (въ такъ на пр. при Островнѣ подъ Витебскомъ), но отступали по приказанію начальниковъ своихъ.

Главнокомандующіе обѣихъ нашихъ западныхъ армій, генералы Барклай-де-Толли и Князь Багратіонъ, оба, хотя въ разныхъ родахъ, обладали великими военными качествами, изъ которыхъ послѣднее было самая блистательная храбрость, ознаменовавшая многолѣтнее военное поприще того и другаго. Оба наши полководца въ неустрашимости и военной опытности не уступали ни одно-

му изъ лучшихъ маршаловъ Наполеона. Барклай-де-Толли, при равныхъ съ Княземъ Багратіономъ достоинствахъ, имѣлъ болѣе его познаній въ военныхъ наукахъ, могъ искуснѣе его соображать высшія стратегическія движенія и начертать планъ военныхъ дѣйствій, но Князь Багратіонъ на полѣ сраженія, которое могъ обнять глазомъ, былъ неподражаемъ въ своихъ мгновенныхъ вдохновеніяхъ, — угадывалъ вѣрно намѣренія непріятеля и умѣлъ продивудѣйствовать успѣхамъ даже самаго Наполеона.

Однако при всѣхъ достоинствахъ Барклая-де-Толли, человѣка съ самымъ благороднымъ, независимымъ характеромъ, геройски храбраго, благодушнаго и въ высшей степени честнаго и безкорыстнаго, армія его не любила, за то только что онъ — Нѣмецъ! Въ то время когда противъ Россіи шла большая половина Европы подъ знаменами Наполеона, очень естественно что предубѣжденіе противъ всего не Русскаго, чужестраннаго, сильно овладѣло умами не только народа и солдатъ, но и самыхъ начальниковъ. При томъ Барклай-де-Толли съ холодной и скромной наружностію былъ израненъ, былъ съ перебитыми въ сраженіи рукою и ногою, что придавало его особѣ и движеніямъ какую-то неловкость и принужден-

ность; не довольно чисто говорилъ онъ и по русски, и большая часть свиты его состояла изъ Нѣмцевъ: — все это было разумѣется достаточно въ то время, чтобы не только возбудить нелюбовь арміи къ достойному полководцу, но даже внушить обидное подозрѣніе на счетъ чистоты его намѣреній. Не оцѣнили ни его прежнихъ заслугъ, ни настоящаго искуснаго отступленія, въ которомъ онъ сберегъ армію и показалъ столько присутствія духа и мудрой предусмотрительности.

Князь Багратіонъ, сподвижникъ и любимецъ Суворова въ Италіанскую кампанію, былъ любимъ войсками; высокими важными качествами, обходительнымъ и ласковымъ обращеніемъ съ подчиненными, онъ пріобрѣлъ всеобщую любовь и затмилъ своего соперника, главнокомандующаго 1ой арміи, которому имѣлъ причины завидовать: Барклай-де-Толли былъ моложе въ чинѣ Багратіона, но какъ военный министръ онъ бралъ у него первенство. Императоръ приказалъ Князю Багратіону сообразовать всѣ дѣйствія 2ой западной арміи съ дѣйствіями 1ой и слѣдовать всѣмъ дѣйствіямъ ея главнокомандующаго. Это ставило Барклая-де-Толли съ Багратіономъ въ странное, неестественное соотношеніе, и ко вреду всѣхъ военныхъ дѣйствій, могло только раздражать и усиливатъ ихъ взаи-

мную непріязнь. Къ тому-же самъ Императоръ, хотя уважалъ Барклая-де-Толли, но не онъ одинъ пользовался исключительною довѣренностію Государя: нѣсколькимъ лицамъ въ обоихъ арміяхъ далъ онъ право писать къ себѣ откровенно о военныхъ дѣйствіяхъ. Кромѣ двухъ главнокомандующихъ съ Александромъ переписывались начальники штабовъ обоихъ армій, генералъ Ермоловъ, графъ Сен-При и исправляющій должность дежурнаго генерала 1ой арміи флигелъ-адъютантъ Кикинъ. Всѣ эти лица принадлежали къ партіи противной Барклая-де-Толли и въ письмахъ своихъ къ Государю не щадили ни нравственный его характеръ, ни военныя дѣйствія его и соображенія. Противъ него былъ и Великій Князь Константинъ Павловичъ командовавшій гвардіей и лица его окружающія.

Барклай-де-Толли почти не имѣлъ въ своей арміи приверженцевъ: всѣ лучшіе наши генералы, изъ которыхъ многіе пріобрѣли справедливо-заслуженную славу, были или противъ него или совершенно къ нему равнодушны. Главные недоброжелатели его были: во первыхъ начальникъ его штаба генералъ Ермоловъ, издавно дружный съ Княземъ Багратіономъ и генералъ Раевскій, пользовавшійся его довѣренностію и имѣвшій на

него большее вліяніе. Ермоловъ и Раевскій (особенно первый) по высокимъ качествамъ, отличнымъ способностямъ и характеру не могли удовлетвориться второстепенными ролями. Оба они съ самою блистательною храбростію соединяли военное научное образованіе и опытность, были пламенные патріоты и обожаемы не только непосредственными подчиненными, но и всей арміей. Александръ не любилъ ни того ни другаго, но по неволѣ уважалъ ихъ за личныя достойнства. За ними на первомъ планѣ выставлялись нѣкоторые изъ корпусныхъ начальниковъ: Графъ Витгенштейнъ, Милорадовичъ, Тучковъ, Багговутъ, графъ Остерманъ-Толстой, Коновницынъ, Графъ Паленъ, Доктуровъ; артиллеристы: Графъ Кутаисовъ, Князь Янсвиль; генеральнаго штаба полковники: Толь и Б. Дибичь, — все это генералы далеко не дюженные, въ которыхъ личная храбрость была изъ послѣднихъ достойнствъ. Не любя Барклая-де-Толли, его противники сообщили чувства непріязни своей и войску: не разъ, во время ночныхъ переходовъ, онъ объѣзжая коллоны слышалъ ропотъ на безконечное отступленіе, а въ гвардейскихъ полкахъ пѣніе насмѣшливыхъ куплетовъ на его счетъ. Но Барклай-де-Толли не обращалъ на это вниманія и твердо исполнялъ принятый

однажды планъ: искуснымъ отступленіемъ довлечь Наполеона съ его несмѣтной арміей въ сердце Россіи и здѣсь устроить ему гибель. Независимый характеръ его особенно выказался во время соединенія нашихъ армій подъ Смоленскомъ.

Зная всѣ интриги своихъ недоброжелателей и въ числѣ ихъ Константина Павловича, генералъ-адъютантанта Ожаровскаго и нѣсколькихъ Царскихъ флигель-адъютантовъ, находившихся въ главной квартирѣ, онъ не задумался выслать ихъ въ Петербургъ. Цезаревичу Константину Павловичу далъ онъ предписаніе, въ которомъ было сказано что, какъ главнокомандующій находитъ присутствіе Его Высочества въ арміи безполезнымъ, то онъ предлагаетъ ему немедленно отправиться въ С. Петербургъ, о чемъ онъ имѣлъ счастіе донести Государю Императору. Этимъ смѣлымъ поступкомъ Барклай-де-Толли успѣлъ на нѣкоторое время остановить дѣйствія своихъ противниковъ и составить ихъ быть осторожнѣе.

Главная его заслуга была та, что онъ, уклоняясь отъ рѣшительнаго генеральнаго сраженія съ Наполеономъ, въ столь продолжительное и трудное отступленіе, безпрестанно угрожаемый непріятелемъ, который былъ гораздо сильнѣе его, успѣлъ сберечь армію, удержать ее въ порядкѣ и сохра-

нить артиллерію, которая почти равнялась числомъ орудій съ непріятельской и была въ превосходномъ состояніи, какъ въ отношеніи матеріальномъ, такъ и по военному духу. Если Французскіе артиллеристы считались ученѣе нашихъ въ познаніяхъ теоретическихъ, то наши не уступали имъ въ практикѣ и удивляли самихъ непріятелей смѣлыми дѣйствіями и подвижностію нашихъ батарей: это послѣднее качества зависило отъ доброты Русскихъ лошадей и упряжи.

Смоленскъ послѣ двухдневной жестокой борьбы былъ превращенъ въ развалины. Русскіе защищали городъ отчаянно и всѣ приступы непріятеля къ стѣнамъ его были отбиваемы; но 1ая армія, испытавъ въ этомъ сраженіи большія потери, ночію оставила разоренный городъ и отступила въ порядкѣ вслѣдъ за второю по Московской дорогѣ. Наполеонъ преслѣдовалъ ее своими передовыми отрядами, всякій день нашъ арріергардъ мужественно отражалъ ихъ нападенія и не случилось ни разъ, чтобъ непріятель сбилъ его далѣе того пункта, гдѣ ему по диспозиціи изъ главной квартиры должно было остановиться на ночь. Во всемъ этомъ отступленіи Русская армія не потеряла ни пушки, ни повозки. Число плѣнныхъ нашихъ изъ отсталыхъ не превышало захваченныхъ нами Фран-

цузовъ. Не доходя до Можайска, армія расположилась у селенія Царево-Зайлище, — (гдѣ главнокомандующій избралъ превосходную позицію для генеральнаго сраженія), — какъ къ ней прибылъ генералъ Голеницевъ-Кутузовъ, чтобы начальствовать всѣми войсками. Онъ пріѣхалъ изъ Молдавской арміи, съ которой одержалъ побѣды надъ Турками, заставилъ Султана заключить миръ съ Россіею въ Бухарестѣ, Мая 16го дня 1812го года и уступить ей Бессарабію и устья Дуная. Александръ въ утовлетвореніе общественнаго мнѣнія, несправедливаго противъ Барклая-де-Толли, героя въ сраженіи и человѣка самаго благороднаго и возвышеннаго характера, только потому что онъ былъ Нѣмецъ, назначилъ генерала Кутузова главнымъ вождемъ всѣхъ армій.

Кутузовъ, принявъ начальство, только потому приказалъ арміи отступить отъ Царево-Зайлища, что при этомъ селеніи превосходную позицію выбралъ его предмѣстникъ.

Армія отступила къ селенію Бородино, 16 верстъ не доходя до Можайска, и тутъ новый главнокомандующій рѣшился встрѣтить грудью армію Наполеона и сразиться съ ней. Наша армія болѣе нравственно, нежели физически утомленная продолжительнымъ отступленіемъ, столько-же желала рѣ-

шительнаго сраженія, сколько Наполеонъ. Войска наши съ восторгомъ приняли новаго главнокомандующаго, и предмѣстникъ его, достойный Барклай-де-Толли, великодушно согласился служить подъ его начальствомъ.

Августа 26го дня предъ Бородинымъ произошло сраженіе, единственное въ нашихъ военныхъ лѣтописяхъ по ожесточенію, съ которымъ сражались обѣ стороны. Никогда Наполеонъ не встрѣчалъ такого упорнаго сраженія отъ войска малочисленнѣйшаго его арміи. Потеря съ обоихъ сторонъ была неслыханныя.*) Не смотря на всѣ условія Наполеона, Русскіе почивали на полѣ сраженія; армія непріятельская была такъ разстроена, что не могла слѣдовать за нашею, отступившею на другой день къ Можайску. Убыль въ нашихъ войскахъ была такъ велика, что полки, построенные каждый въ одинъ только баталіонъ, едва были замѣтны между длинными рядами пушекъ съ ихъ зелеными ящиками. Русская армія непобѣжденная

---

*) Когда Французы вышли изъ Россіи, Можайскому уѣздному предводителю Астафьеву поручено было убрать мертвые трупы, которыми были усѣяны окресности Бородина. Онъ хоронилъ ихъ, истреблялъ извѣстью и огнемъ и велъ имъ счетъ. На двухъ квадратныхъ миляхъ около Бородина онъ собралъ 50т. человѣческихъ труповъ и 33т. лошадей

отступила къ Москвѣ. Всѣ, отъ начальниковъ до простыхъ солдатъ, были одушевлены однимъ желаніемъ сразиться съ Французами подъ стѣнами древней столицы; но благоразумный и осторожный Кутузовъ не увлекся этимъ восторженнымъ чувствомъ: зная несоразмѣрность силъ своихъ съ непріятельскими, онъ рѣшился оставить Москву. Начиналась жестокая народная война.

Русскіе всѣхъ сословій, не жалѣя ни себя ни своего состоянія, готовы были на всѣ пожертвованія, чтобы только отразить врага. Губерніи ближайшія къ театру военныхъ дѣйствій собирали милиціи изъ конныхъ и пѣшихъ полковъ.

Армія выступила изъ Москвы по Рязанской дорогѣ. Дойдя до Московскаго кургана, поворотила на право, на Подольскую дорогу и продолжая это фланговое движеніе вокругъ Москвы, перешла на старую Калужскую дорогу, на которой и стала твердой ногой у селенія Тарутина въ укрѣпленномъ лагерѣ. Еще съ Рязанской дороги, въ первую ночь отступленія отъ Москвы, армія поражена была огромнымъ заревомъ, разстилавшимся надъ Москвою, которая внезапно загорѣлась въ нѣсколькихъ мѣстахъ, и три четверти столицы превращены въ пепелъ. Наполеонъ, вступая въ Москву, ожидалъ торжественной встрѣчи и депутаціи съ

ключами города, но съ удивленіемъ увидѣлъ однѣ пустыя улицы. Всѣ имѣвшіе малѣйшую возможность выбрались изъ Москвы: въ ней остались самые бѣднѣйшіе изъ жителей, до нѣсколько сотенъ Французовъ и другихъ иностранцевъ, купцевъ, ремесленниковъ. Первую ночь, которую Наполеонъ провелъ въ Кремлевскомъ дворцѣ, озарилась страшнымъ пожаромъ, который заставилъ его выѣхать изъ города и поселиться въ Петровскомъ дворцѣ за Петербургской заставой, расположивъ вокругъ себя на бивуакахъ свою гвардію. Наполеонъ надѣялся, овладѣвъ Москвою, пріобрѣсти миръ съ Александромъ и спокойныя зимнія квартиры для своей арміи. Москва имѣла всегда такое множество всякаго рода запасовъ, что Французская армія могла бы прокормиться въ ней болѣе полугоду и одѣться заново; но страшный пожаръ въ нѣсколько дней уничтожилъ всѣ эти огромныя средства. Французы въ первое время жили грабежами въ изобиліи, но скоро начали терпѣть нужду, принуждены были посылать партіи фуражировъ за съѣстными припасами въ окрестности столицы и очень мало изъ ихъ партій возвращались. Народная война была въ полномъ разгарѣ, и подмосковскіе крестіяне укрывавшіеся съ семействами и имуществомъ въ лѣсахъ вооружались чѣмъ кто

могъ и день ото дня становились смѣлѣе: не только убивали одинокихъ Французовъ, но истребляли большія ихъ партіи.

По всѣмъ дорогамъ, ведущимъ въ Москву, наши партизаны, полковники Давыдовъ, Фигнеръ, Сеславинъ, ротмистръ Чеченскій, безпрестанно являясь, возбуждали смѣлость сельскихъ жителей, которые отважно нападали на значительные Французскіе отряды, на артиллерійскіе парки и всячески истребляли непріятеля.

Когда все это происходило въ сердцѣ Россіи, около нашей бѣлокаменной, Графъ Витгенштейнъ сражался въ Бѣлоруссіи съ Французскими корпусами маршаловъ Магдональда и Удино и въ сраженіи подъ Клястицами славно воспрепятствовалъ присоединенію ихъ къ арміи. Въ Волыни 3ая западная армія генерала Тармазова и въ Литвѣ отдѣльный корпусъ генерала Сакена имѣли дѣла: первая съ Австрійцави при Городяно, подъ начальствомъ князя Шварценберга, который, не принимая къ сердцу успѣховъ союзника и зятя своего Императора, дѣйствовалъ противъ Русскихъ также вяло, какъ нашъ вспомогательный корпусъ въ войнѣ Наполеона съ Австрійцами въ 1809мъ году. Генералъ Сакенъ дрался съ Саксонцами подъ генераломъ Ренье подъ Кобринымъ безъ всякихъ по-

слѣдствій. Молдавская армія, которою послѣ Кутузова начальствовалъ адмиралъ Чичаговъ, направлена была въ западныя губерніи.

Между тѣмъ наша главная армія въ Тарутинскомъ лагерѣ, имѣя за собою хлѣбородныя губерніи, получая оттуда обильное продовольствіе, усиливалась прибывавшими къ ней резервами и готовилась съ свѣжими силами вступить опять въ борьбу съ Французами, которые испытывали всякаго рода лишенія, ослабѣвали и духомъ и числомъ. Напрасно Наполеонъ предлагалъ чрезъ генерала Лористена миръ: на эти предложенія Кутузовъ отвѣчалъ отрицательно подъ предлогомъ неимѣнія полномочія отъ своего правительства. Императоръ Александръ объявилъ что не вступитъ ни въ какіе переговоры съ Наполеономъ, пока въ Россіи останется.

Наполеонъ, котораго положеніе день ото дня становились затруднительнѣе и безнадежнѣе, рѣшился наконецъ оставить Москву и отступить уже не по прежней опустошенной дорогѣ, а по новой Калужской, мѣстами неразоренными, гдѣ онъ могъ найти все необходимое для продовольствія своей арміи.

Кутузовъ предупредилъ намѣреніе Наполеона. Русская армія пріобрѣла счастливый поискъ 6го

Октября на Французскій авангардъ короля Неаполитанскаго, расположеннаго противъ Тарутинскаго лагера: передъ разсвѣтомъ два Русскіе корпуса напали на него въ расплохъ, разбили и овладѣли артиллеріею и множествомъ плѣнныхъ. Послѣ этого счастливаго дѣла нашъ главнокомандующій, извѣщенный партизаномъ Сеславинымъ, что Французы 7го Октября начали свое отступленіе по новой Калужской дорогѣ, въ туже ночь двинулъ всю армію къ Малоярославцу, чтобы преградить Французамъ путь. Нашъ авангардъ подошелъ ночію къ этому городу 11го Октября почти въ одно время съ Французами; завязалось жаркое сраженіе въ самомъ городѣ, который шесть разъ переходилъ изъ рукъ въ руки. Къ вечеру этого дня показалось за Малоярославцемъ на высотахъ Русская армія, которая расположилась поперегъ новой Калужской дороги. Наполеонъ не рѣшился атаковать ее и потянулся къ прежнему пути, по которому достигъ въ Москву и который сдѣлался смѣжнымъ кладбищемъ его арміи.

Наша армія слѣдовала паралельно непріятельской. Мы могли преградить Наполеону путь въ Вязьмѣ, Дорогобужѣ и наконецъ въ Красномъ; но осторожный Кутузовъ не рѣшился на такое сильное предпріятіе и довольствовался тѣмъ, что отсту-

пающихъ Французовъ безпрестанно тревожилъ нападеніями во флангъ.

Въ Вязьмѣ, подъ Духовщиной и наконецъ въ трехдневномъ бою подъ Краснымъ Французскіе корпуса, отступавшіе раздѣльно одинъ отъ другаго, претерпѣли совершенное пораженіе и принуждены были бросить почти всю свою артиллерію, потѣрявъ большее число плѣнныхъ. Съ наступленіемъ сильныхъ морозовъ изнуренные остатки Наполеоновской арміи представляли нестройную толпу нищихъ, умиравшихъ съ голоду: вся дорога усѣяна была ихъ трупами.

Съ этими жалкими остатками большой Французской арміи, при которыхъ находился самъ Наполеонъ, соединились отступавшія изъ Бѣлоруссіи Французскія войска, преслѣдуемыя корпусомъ Графа Витгенштейна, усиленнымъ прибывшими къ нему полками изъ Финляндіи. Рига были за нами: тамъ командовалъ генералъ Эссенъ; противъ него въ Лифляндіи и Курляндіи находились Французскій отрядъ и корпусъ Прусскаго генерала Іорка, подъ начальствомъ маршала Магдональда. Адмиралъ Чичаговъ, съ Молдавской и 3ей западной арміями, былъ уже на рѣкѣ Березинѣ, овладѣлъ укрѣпленнымъ Борисовымъ и по доставленному ему плану главнокомандующаго Кутузова долженъ

былъ стеречь теченіе Березины между Ухолодью и Леденцомъ а отъ этихъ двухъ пунктовъ наши дороги: отъ Ухолоди къ Минску, а отъ Студенца чрезъ Зембинское дефиле къ Вильно. Между тѣмъ Русскіе партизанскіе отряды, свободно разъѣзжая по всему театру войны, нападали на всѣ Французскіе отряды и истребляли ихъ или брали въ плѣнъ.

Наполеонъ подойдя къ Березинѣ, фальшивымъ движеніемъ къ Ухолоди обманулъ адмирала Чичагова, который, оттянувъ всѣ свои войска къ этому пункту, оставлялъ у Студенца и Веселева только слабый отрядъ. Императоръ же Французовъ, предвидя это, съ остатками своей разбитой арміи быстро двинулся къ Студенцу, устроилъ тамъ переправу и успѣлъ перейти съ честію своихъ войскъ на противуположный берегъ и продолжалъ свое отступленіе къ Вильно. Чичаговъ не могъ преградить ему пути, но оставшееся позади Французское войско, смѣло преслѣдуемое Графомъ Витгенштейномъ, сбилось съ дороги, не попало на переправу и принуждено было сдаться въ плѣнъ.

У Студенца и Веселева мостъ одинъ подломился отъ сильнаго натиска въ безпорядкѣ бросившихся на него Французовъ и тысячи жертвъ потанули въ Березинѣ; другой мостъ былъ рано

сожженъ. На другой день послѣ переправы болотистый берегъ Березины представлялъ самое страшное зрѣлище: въ неглубокихъ мѣстахъ рѣки и на болотистомъ его берегѣ завязли тысячи изнуренныхъ Французовъ, женщинъ, дѣтей, лошадей, пушекъ, повозокъ, покрывшихъ сплошъ пространство болѣе квадратной версты. Вся эта нестройная, сплошная масса въ насильственныхъ положеніяхъ замерзла отъ наступившаго сильнаго холода и въ ней не осталось ни одно живое существо. Наполеонъ съ дороги ускакалъ въ простыхъ лубочныхъ саняхъ, обвязанный шалями и закутанный шубами, въ Варшаву, гдѣ встрѣтившему его въ такомъ странномъ порядкѣ Епископу Продту весьма кстати сказалъ: „du sublime au ridicule il n'y a qu'un pas."

Импер. Алекс. прибылъ въ Вильно вскорѣ послѣ вступленія въ этотъ городъ главнокомандующаго съ главной квартирой и гвардіей. Прочіе корпуса послѣ трудной кампаніи отдохнули нѣсколько времени на кантониръ-квартирахъ и направлены были въ Герцогство Варшавское. Прусскій корпусъ генерала Іорка, оставившійся въ Курляндіи, заключилъ съ Графомъ Витгенштейномъ условіе, по которому безпрепятственно отсту-

пилъ онъ въ Пруссію. Князь Шварценбергъ съ Австрійцами отошелъ въ Галицію.

Перваго Генваря 1813го г. не однаго непріятеля не осталось на Русской землѣ.

Импер. Алекс., по изгнаніи враговъ изъ Россіи, рѣшился на великодушный подвигъ освободить Германію отъ властолюбія Наполеона и возстановить независимость ея государствъ. Пруссія болѣе всѣхъ униженная и угнетенная Французскимъ владычествомъ первая съ восторгомъ увидѣла въ Русскихъ своихъ избавителей. Общественное мнѣніе увлекло и самаго короля Фридриха Вильгельма къ вступленіи въ тѣсный союзъ съ Импер. Алекс. и поголовному вооруженію своего народа.

Послѣ несчастливой войны 1807го года, когда Пруссія утратила почти свое политичиское существованіе, Прусскіе патріоты и въ главѣ ихъ бывшій министръ, добродѣтельный Баронъ Штейнъ, составили тайный союзъ, подъ названіемъ: союзъ друзей добродѣтели (Tugendverein) съ цѣлію нравстбенно возбудить Пруссію, воздвигнуть ее изъ состоянія униженія, въ которое ее повергло чуждое владычество, и пользоваться всѣми случаями для возвращенія отечеству независимости. Несмотря на то, что съ 1807го года Французы постоянно занимали Прусскія области, не смотря на всю

бдительность Французской полиціи и предохранительность ея агентовъ, тайный союзъ годъ отъ году распространялся и былъ тайною только для Французовъ. Самъ Король благопріятствовалъ ему. По всѣй Германіи союзъ друзей добродѣтели раскинулъ свои вѣтви: всѣ Германскіе патріоты, ненавидѣвшіе владычество Франціи, вступили съ радостію въ это тайное общество, въ которое были принимаемы люди всѣхъ сословій и возрастовъ. Оно то могущественно содѣйствовало Прусскому правительству къ вооруженію противъ Франціи сперва Пруссіи, въ послѣдствіи и всѣхъ Нѣмецкихъ земель.

По первому призыву Фридриха Вильгельма все университетское юношество вооружилось на свой счетъ, изъ него составились въ удивительно сколь короткое время конные и пѣхотные отряды. Эти отряды примкнули къ дѣйствующей арміи, которая, подъ начальствомъ генерала Блюхера, возрасла въ нѣсколько недѣль до 200000 войновъ подъ ружьемъ. Конница, чрезвычайнымъ пожертвованіемъ денотами и лошадьми, образовалась также быстро какъ и пѣхота.

Въ началѣ Апрѣля Русскіе корпуса, въ соединеніи съ Прусскою арміею заняли, почти безъ боя, всю Саксонію до рѣки Эльбы и Ганзейскіе

города: Гамбургъ и Любекъ. Въ Дрезденѣ была главная квартира Александра и Прусскаго Короля.

Но Наполеонъ изумлялъ своею чрезвычайною дѣятельностію. Онъ успѣлъ набрать, въ самое короткое время, во Франціи новую армію изъ однихъ почти конскриптовъ, обученную на походѣ, и въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ явился съ нею въ Саксоніи. 12го Апрѣля армія его собралась подъ Люценомъ, была атакована соединенными Прусскою и Русскою арміями, подъ начальствомъ Блюхера и Графа Витгенштейна. Пруссаки первые вступили смѣло въ бой и сначала имѣли нѣкоторое превосходство; но молодые Французскіе конскрипты, одушевленные присутствіемъ своего геніальнаго Императора, построясь въ баталіонные каре, отразили нападеніе Пруссаковъ и подкрѣпящихъ ихъ Русскихъ и принудили тѣхъ и другихъ отступить къ Дрездену. У Наполеона мало было конницы, и онъ не могъ живо преслѣдовать отступающую къ Эльбѣ союзную Русскую и Прусскую армію послѣ неудачнаго Люценскаго дѣла. Однако онъ, движеніемъ впередъ, занялъ Саксонію и самый Дрезденъ. Союзники отступили въ Лузацію, остановились подъ Бауценомъ и въ крѣпкой позиціи 7го, 8го и 9го Мая отражали нападе-

ніе непріятеля, который однако искусными маневрами заставилъ ихъ отступить въ Силезію къ Швейдницу.

По предложенію Австріи, воюющія державы заключили перемиріе отъ 23го Мая до 5го Августа.

Въ городѣ Прагѣ собрались уполномоченные Россіи, Пруссіи, Австріи и Англіи для всеобщаго миротворенія. Австрія приняла на себя посредничество между Франціею и союзниками, но въ тайнѣ благопріятствовала послѣднимъ, а въ Богеміи собирала сильную армію. Наполеонъ не согласился на требуемые отъ него Прагскимъ конгрессомъ уступки. Австрія пристала къ союзникомъ и объявила Франціи войну.

Августа 5го дня военныя дѣйствія возобновились. Во время перемирія Французы занимали половину Силезіи до Бреслау, все теченіе Эльбы и самый Гамбургъ, которымъ они овладѣли передъ перемиріемъ и укрѣпили его. Въ ихъ власти оставалось нѣсколько крѣпостей на Эльбѣ и Одерѣ, Данцигъ и Модлинъ на Вислѣ, въ которыхъ засѣли отступившіе изъ Россіи остатки Наполеоновской арміи. Русскіе подъ начальствомъ Барклая-де-Толли и Пруссаки съ Блюхеромъ занимали остальную Силезію. Прусскій корпусъ, къ которому во время перемирія присоединились Шведы и Русскіе, по-

ступившіе подъ начальство Шведскаго наслѣдника, Принца Бернадота, охраняли Берлинъ. Блюхеръ остался въ Силезіи, а Барклай-де-Толли съ Русскою арміею и Прусскимъ корпусомъ Клейста перешли чрезъ горы въ Богемію и расположились предъ Теплицемъ, куда прибыли союзные Монархи, которые Австрійскаго Фельдмаршала Шварценберга назначили главнымъ вождемъ всѣхъ союзныхъ армій.

Планъ союзниковъ состоялъ въ томъ, чтобы превосходными своими силами обогнуть, съ одной стороны правое крыло Наполеоновской арміи въ Саксоніи наступательнымъ движеніемъ изъ Богеміи собравшихся тамъ союзныхъ войскъ и съ другой напасть на лѣвое крыло его изъ Силезіи и отъ Берлина и такимъ образомъ окруживъ его, угрожать его сообщеніямъ.

Этотъ планъ начертанъ былъ союзными Государями и генералами ихъ, въ числѣ которыхъ былъ и наслѣдный Шведскій Принцъ, въ городѣ Трахенбергѣ въ Силезіи, гдѣ они держали совѣтъ 28го, 29го и 30го числа Іюня.

Душею и главнымъ двигателемъ союза противъ Наполеона былъ Импер. Алекс., коего прекрасная наружность, тонкій умъ, очаровательная любезность привлекли сердца всѣхъ приближав-

шихся къ нему. Народы любили его какъ Монарха свободолюбиваго, умѣвшаго цѣнить и уважать достоинство вообще человѣка и который самъ тяготился своею неограниченною властію. Александръ съ необыкновенною ловкостію умѣлъ согласить разнородные интерессы и требованія союзниковъ, жертвовалъ собственнымъ самолюбіемъ, отказываясь отъ главнаго предводительства всѣхъ союзныхъ войскъ, которое ему по всѣмъ правамъ принадлежало и даже согласился подчинить лучшихъ своихъ полководцевъ Австрійскимъ и Прусскимъ генераламъ, которые нисколько не были выше нашихъ ни мужествомъ, ни военными дарованіями.

Въ главную квартиру союзной арміи въ городѣ Теплицѣ прибылъ по приглашенію Александра знаменитый Французскій генералъ Моро, личный врагъ Наполеона, изгнавшаго его въ Америку. Союзники желали воспользоваться его совѣтами и военною опытностію.

Трахенбергскій планъ военныхъ дѣйствій начали приводить въ исполненіе: изъ Богеміи дорогами чрезъ окружающій эту сторону горный поясъ союзная армія, вступивъ въ Саксонію, и окружила Дрезденъ, занятый Французскою арміею. Наполеонъ съ обычнымъ искусствомъ и счастіемъ отра-

знѣ всѣ приступы союзныхъ войскъ (14го и 15го Августа) и принудило ихъ съ большими потерями отступить въ Богемію. Но подъ Дрезденомъ Моро, находившійся въ свитѣ Александра, смертельно пораженъ ядромъ.

Дороги чрезъ горы въ Богемію, по которымъ союзники должны были отступать сходились всѣ передъ Теплицемъ. Наполеонъ въ послѣдній день сраженія Дрезденскаго, увѣренный въ побѣдѣ, отрядилъ генерала Вандама съ цѣлымъ корпусомъ и приказалъ ему непремѣнно занять Теплицъ, заперѣть въ горахъ союзниковъ, которыхъ самъ намѣривался преслѣдовать отъ Дрездена и такимъ образомъ поставить между двухъ огней.

Этотъ превосходный маневръ не удался: Вандамъ съ цѣлымъ корпусомъ не могъ преодолѣть упорнаго сопротивленія четырехъ нашихъ гвардейскихъ полковъ, случайно оставленныхъ на дорогѣ изъ Дрездена къ Теплицу. Эти полки, заняли позицію при Кульмѣ, геройско отстояли пунктъ, гдѣ сходятся горныя дороги, по которымъ отступала союзная армія; она благополучно выбралась изъ горъ, и на другой день Вандамъ былъ атакованъ превосходными силами, поставленъ между двухъ огней, наголову разбитъ и взятъ въ плѣнъ съ артиллеріею и половиною своего корпуса, кото-

раго остатки разсѣялись по Богемскимъ горамъ. Блистательное сраженіе подъ Кульмомъ происходило 17го и 18го Августа.

Около этого времени Блюхеръ съ Силезскою арміею одержалъ побѣду при Кацбахѣ и Нейсѣ надъ войсками маршала Магдональда въ Силезіи Августа 14го. На пути же къ Берлину Французскій корпусъ маршала Нея проигралъ сраженіе при Гросъ-Беренѣ 11го Августа и 24го тогоже мѣсяца былъ на голову разбитъ при Деневицѣ войсками наслѣднаго Принца Шведскаго.

Эти три одновременныя побѣды, одержанныя надъ отдѣльными частями Французовъ, вознаградили союзникамъ неудачный приступъ ихъ къ Дрездену и дали имъ возможность превести въ исполненіе планъ военныхъ дѣйствій, составленный въ Трахенбергѣ. Этотъ разъ намѣреніе ихъ увѣнчалось полнымъ успѣхомъ подъ Лейпцигомъ. Наполеонъ занялъ въ окрестностяхъ Лейпцига центральную позицію, стянулъ сюда постепенно всѣ отдѣльныя части своихъ войскъ. Союзныя арміи съ присоединенною къ нимъ резервною арміею генерала Беннингсена, съ сѣверной, восточной и южной сторонъ, слѣдовали по пятамъ за отступающими къ Лейпцигу частями Французовъ и образовали огромную дугу, съ трехъ сторонъ об-

тягивающую Лейпцигъ. Силы союзниковъ почти вдвое превосходили силы Наполеона.

Окт. 4го и 5го на равнинѣ Лейпцигской кипѣлъ жестокій бой между союзными арміями и Французами, и были минуты, въ которыя Наполеонъ, пользуясь выгодами своего центральнаго положенія, могъ надѣяться одержать побѣду. Но въ самомъ пылу сраженія Саксонцы и Вестфальцы измѣнили ему и обратили оружіе противъ Французовъ. Октября 6го эта битва кончилась рѣшительнымъ пораженіемъ Наполеона. Разбитая его армія въ безпорядкѣ отступила отъ Лейпцига, лишившись большей части своей артиллеріи и множества плѣнныхъ.

Событіе подъ Лейпцигомъ имѣло первымъ послѣдствіемъ отпаденіе отъ побѣжденной Франціи прежнихъ слугъ Наполеона. Короли и Князья Германскіе присоединили свои войска къ побѣдителямъ. Баварія выставила корпусъ свой подъ начальствомъ генерала Вреде подъ Ганау, чтобы преградить путь отступавшимъ отъ Лейпцига Французамъ. Но Наполеонъ разомъ сокрушилъ это препятствіе, разбилъ наголову Баварцевъ и мечемъ проложилъ себѣ дорогу во Францію.

Съ 1го Янв. 1814 г. союзники, усиленные войсками всѣхъ Германскихъ державъ съ нѣсколькихъ

9*

пунктовъ двинулись за Рейнъ въ самую Францію, не встрѣчая сопротивленій. Силы ихъ столько превосходили тѣхъ, которыми располагалъ Наполеонъ, что они могли считать навѣрное скорое завоеваніе Франціи однимъ движеніемъ своимъ на ея столицу.

Но въ этомъ почти отчаянномъ положеніи геній Наполеона явился въ своемъ величіи и блескѣ, отсрочивъ на нѣсколько мѣсяцевъ капитуляцію блистательною побѣдою надъ союзниками.

Первая встрѣча его съ нами была однакожъ неудачна. Подъ Бріенномъ и Ларошверомъ 12го Янв. онъ принялъ сраженіе, въ которомъ потерялъ 70 пушекъ и 16т. плѣнныхъ; но искусное отступленіе исправило эту первую неудачу. Союзники, осмѣленные побѣдою подъ Бріенномъ, спѣшили въ Парижъ, безпечно и разобщенно двигаясь по нѣсколькимъ дорогамъ, ведущимъ въ столицу Франціи. Наполеонъ, съ своей арміей, получившей подкрѣпленіе нѣсколькихъ полковъ изъ Испаніи, занималъ уголъ образуемый Марной и Сеной между дорогами, по которымъ шли союзники.

Пользуясь своимъ среднимъ положеніемъ между разобщенными колоннами союзниковъ, онъ быстро напалъ на правое крыло подъ начальствомъ Блюхера и по частямъ разбилъ сперва отрядъ генер. Олсуфьева подъ Шампоберомъ 29го Янв. Этимъ

успѣхомъ разрѣзавъ Силезскую армію на 2 части, напалъ на первый ея корпусъ генерала Сакена, который испыталъ участь Олсуфьева 30го Янв. подъ Монмартромъ, потомъ бросился на самаго Блюхера, атаковалъ его ночію, разбилъ и разстроилъ Силезскую армію, которая едва 3го Февр. собралась у Шалона-на-Марнѣ.

Главная армія, не зная о пораженіи Силезской, была уже въ Труа и выслала авангардъ отъ войска Графа Витгенштейна чрезъ Провенъ въ Нанжи. Наполеонъ, управясь съ Блюхеромъ, быстрымъ движеніемъ въ Нанжи, напалъ на Русскій авангардъ и разсѣялъ его 5го Февр., а 6го подъ Монтро разбилъ Виртембергскаго наслѣднаго Принца, подъ начальствомъ котораго былъ и Австрійскій корпусъ.

Въ Шатильонѣ съѣхались уполномоченные воюющихъ державъ для совѣщанія о мирѣ, но Наполеонъ, одержавъ побѣды, возвысилъ свои требованія, и этотъ конгрессъ разошелся скоро. Между тѣмъ Русскій корпусъ генерала Винценгероде изъ Нидерландовъ, овладѣвъ Суантомъ, чрезъ Эперне и Шалонъ на Марнѣ, вступилъ въ сообщеніе съ арміями Блюхера и Шварценберга. Въ тоже время Генералъ Бюловъ съ Прусаками двинулся въ Пикардію, овладѣлъ многими укрѣпле-

ніями и въ Лаферѣ взялъ значительные запасы; Герцогъ же Веймарскій, съ Саксонскимъ корпусомъ, присоединился къ арміи Блюхера. Это дало возможность союзникамъ перейти опять къ наступательнымъ дѣйствіямъ, тѣмъ болѣе что и на крайнемъ лѣвомъ флангѣ союзныхъ армій, Австрійцы довольно успѣшно дѣйствовали противъ Франц. корпуса маршала Ожеро близъ Ліона.

Послѣ удачнаго сраженія при Барѣ на Обѣ и соединенія армій Блюхера и Шварценберга, снова началось наступательное движеніе союзниковъ, котораго цѣлію была столица Франціи, двумя большими массами: одна взяла направленіе вдоль Марны, другая вдоль Сены, постоянное же сообщеніе между ними поддерживалось множествомъ летучихъ казачьихъ отрядовъ, разъѣзжавшихъ по всему пространству, раздѣлявшему арміи Блюхера и Шварценберга. Это движеніе впередъ угрожало обоимъ флангамъ арміи Наполеона между Марной и Сеной. Блюхеръ уже обходилъ лѣвое крыло Французовъ, проближаясь чрезъ Мо къ Парижу; Наполеонъ, видя эту опасность, рѣшился самъ обойти его съ тылу. Послѣ сраженія подъ Суассонъ, гдѣ Русскій Корп. Гр. Воронцова былъ сильно атакованъ Французами и устоялъ, Наполеонъ

бросился на армію Блюхера, былъ отраженъ и проигралъ сраженіе 25го Февр. подъ Ланомъ.

Въ то время Шварценберга армія стала впередъ съ лѣвой стороны къ Парижу вдоль Сены. Наполеонъ рѣшился на отчаянное движеніе въ тылъ союзныхъ армій, угрожая ихъ сообщеніемъ съ Германіею.

Князь Шварценбергъ, устрашенный этимъ, колебался и готовъ былъ отступить къ Рейну, но при его арміи, которую по большей части составляли Русскія войска находились Имп. Александръ и Король Прусскій. Они настоятельно требовали, чтобы эта армія, не смотря ни на что, продолжала свое движеніе къ Парижу. Между тѣмъ Наполеонъ, приводя въ исполненіе свое дерзновенное намѣреніе, на пути овладѣлъ Рейнсомъ, Шалономъ, Суассономъ и бросился на армію Шварценберга, которая смѣло отразила это нападеніе подъ Аренсомъ при Обѣ, 8го Августа. Войска Императора Франц., потерявъ въ этомъ дѣлѣ до 30 пушекъ, отступили къ рѣкѣ Маасѣ. Не смотря на неудачное дѣйствіе при Аренсѣ, Наполеонъ все имѣлъ въ виду усилить свою армію гарнизонами крѣпостей Лотарингіи и Эльзаса, не терялъ надежды отвлечь союзниковъ отъ намѣренія ихъ идти на Парижъ и, имѣя Мармонтовъ корпусъ между Пари-

жемъ и арміею Шварценберга, мечталъ при движеніи назадъ этой арміи, поставить ее между двухъ огней; но Александръ настоялъ на томъ, чтобы армія Шварценберга живо преслѣдовала войско маршаловъ Мармона и Мортье къ Парижу. Настигнувъ Французовъ между Витро и Фершампенойзомъ Русская гвард кавалерія, поддержанная пѣхотой, напала на непріятеля 13го Марта и одержала побѣду, стоювшую Французамъ 8т. плѣнныхъ и 100 орудій. Остатки корпусовъ марш. Мармонта и Мортье отступили къ Парижу, преслѣдуемые арміею Шварценберга до Монмартрской высоты, которою овладѣвъ, союзники заставили столицу Франціи сдаться на капитуляцію.

Александръ, вступивъ въ Парижъ 13го Марта, достигъ своей цѣли, объявилъ что не вступитъ съ Наполеономъ ни въ какія переговоры и заставилъ Сенатъ провозгласить низложеніе побѣжденнаго Императора и учредить временное Правительство.

Талейранъ и приверженцы династій Бурбона призвали на тронъ Франціи Лудовика XVIII, брата несчастнаго въ революцію казненнаго короля. Наполеона же всѣ союзные Монархи признали владѣтелемъ острова Эльбы, куда онъ и былъ отвезенъ, сохранивъ титулъ Императора.

Вступленіе въ Парижъ Александра и прибываніе въ этомъ городѣ были верхъ его величія и славы. Его твердости, великодушію была обязана Европа своимъ освобожденіемъ, побѣжденная Франція — законно-свободными постановленіями, которыя по настоянію Русск. Импер. даровалъ ей призванный на тронъ Лудовикъ XVIII. Александръ, сопровождаемый восторженною любовью своихъ войскъ и благословеніями Франціи, выѣхалъ изъ Парижа Іюня 18го въ Англію и былъ принятъ съ такимъ же восторгомъ свободными Британцами.

Съ Королемъ Луд. XVIII возвратились во Францію многія аристократическія фамиліи, преданныя дому Бурбоновъ и пострадавшія въ революцію. Понятно, что онѣ не могли любить введенный его братомъ новый порядокъ, сохранившійся и подъ владычествомъ Наполеона, — порядокъ, благопріятствующій гражданскому равенству и потому ненавистный аристократіи. Хартія конституціонная, дарованная Королемъ, была имъ столько же ненавидна, какъ освященіе принциповъ, порожденныхъ революціею. Королевскій братъ, Графъ д'Артуа, и всѣ окружающіе Лудовика XVIII аристократы, одушевленные противореволюціоннымъ убѣжденіемъ, дѣлали всѣ возможныя усилія, употребляли всѣ средства, чтобы заставить Короля от-

мѣнить конституцію и утвердить во Франціи прежнюю неограниченную Монархію; но ЛудовикъXVIII слишкомъ былъ уменъ и хорошо зналъ Французовъ, чтобъ послѣдовать ихъ совѣтамъ. Французы однако не довѣряли ему, считая и его враждебнымъ свободѣ въ правленіи своего народа и подозрѣвали въ намѣреніи уничтожить хартію. Неразумные друзья Короля, своими реакціонными поступками, возбудили противъ него общественное мнѣніе и заставили Французовъ сочувствовать изгнанному Наполеону и желать, чтобъ возвратился на тронъ. Онъ имѣлъ много приверженцевъ, которые всякій день извѣщали его о настроеніи общественнаго мнѣнія въ его пользу и убѣждали съ малочисленною, но преданною гвардіей своей пристать къ берегамъ Франціи и провозгласить себя Императоромъ Французовъ.

Февр. 14го 1815 г. Наполеонъ рѣшился послѣдовать совѣту друзей: съ своей свитой и нѣсколькими судами и нанятымъ фрегатомъ, счастливо избѣжалъ вниманія Англійскихъ крейцеровъ и благополучно присталъ близъ Канъ къ берегамъ Франціи 16го Февраля.

Быстрый походъ его къ Парижу былъ тріумфальнымъ шествіемъ: на всемъ пути народъ встрѣчалъ его съ радостнымъ восторгомъ; выслан-

ныя противъ него войска преклоняли предъ нимъ знамена и присоединялись къ нему. Вечеромъ 8го Марта онъ, сопровождаемый уже цѣлою арміею, вступилъ въ Парижъ; Лудовикъ XVIII въ тотъ же день по утру уѣхалъ въ Бельгію.

Союзные Монархи были тогда въ Вѣнѣ на конгрессѣ, который занимался возстановленіемъ прежней политической системы Европы, потрясенной Французской революціей и владычествомъ Наполеона. Душею конгресса былъ Австрійскій министръ Князь Меттернихъ, одинъ изъ самыхъ хитрыхъ и глубокихъ политиковъ, но абсолютистъ и аристократъ въ душѣ, врагъ политическаго прогресса и свободы народовъ, которые по его мнѣнію слишкомъ счастливы, если Правительства пекутся объ ихъ матеріальномъ благосостояніи на счетъ всякаго ихъ умственнаго и нравственнаго преуспѣванія.

Вліянія Меттерниха не избѣгъ и Александръ: по внушеніямъ умнаго и лукаваго Министра, прежнее свободолюбивое расположеніе, постепенно ослабѣвая, уступило монархическому реакціонному духу, который овладѣлъ умами всѣхъ собравшихся на конгрессъ Европейскихъ Государей и самаго Александра. Они мечтали о возстановленіи въ Европѣ монархическихъ началъ, подкопанныхъ Фран-

цузской революціей, безпечно предавались забавамъ и волокитству Вѣнскаго аристократическаго общества, какъ внезапно ихъ поразила вѣсть, что союзникъ ихъ Лудовикъ XVIII бѣжалъ изъ Парижа, принужденъ былъ уступить тронъ Наполеону, кораго съ неописаннымъ восторгомъ приняла Франція.

Всѣ согласились обнажить мечь противъ врага общаго спокойствія. Александръ и его союзники немедленно двинули свои войска къ границамъ Франціи. Англійская и Прусская арміи оставались на Рейнѣ и въ Бельгіи. Наполеонъ выступилъ противъ нихъ за рѣку Сомбръ въ Бельгію съ сильной, но скоро набранной и устроенной арміей. Подъ Линьи въ первой встрѣчѣ съ Пруссаками, предводительствуемыми Блюхеромъ, онъ одержалъ побѣду, но это было послѣднее торжество, побѣдная звѣзда его меркла и закатывалась: подъ Ватерло Герцогъ Веллингтонъ и присоединившіися къ нему Пруссаки разбили на голову Французскую армію 2го Іюня. Наполеонъ, вторично развѣнчанный, какъ плѣнникъ осужденъ былъ умереть на пустынной скалѣ Св. Елены посреди неизмѣримаго Океана. Лудовикъ XVIII, въ сопровожденіи Англійской арміи возвратился въ Парижъ съ усиленною властію.

По низверженіи Французскаго колосса, полновластно располагавшаго судьбами Европы, она со-

вершенно измѣнила видъ. Россія возвеличилась, и еслибы Александръ остался вѣренъ своимъ прежнимъ убѣжденіямъ, то могъ бы съ славою побѣдителя и миротворца соединить еще большую славу возстановителя свободы народовъ. Послѣднее его либеральное дѣйствіе было дарованіе конституціонныхъ учрежденій Польшѣ, присоединяемой къ Россіи Вѣнскимъ конгрессомъ. Для Русскихъ она названа Царствомъ Польскимъ, поставленнымъ въ Императорскомъ титулѣ ниже мнимыхъ царствъ Казанскаго и Астраханскаго, — для Европы же и самой Польши она возстановлялась, какъ королевство самобытное, имѣющее однаго съ Россіею Государя, собственное законодательство, управленіе, финансы и войско. Словомъ она имѣла конституцію и народное представительство. Но даровавшій ихъ Польшѣ Александръ съ перваго-же года сталъ нарушать и ограничивать ихъ. Франція съ первой степени, на которую была возведена властолюбіемъ Наполеона, вступила въ рядъ прочихъ Европейскихъ государствъ, но утраченная военная слава вознаградилась ей конституціонными учрежденіями, которыя сдѣлали ее послѣ Англіи самою свободною страною въ Европѣ. Сѣверная Италія, подъ именемъ Ломбардо-Венеціанскаго Королевства была добычею Австріи. Германія же-

лала и надѣялась конституціонныхъ учрежденій. Духъ свободы овладѣлъ умами Германцевъ, такъ счастливо избѣгнувшихъ тягостнаго владычества Наполеона; они не могли уже охотно подчиниться прежнему феодальному порядку тѣмъ болѣе, что само правительство, для возбужденія въ народахъ энергіи противъ самовластія Императора Французовъ, своими прокламаціями призывало ихъ къ свободѣ и торжественно обѣщало имъ законно-свободныя постановленія.

Правительство не только не спѣшило исполнить свои обѣщанія, но стало вмѣнять въ преступленіе справедливое требованіе конституціонныхъ учрежденій, всячески стараясь вездѣ подавлять духъ свободы. Александръ сталъ въ главѣ монархическихъ реакціонеровъ. За одно съ нимъ дѣйствовали, Король Прусскій и Императоръ Францъ, или лучше сказать, — Князь Меттернихъ, — душа Австрійскаго Министерства и всей монархической реакціи.

Народы, обманутые въ своихъ ожиданіяхъ Правительствами, прибѣгали противъ ихъ явныхъ угнетеній къ средствамъ сокровеннымъ. По всей Европѣ учредились тайные политическіе союзы съ цѣлію исторгнуть у Правительства конституціонныя постановленія. Въ Италіи, подъ ненавистнымъ

ей Австрійскимъ владычествомъ, учредились тайныя зоюзы карбонаріевъ; въ Германскихъ университетахъ образовался студенческій союзъ, раскинувшій вѣтви свои по всей Нѣмецкой землѣ, во Франціи же политическія общества подъ разными названіями. Цѣль у всѣхъ этихъ сокровенныхъ союзовъ была одна: противодѣйствовать монархической реакціи Правительствъ и освободить народы отъ ихъ самовластія.

По низложеніи Наполеона главнымъ предметомъ всѣхъ политическихъ дѣйствій Императора Александра было подавленіе возникавшаго повсюду духа свободы и укрѣпленіе монархическихъ началъ, которымъ угрожали тайныя общества. Всѣ правительственныя и дипломатическія дѣйствія Александра, начиная съ священнаго тройственнаго союза Россіи, Австріи и Пруссіи, заключеннаго 14го Сентября 1815 года, свидѣтельствуютъ объ этомъ.

Съ этою цѣлію въ 1818 году, по предложенію Александра, созванъ былъ конгрессъ въ Ахенѣ, на которомъ по настоянію его признано право вмѣшательства во внутреннія дѣла сосѣдственной державы, въ случаѣ измѣненія существующаго въ ней порядка. Въ Ахенѣ приняты строгія мѣры противъ свободы книгопечатанія и тайныхъ обществъ, про-

тивъ возстановленія въ Испаніи нарушенной королемъ конституціи кортесовъ, которую самъ Александръ торжественно призналъ законною трактатомъ, котораго онъ заключилъ въ Великихъ Лукахъ 1812 года, 8го Іюня съ уполномоченными кортесовъ.

Въ 1821 г. Императоры Александръ и Францъ, Короли Прусскій и Неаполитанскій съѣхались въ Лейбахѣ съ своими министрами и дипломатами. Конгрессъ опредѣлилъ подавить революцію Неаполитанскую, вслѣдствіе которой самъ Король принялъ предложенную ему конституцію и присягнулъ въ точномъ соблюденіи ея, и силою предупредить возстаніе въ Піемонтѣ противъ Короля Сардинскаго. Австрійской арміи поручено было привести въ исполненіе постановленіе конгресса относительно Неаполя и Піемонта. Въ Лейбахѣ узнали объ инсургенціи Грековъ, и Александръ, который прежде не только благопріятствовалъ освобожденію ихъ, но чрезъ тайныхъ агентовъ подстрѣкалъ ихъ къ возмущенію, теперь относилъ возстаніе Эллиновъ къ демагогическимъ замысламъ европейскихъ революціонеровъ и изъявилъ готовность подавить его силою, въ чемъ и послалъ увѣреніе къ самому Султану.

Конгрессъ Веронскій 1822 г. утвердилъ Але-

сандръ въ этой жестокой противъ единовѣрцевъ своихъ политикѣ. Въ Веронѣ онъ съ союзниками своими: Австрійскимъ Императоромъ и Королями Прусскимъ и Французскимъ согласился на войну съ освободившейся отъ деспотизма Фридриха VII Испаніей для утвержденія его неограниченной власти и на миръ съ Турецкимъ Султаномъ, которому конгрессъ Веронскій выдалъ Эллиновъ. Это послѣднее дѣйствіе возбудило общее негодованіе Прусскихъ противъ Александра за безчеловѣчное равнодушіе его къ страждущимъ единовѣрцамъ — Эллинамъ, которые были въ правѣ ожидать отъ него не только симпатическаго участія, но и дѣятельной помощи, и тѣмъ болѣе, что съ давнихъ временъ Россія возбуждала Грековъ противъ ихъ угнетателей и обѣщала имъ независимость.

Но духъ свободы, который во всѣхъ европейскихъ государствахъ, дѣйствующихъ за одно, Правительства старались всячески угнести, повѣялъ и на самодержавную Россію. Молодое ея поколѣніе, которое вступило на гражданское поприще въ первыя десять лѣтъ царствованія Александра, воспитанное подъ вліяніемъ свободолюбивыхъ началъ, имъ провозглашаемыхъ, понимало, какъ далеко Россія отстала отъ Европы въ истинной цивилизаціи, но любя и уважая Александра, она спокойно ожи-

дала отъ него благодѣтельнаго преобразованія, готовясь усердно ему содѣйствовать.

Двѣ неудачныя войны съ Наполеономъ и третьяя, угражавшая въ 1812 году независимости Россіи, заставила Русскихъ патріотовъ исключительно посвятить себя военному званію на защиту отечества. Дворянство, патріотически сочувствуя упадку нашей военной славы въ войнахъ съ Франціею 1805 и 1807 г. и предвидя скорый разрывъ съ нею, спѣшило вступать въ ряды войска, готоваго встрѣтить Наполеона. Всѣ порядочные и образованные молодые люди, презирая гражданскую службу, шли въ одну военную; молодые Тайные и Дѣйствительные Стат. Совѣт. съ радостію переходили въ армію подполковниками и маіорами передъ 1812 годомъ. Чрезвычайныя событія этого года, славное изгнаніе изъ Россіи до того непобѣдимаго Императора Французовъ и истребленіе его несмѣтныхъ полчищъ, — послѣдовавшія за тѣмъ кампаніи 1813 и 1814 г. и взятіе Парижа, въ которыхъ наша армія принимала такое дѣятельное и славное участіе, — все это необыкновенно возвысило духъ нашихъ войскъ и особенно молодыхъ офицеровъ.

Въ продолженіи двухъ-лѣтней тревожной боевой жизни, среди безпрестанныхъ опасностей, они

привыкли къ сильнымъ ощущеніямъ, которыя для смѣлыхъ дѣлаются почти потребностію.

Въ такомъ настроеніи духа, съ чувствомъ своего достойнства и возвышенной любви къ отечеству, большая часть офицеровъ гвардіи и генеральнаго штаба возвратились въ 1815 г. въ Петербургъ. Въ походахъ въ Германіи и Франціи наши молодые люди ознакомились съ Европейскою цивилизаціею, которая произвела на нихъ тѣмъ сильнѣйшее впечатлѣніе, что они могли сравнивать все видѣнное ими за границею съ тѣмъ, что имъ на всякомъ шагу представлялось на родинѣ, рабство огромнаго большинства Русскихъ, жестокое обращеніе начальниковъ съ подчиненными, всякаго рода злоупотребленія власти, повсюду царствующій произволъ, — все это возмущало и приводило въ негодованіе образованныхъ Русскихъ и ихъ патріотическое чувство. Многіе изъ нихъ въ походѣ познакомились съ Германскими офицерами, членами Прусскаго тайнаго союза (Tugendverein), который такъ благотворно содѣйствовалъ освобожденію и возвышенію Пруссіи, и съ Французскими либералами. Въ открытыхъ бесѣдахъ съ ними, наши молодые люди нечувствительно усвоили ихъ свободный образъ мыслей и стремленіе къ консти-

туціоннымъ учрежденіямъ, стыдясь за Россію, такъ глубоко униженную самовластіемъ.

Возвратясь въ Петербургъ, могли-ли наши либералы удовлетвориться пошлою полковою жизнію и скучными мелочными занятіями и подробностями строевой службы, которыя отъ нихъ строго требовали начальники, угождая тѣмъ вражденной склонности Александра и братьевъ къ фрунтоманіи, солдатской вытяжкѣ, одиночному ученію и проч., не смотря на то, что опыты двухъ-лѣтней жестокой войны съ непріятелемъ самымъ искуснымъ могли бы, кажется, убѣдить Александра, что не отъ этихъ мелочей зависитъ побѣда. При томъ, Русскихъ оскорбляло явное предпочтеніе, оказываемое всѣмъ иностранцамъ вообще Императоромъ передъ его подданными, къ которымъ онъ и не скрывалъ своего неуваженія: присоединенной Польшѣ онъ даровалъ конституціонныя установленія, которыхъ Россію почиталъ недостойною.

Пока несмысленные Русскіе патріоты могли еще ожидать отъ самаго Александра благодѣтельныхъ преобразованій, которыя ограничивъ его самовластіе, сколько нибудь улучшили бы состояніе народа, они готовы были усердно содѣйствовать его благимъ намѣреніямъ, но когда они убѣдились въ совершенномъ измѣненіи его прежняго свобо-

долюбиваго образа мыслей послѣ войны, по вредному вліянію на него Меттерниха, когда узнали о политическихъ дѣйствіяхъ его на конгрессахъ Вѣнскомъ, Ахенскомъ, Лейбахскомъ, Веронскомъ на которыхъ Александръ съ своими союзниками обнаружилъ непріятное чувство къ свободѣ народовъ, то самые восторженные почитатели его въ блистательную эпоху занятія Парижа совершенно къ нему охладѣли. Но по окончаніи войны ничто столько не возбудило негодованія общественнаго мнѣнія противъ Александра, не однихъ либераловъ, а цѣлой Россіи, какъ насильственное учрежденіе военныхъ поселеній. Кто первый внушилъ Императору эту несчастную мысль неизвѣстно. Всего вѣроятнѣе что, желая первенствовать въ Европѣ, онъ самъ придумалъ ее для того, чтобы сколько возможно болѣе умножить свои военныя силы съ меньшими издержками для казны. Въ придуманномъ имъ планѣ военной колонизаціи, волости цѣлыхъ уѣздовъ государственныхъ крестьянъ поступали въ военное вѣдомство. Всѣ обитатели этихъ волостей, въ которыя водворялись пѣхотные и конные полки, дѣлались солдатами: ихъ распредѣляли по ротамъ, баталіонамъ и эскадронамъ, которые должны были составлять резервы своихъ полковъ. Насильственно подвергали поселянъ строгой

военной дисциплинѣ, обучали военному строю и они должны были отправлять военную службу и вмѣстѣ съ тѣмъ заниматься сельскими полевыми работами, подъ надзоромъ военныхъ начальниковъ, для продовольствія своего и полковъ, въ ихъ волостяхъ водворенныхъ.

Изъ всѣхъ дѣйствій Импер. Александра послѣ измѣненія его образа мыслей, учрежденіе военныхъ поселеній было самое деспотическое и ненавистное. Введеніе этой тиранической мѣры въ губерніяхъ: Новгородской, Псковской, Смоленской, Харьковской, Екатеринославской, Херсонской, уничтожило благосостояніе поступившихъ въ военные поселяне и госуд. крестьянъ и встрѣтило упорное сопротивленіе со стороны ихъ: волости, даже цѣлые уѣзды, оброщаемые насильственно въ военныхъ поселянъ, возмущались. Противодѣйствіе ихъ было подавляемо войсками, какъ бунтъ; военныхъ поселянъ усмиряли картечью и ружейными выстрѣлами. Кровь лилась какъ въ сраженіяхъ и, послѣ усмиренія, военные суды приговаривали многія тысячи несчастныхъ жертвъ къ наказанію сквозь строй и къ ссылкѣ въ Сибирь, въ каторжную работу и на поселеніе. Нѣкоторые военные начальники, изъ подлаго желанія выслужиться, позволяли себѣ жестокія истязанія при розыскахъ для откры-

тія главныхъ виновниковъ и зачинщиковъ возмущенія.

Учрежденіе военныхъ населеній, на которыя издержаны были многіе милліоны безъ всякой пользы, были предметомъ всеобщаго неодобренія. Даже лица, на которыя Александръ возложилъ приведеніе въ исполненіе этой мѣры, при всякомъ случаѣ увѣряли что дѣйствуютъ противъ собственнаго убѣжденія и только въ угодность Государю. Главный начальникъ поселеній, Генералъ Гр. Аракчеевъ, — ненавистный цѣлой Россіи за злобный и свирѣпый нравъ, но любимый Александромъ какъ рабъ преданный, готовый отдать душу чтобы угодить ему, — и Аракчеевъ говорилъ что военныя поселенія выдуманы не имъ, что онъ самъ, не одобряя этой мѣры, приводилъ ее въ исполненіе, какъ священную для него волю Государя и благодѣтеля своего. Нашелся только праводушный Нѣмецъ, который смѣло высказалъ Александру неодобреніе свое военныхъ поселеній. Это былъ Ген. Фельдъ-Маршалъ Князь Мих. Богдановичъ Барклай-де-Толли.

Въ то время многіе офицеры гвардіи и ген. штаба съ страстію учились и преимущественно читали сочиненіе и журналы политическіе, также иностранныя газеты, въ которыхъ такъ драмати-

чески представляется борьба опозиціи съ правительствомъ въ конституціонныхъ государствахъ. Изучая смѣлыя политическія теоріи и системы, весьма естественно, что занимающіеся ими желали бы видѣть ихъ приложеніе въ своемъ отечествѣ. А это и было главнымъ предметомъ занятій размножившихся въ Европѣ тайныхъ политическихъ обществъ, которыхъ члены исключительно посвѣщали себѣ политики. Статуты нѣкоторыхъ изъ этихъ союзовъ, существовавшихъ во Франціи, заведены были въ Петербургѣ и навели нашихъ либераловъ на мысль учредить тайное политическое общество въ Россіи, съ цѣлію ограничить самодержавіе. Въ концѣ 1816го года эта мысль осуществилась: нѣсколько офицеровъ гвардіи и генеральнаго штаба условились составить тайное общество съ цѣлію, съ какую всѣ подобныя общества учреждаются. Сначала оно ограничилось распространеніемъ такъ называемыхъ либеральныхъ идей и принятіемъ новыхъ членовъ. Обстоятельства въ первое время благопріятствовали учредителямъ: никогда въ Россіи не бывало такой свободы въ выраженіи своихъ мнѣній, какъ при Александрѣ, и особенно послѣ Франц. войны Этою свободою пользовались члены тайнаго общества и явно высказывая свои политическія убѣжденія, нерѣдко за-

ставляли молчать самыхъ горячихъ абсолютистовъ очевидностью тѣхъ истинъ, которыя они провозглашали. Надобно отдать справедливость Александру, что хотя по доносамъ тайной полиціи ему и извѣстны были соборники новыхъ идей, но онъ не преслѣдовалъ ихъ за мнѣнія, которыми они успѣвали пріобрѣтать новыхъ союзниковъ изъ молодыхъ людей, кончившихъ курсъ въ Университетѣ или Лицеѣ и литераторовъ.

Одинъ изъ членовъ союза*) въ концѣ 1817 г. ѣздилъ въ Германію и вошелъ въ сношеніе съ членами извѣстнаго союза добродѣтели (Tugendbund). Они сообщили ему свои статуты. Эти статуты были одобрены собравшимися въ Москвѣ въ 1818 году г. членами, переведены на Русскій языкъ и съ нѣкоторыми измѣненіями принаровлены къ Россіи. Первоначально общество, по согласію всѣхъ наличныхъ членовъ, преобразовалось по этому новому уставу и приняло названіе союза благоденствія, который долженъ былъ состоять изъ правительственной думы и подчиненныхъ ей управъ, въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ будетъ находиться по десяти и болѣе членовъ. Всѣ эти управы сносились между собою и съ начальствую-

*) Князь Иванъ Долгоруковъ (не Петръ-ли?)

щею думою. Не прибѣгая ни къ какимъ насильственнымъ мѣрамъ, союзъ благоденствія предполагалъ дѣйствовать на Русское общество нравственными и научными средствами, по возможности искореняя невѣжество и злоупотребленіе убѣжденіемъ и благими примѣрами, давать благое направленіе воспитанію юношества, стараться объ уничтоженіи крѣпостнаго рабства и радушно содѣйствовать Правительству въ его благихъ намѣреніяхъ. Въ первые годы царствованія Александра, онъ, конечно, не задумался бы объявить себя главою союза благоденствія, котораго однако сокровенная цѣль оставалась прежняя: пріобрѣсти Россіи законносвободныя постановленія.

Главный недостатокъ тайнаго союза состоялъ въ томъ, что начальство его не было облачено настоящею властью, чтобы заставить подчиненныя управы дѣйствовать въ одномъ духѣ. Большинство не хотѣло подчиняться полновластной диктатурѣ одного или нѣсколькихъ избранныхъ лицъ съ обязательствомъ полнаго имъ повиновенія. Большая часть членовъ желали для Россіи монархическаго образа правленія ограниченнаго представительными институціями, по образу Англіи и Франціи; но были приверженцы и республиканской свободы Сѣверо-Американскихъ штатовъ, находя что

Россія сходствуетъ съ ними своимъ огромнымъ пространствомъ и несоотвѣтствующею ему малочисленностью населенія, а также извѣстными топографическимъ условіями и самымъ климатомъ съ Сѣверною половиною Американскаго Союза.

Съ преобразованіемъ первоначальнаго тайнаго общества въ союзъ благоденствія въ 1818 г. число членовъ его значительно возросло: къ нему стало присоединяться уже не одно молодое поколѣніе, но и люди зрѣлаго возраста и имѣющіе значеніе въ свѣтѣ. Нѣсколько молодыхъ генераловъ, многіе начальники полковъ и штабъ-офицеровъ, особенно 2й арміи, генералъ-интендантовъ и большая часть офицеровъ, служившихъ въ штабѣ этой арміи въ Тульчинѣ — нѣсколько уважаемыхъ помѣщиковъ и гражданскихъ чиновниковъ даже высшаго управленія вступили въ союзъ благоденствія отъ 1818 до 1824 года. Нѣкоторыя изъ этихъ лицъ и теперь занимаютъ высшія государственныя должности.

Члены союза учредили и отдѣльныя отъ него общества подъ вліяніемъ его духа и направленія: таково было общество военное, котораго члены узнавали другъ друга по надписи вырѣзанной на клинкахъ шпагъ и сабель: „за правду,“ — литературныя, одно въ Москвѣ другое въ Пе-

тербургѣ, послѣднее подъ названіемъ зеленой лампы, и двѣ масонскія ложи, въ которыхъ большинство братій состояло изъ членовъ союза благоденствія.

1820. Въ началѣ 1821 г. осенью въ Петербургѣ возмутился гвардейскій Семеновскій полкъ противъ полковаго начальника, который вывелъ изъ терпѣнія солдатъ, тирански поступая съ ними. Александръ узналъ объ этомъ въ Лейбахѣ отъ Меттерниха, къ которому отправленный курьеръ съ этимъ извѣстіемъ отъ Австрійскаго посланника предупредилъ нѣсколькими часами посланнаго съ донесеніемъ къ Императору адъютанта. Меттернихъ внушилъ Александру что возмущеніе его любимаго полка было возбуждено тайнымъ обществомъ. Дѣйствительно, въ этомъ полку лучшіе офицеры были члены союза благоденствія, но они не только не имѣли никакого участія въ бунтѣ солдатъ, а напротивъ успѣли успокоить ихъ и привести въ повиновеніе. Это обстоятельство, само по себѣ ничтожное, еще болѣе раздражило Александра противъ либеральныхъ идей и даже заставило его смотрѣть на геройское возстаніе Грековъ, какъ на предпріятіе преступное, которое должно быть подавлено силою.

Послѣ исторіи Семеновскаго полка Правитель-

ство усилило надзоръ тайной полиціи и это сдѣлалось извѣстно союзу благоденствія отъ одного изъ членовъ, который, служа при Петербургскомъ Военномъ Генералъ Губернаторѣ, зналъ всѣ распоряженія, относящіяся до тайной полиціи и читалъ даже донесенія ея агентовъ*). Это обстоятельство заставило союзъ принять благоразумныя предосторожности для своей безопасности и съ этою цѣлью назначить въ Москвѣ чрезвычайное собраніе депутатовъ отъ разныхъ управъ, для принятія мѣръ противъ подозрительности Правительства.

1821. Въ началѣ 1822 г. собрались въ Москвѣ депутаты изъ Петербурга, Тульчина и Кіевской Губерніи, — трехъ пунктовъ, гдѣ были самыя многочисленныя управы союза. Собраніе депутатовъ и наличныхъ Московскихъ членовъ единогласно утвердило: упразднить союзъ благоденствія, во первыхъ, для того чтобы этимъ рѣшительнымъ дѣйствіемъ отвлечь отъ него вниманіе Правительства, во 2хъ, чтобы избавиться отъ нѣкоторыхъ членовъ, которыхъ нравственный характеръ не соотвѣтствовалъ ни духу, ни направленію союза. Это упраздненіе было мнимое и онъ остался

---

*) Ѳ. Н. Глинка.

тѣмъ-же, чѣмъ былъ, но членамъ его было предписано поступать осторожнѣе въ самой пропагандѣ, избѣгать всякой переписки по дѣламъ союза, а ограничиваться одними устными сообщеніями чрезъ членовъ-путешественниковъ и вообще стараться покрывать существованіе союза непроницаемой тайной.

Между тѣмъ къ управѣ въ 3мъ пѣхотномъ корпусѣ присоединилось новое тайное общество соединенныхъ Славянъ, — вѣтвь извѣстнаго давно существовавшаго въ Австріи Панславизма. Оно состояло изъ молодыхъ артиллерійскихъ и армейскихъ офицеровъ и нѣсколькихъ Поляковъ. На Кіевскихъ контрактахъ въ 1822 члены Тульчинскіе и Кіевскіе имѣли совѣщанія съ уполномоченными отъ Польскаго тайнаго общества о соглашеніи взаимныхъ дѣйствій. Депутаты Польскіе были: Князь Яблоновскій и Полковникъ Крыжановскій. Эти совѣщанія не имѣли результата по взаимной недовѣрчивости и непріязни Русскихъ и Поляковъ.

Въ три послѣдніе года существованіе союза благоденствія не ознаменовалось никакими важными дѣйствіями. Въ Тульчинѣ и Петербургѣ гдѣ было болѣе наличныхъ членовъ иные изъ нихъ усердно занимались политическими науками. Главою Южнаго отдѣленія былъ Полковникъ Пестель

— человѣкъ высокаго ума, съ большими познаніями, можетъ быть даже геніальный, но онъ не обладалъ даромъ столь необходимымъ для предводителя политической партіи — привязывать къ себѣ людей. Въ душѣ его было что то черствое, отталкивающее симпатическое сочувствіе тѣхъ, которыхъ онъ долженъ былъ вести къ цѣли. Пестель составилъ проэктъ конституціи для Россіи подъ именемъ Русской Правды и читалъ ее не только въ собраніяхъ единомышленниковъ своихъ, но даже на вечерахъ у начальника штаба 2й арміи Генерала Киселева, любимца Александра и искренно преданнаго ему. Стало быль въ этомъ проэктѣ, какъ въ умозрительномъ опытѣ, не было ничего преступнаго. Въ Петербургѣ одинъ изъ самыхъ достойныхъ, умныхъ и образованныхъ членовъ, съ чистой, пламенной душой, Никита Михайловичь Муравьевъ написалъ свой проэктъ конституціи. Пестель поплатился за это жизнью — на висѣлицѣ, а Муравьевъ ссылкою въ Сибирь.

Въ Петербургѣ, Тульчинѣ и въ 3мъ пѣхотномъ корпусѣ въ Кіевской губерніи, члены союза собирались на дружескія бѣсѣды толковать о политики и о зависимомъ положеній Россіи. На этихъ вечерахъ молодые люди позволяли себѣ иногда нескромныя и легкомысленныя выходки противъ

Правительства. Припоминая случаи Рус. Исторіи, что Императоры не разъ умирали насильственною смертію (Петръ III, Павелъ) называли такіе примѣры радикальными средствами преобразованія Россіи, если только умѣть ими воспользоваться. Такія нескромныя рѣчи сочтены за Цареубійство, и не только тѣ, которые говорили ихъ, но и многіе слушатели томятся по сіе время въ ссылкѣ въ Сибири, — за проступокъ, который во всякой благоустроенной и образованной странѣ навлекъ бы виновному арестъ на нѣсколько дней по приговору суда исправительной полиціи.

Въ чести Русскаго тайнаго общества, впродолженіе 8лѣтняго его существованія, не нашлось въ немъ ни одного измѣнника или предателя. Подозрительному Правительству удалось ввести въ него своихъ лазутчиковъ, которые вкрались въ довѣренность двухъ неосторожныхъ членовъ и узнали отъ нихъ тайну союза. То были агенты Графа Витта, Ст. Совѣт. Бошпякъ, который пользовался доброй славой, юнкеръ Бугскаго уланскаго полка Англичанинъ Шервудъ, и казначей Вятскаго полка, которымъ командовалъ Пестель, поручикъ Майборода. Эти три человѣка сдѣлали доносъ съ неимовѣрными преувеличеніями и

представили его передъ самой кончиной Императора.

Императоръ умираетъ 19го Ноября 1825 г. въ Таганрогѣ. Вѣсть объ его смерти приходитъ въ С. Пет., и Сенатъ, основываясь на постановленіи объ Императорахъ Павла Іго признаетъ законнымъ наслѣдникомъ престола В. К. Константина Павловича, провозглашаетъ его Императоромъ и повелѣваетъ указомъ всей Россіи присягнуть ему.

Немногіе довѣренные Императора Александра знали, что въ Госуд. Совѣтѣ и въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ хранились запечатанныя бумаги которыми Александръ измѣнялъ законъ о престолонаслѣдіи въ пользу втораго брата своего, В. К. Николая. Въ числѣ этихъ бумагъ составленныхъ съ согласія Императрицы Маріи Ѳедоровны были: 1) собственноручное отреченіе отъ престола законнаго наслѣдника, В. К. Константина, который, признавая себя неспособнымъ царствовать, просилъ Императора принять это отреченіе въ ползу ихъ меньшаго брата Николая; 2) отвѣтъ на это Александра съ изъявленіемъ согласія и 3) актъ его же, съ утвержденіемъ, въ случаѣ его смерти, законнымъ наслѣдникомъ престола В. К. Николая Павловича.

Хотя В. К. Николай зналъ о существованій

этихъ актовъ, но немедленно далъ присягу въ вѣрности Императору Константину. Почти мѣсяцъ продолжались сношенія между Варшавой, гдѣ находился К. П. и Петербургомъ, пока пришло сюда вторичное его формальное отреченіе отъ трона и донесеніе его, что онъ самъ и подчиненное ему войско присягнули Императору Николаю.*) Этимъ то временемъ, когда Россія не знала кто будетъ

*) Мнѣ разсказывалъ покойный М. С. Лунинъ, бывшій полководцемъ, слѣдующее обстоятельство: Въ Варшавѣ В. К. Константинъ получилъ, извѣстіе о смерти Императора. Онъ, вѣрный своему отреченію, намѣревался на другой день вести полки Литовскаго корпуса, гвардейскіе и армейскіе, бывшіе тогда въ Варшавѣ, къ присягѣ Императору Николаю. Начальники этихъ войскъ, любимцы Константина, никакъ не хотѣли допустить того, желая видѣть его самаго Императоромъ чтобы пользоваться его милостями и благоволеніемъ. Наканунѣ принятія присяги всѣ эти господа собрались у больнаго Генерала Альбрехта, и приняли единогласно рѣшительное намѣреніе заставить всѣ полки, вмѣсто Николая, присягнуть Константину и насильно возвести его на престолъ. На это далъ согласіе и Дѣй. Тай. Сов. Новосильцевъ, который тогда завѣдывалъ высшей администраціей Царства. Но бывшій въ собраніи Русскихъ Генераловъ, Графъ Красинскій, тайно предупредилъ Цесаревича объ этомъ намѣреніи и помѣшалъ приведенію его въ исполненіе: самъ В. К. на другой день лично приводилъ къ присяги Николаю Іму всѣ полки. А безъ этого планъ Генераловъ непремѣнно бы состоялся. М. С. Лунинъ самъ присутствовалъ при этомъ совѣщаніи.

ея Императоромъ, хотѣли воспользоваться Петербургскіе члены тайнаго общества, подъ предсѣдательствомъ пылкаго, восторженнаго поэта и патріота Рылѣева*) и полковника Князя С. П. Трубецкаго, человѣка добродѣтельнаго и умнаго, образованнаго, всѣми любимаго; но мягкосердечіе и легкомысленный характеръ дѣлали его неспособнымъ къ принятію на себя диктаторской власти ему предложенной, которой онъ не съумѣлъ отъ себя отклонить. Тайное общество было увѣрено, что гвардейскіе полки, имѣя столько причинъ не любить В. К. Николая за жестокое обращеніе съ офицерами и солдатами, за безпрерывныя мелочныя придирки по службѣ, будутъ дѣйствовать за одно

---

*) Поэтическая душа Рылѣева имѣла предчувствіе, того, что его ожидало. Онъ выразилъ это въ слѣдующихъ словахъ:

Извѣстно мнѣ погибель ждетъ
Того, кто первый возстаетъ
На угнетителей народа.
Судьба меня ужъ обрекла;
Но гдѣ, скажи, когда была
Безъ жертвъ искуплена свобода?
Погибну я за край родной —
Я это чувствую, я знаю
И радостно . . . .
Свой жребій о благословляю.

(Отрывокъ изъ поэмы Наливайко, напечатанъ въ 1825 году.)

съ тайнымъ обществомъ и тѣмъ болѣе, что во всей гвардіи были единомысленные его члены. Планъ состоялъ въ томъ, чтобы гвардія воспротивилась воцаренію В. К. Николая; тогда власть оставалась бы въ рукахъ тайнаго об. и оно заставило бы Сенатъ вмѣстѣ съ Сунодомъ назначить временное правительство для составленія котораго имѣло въ виду двухъ, всѣми уважаемыхъ сановниковъ, извѣстныхъ своимъ свободомысліемъ и патріотизмомъ: Адмирала Н. С. Мордвинова и М. М. Сперанскаго. Обоимъ имъ извѣстно было существованіе тай. общества и сокровенная его цѣль; они знали лично нѣкоторыхъ членовъ и удостоивали ихъ своего благорасположенія. Первымъ дѣйствіемъ временнаго Правительства было бы созваніе представителей Россіи отъ всѣхъ свободныхъ сословій, которые бы и опредѣлили будущность ея и образъ правленія.

13е Декабря казалось все было приготовлено къ рѣшительному дѣйствію: общество расчитывало на гвардейскіе полки, въ которыхъ было много членовъ, и они ручались за успѣхъ, — какъ одинъ членъ союза, Адъютантъ начальника гвар. пѣхоты, Генерала Бистрома, Поручикъ Ростовцевъ, не изъ корыстныхъ видовъ, а испуганный мыслью о междоусобномъ кровопролитіи, идетъ во дворецъ и от-

крываетъ В. К. Николаю намѣренія и надежды тайнаго общества воспрепятствовать его восшествію на тронъ. В. К. въ ту же ночь сзываетъ во дворецъ начальниковъ гвардейскихъ полковъ, (въ числѣ ихъ былъ одинъ членъ тайнаго общ., генералъ Шиповъ) и льстивыми убѣжденіями, обѣщаніями наградъ и т. п., преклонилъ ихъ на свою сторону. Гвард. Генералы спѣшатъ въ свои полки и еще до разсвѣта успѣваютъ привести ихъ къ присягѣ Импер. Николаю Іму, зная что они этимъ свяжутъ совѣсть своихъ солдатъ. — Этой счастливой продѣлкой Н. П. удачно избѣгаетъ опасности ему угрожавшей.

Тайное общ. могло только считать тогда на части лейбъ-гв. Московскаго и Гренадерскаго полковъ и на баталіонъ гв. Морскаго экипажа, которые твердо рѣшились стоять за права В. К. Константина, полагая жизнь его въ опасности. Декабря 14го на разсвѣтѣ этотъ малочисленный отрядъ, надъ которымъ приняли начальство военные члены тайнаго общества, собирается на Сенатскую площадь, въ увѣренности, что гвардія его поддержитъ.

Но гвард. полки, такъ недавно связанные присягой, данной Николаю Іму, хотя не съ большимъ усердіемъ, а по приказанію начальниковъ, идутъ

противъ отряда, собравшагося на Сенатской площади, къ которому присоединилась большая толпа народа. Императоръ посылаетъ уговорить солдатъ положить оружіе. Неустрашимый Военный Ген. Губ. Графъ Милорадовичъ съ тѣмъ-же намѣреніемъ скачетъ къ отряду, но въ ту же минуту падаетъ смертельно раненный пулею. Трепеща отъ страха, Петербургскій Митрополитъ Серафимъ, въ угожденіе царю, окруженный своею свитою, подходитъ къ отряду, начинаетъ увѣщевать солдатъ, но напрасно теряетъ слова Конная Гвардія идетъ въ атаку на инсургентовъ, но они опрокидываютъ ее батальнымъ огнемъ.

Наконецъ подвозятъ 6 батарейныхъ орудій (ultimo ratio) и нѣсколько картечныхъ выстрѣловъ на близкомъ разстояніи, растворяютъ ряды инсургентовъ и заставляютъ ихъ разсѣяться.

Еслибы отрядъ, вышедшій на Сенатскую площадь, имѣлъ предпріимчиваго, отважнаго начальника, и вмѣсто того чтобы оставаться въ бездѣйствіи на Сенатской площади, онъ смѣло повелъ бы его до прибытія гвард. полковъ къ дворцу, то могъ бы легко захватить въ плѣнъ всю Императорскую фамилію. А имѣя въ своихъ рукахъ такихъ заложниковъ, окончательная побѣда могла бы остаться на сторонѣ тайнаго общества.

Во время этихъ происшествій въ Петерб., и на югѣ было подобное возстаніе. По доносу лазутчиковъ Импер. Александру въ Таганрогѣ предъ его кончиной о тайномъ союзѣ, начальники глав. штаба Генералъ Дибичъ и Ген. Адъют. Чернышевъ немедленно, по повелѣнію-ли Императора, или сами собой, распорядились объ арестованіи въ Тульчинѣ и въ 3мъ корпусѣ всѣхъ членовъ тайнаго союза, поименнованныхъ въ доносѣ лазутчиковъ. Чернышевъ пріѣхалъ въ Тульчинъ, главную квартиру 2й арміи, и потребовалъ того же отъ главнокомандующаго, Генерала Графа Витгенштейна, который долго не соглашался, но наконецъ уступилъ его убѣжденіямъ. Пестель и его единомышленники, арестованные, отправлены въ С. Петерб. Такія же мѣры приняты и начальникомъ 3 корпуса по настоянію Чернышева.

Арестовали Черниговскаго полка подполковника Сергѣя Муравьева-Апостола, который съ поручикомъ Бестужевымъ - Рюминымъ были главными дѣйствователями въ управѣ 3го пѣх. корпуса и присоединеннаго къ ней общества соединенныхъ Славянъ.

Возвышенный и чистый характеръ Сергѣя Мур. Апостола, его свѣтлый умъ, глубокая религіозность, прекразныя душевныя качества пріобрѣли

ему всеобщее уваженіе и любовь всѣхъ знавшихъ его. Черниговскіе единополчане, офицеры и солдаты были ему безпредѣльно преданы. Узнавъ объ его арестованіи, всѣ шесть ротъ этого полка собрались въ Васильковѣ, поднялись, освободили его изъ подъ ареста, при чемъ былъ раненъ противившійся тому начальникъ полка. Офицеры и солдаты поклялись Муравьеву слѣдовать за нимъ, куда бы онъ не повелъ и повиноваться ему безусловно.

Сергѣй Мур. принялъ началвство надъ 6 ротами, бывшими въ сборѣ въ Васильковѣ и повелъ ихъ къ Бѣлой Церкви, чтобы соединиться тамъ съ другими полками 3го корпуса, въ которомъ начальники и многіе офицеры были члены тайнаго общества. Онъ надѣялся увлечь ихъ и дѣйствовалъ по обстоятельствамъ въ духѣ тайнаго союза.

Начальникъ 3го кор. генералъ Роттъ, извѣщенный о происшедшемъ въ Васильковѣ и о движеніи Муравьева къ Б. Церкви, послалъ противъ него отрядъ гусаръ Ахтырскаго полка съ артиллеріею, подъ начальствомъ Генерала Гейсенера, который скоро настигъ Черниговскія роты. Муравьевъ построилъ ихъ въ колонну и приказалъ безъ выстрѣла броситься на пушки. Овладѣвъ ими онъ надѣялся не только устоять противъ гусаръ, но и ихъ присоединить къ себѣ, потому что въ кон-

номъ отрядѣ были члены тайнаго общества. Черниговцы бросились смѣло на пушки за неустрашимымъ начальникомъ, но первый картечный выстрѣлъ съ батарей сразилъ Муравьева: онъ, раненный въ голову, упалъ безъ чувствъ и, чрезъ часъ, когда пришелъ въ себя, увидѣлъ отрядъ свой разсѣявшимся и солдатъ забранными въ плѣнъ.

Съ Сергѣемъ Муравьевымъ захвачены родные его братья, Матвѣй и меньшой Ипполитъ, который, предвидя участь его ожидающую, застрѣлился. Съ ними взято, нѣсколько офицеровъ Черниговскаго полка; изъ нихъ поручикъ Кузминъ тоже застрѣлился, будучи положенъ подъ арестъ съ братьями Муравьевыми. Всѣ члены тайнаго союза и общества соед. Славянъ въ 3мъ корпусѣ были арестованы и съ фельдъегерями и жандармами отправлены въ Петербургъ.

Событія 14 Дек. 1825 года, сопровождавшія восшествіе на престолъ нынѣ царствующаго Императора обнаружили существованіе и дѣйствія тайнаго политическаго союза, учрежденнаго съ цѣлію ограничить самодержавіе законно свободными постановленіями. Когда въ Петербургѣ возстаніе было подавлено, Правительство учредило тайную слѣдственную коммиссію надъ членами политическихъ обществъ въ Россіи, изъ которыхъ тайный

союзъ, подъ разными наименованіями, существовалъ почти 10 лѣтъ.

Слѣдственная Коммиссія приступила къ разысканіямъ. Множество лицъ было захвачено въ Петербургѣ по подозрѣнію въ участіи въ тайныхъ обществахъ; дгугихъ свозили въ крѣпость Петропавловскую со всѣхъ концовъ Россіи. Сначала нѣкоторыхъ допрашивалъ во дворцѣ самъ Императоръ. Къ нему приводили обвиняемыхъ съ завязанными руками назадъ веревками, какъ въ полицейскую управу, а не въ Царскіе чертоги. Государь Россіи, забывая свое достоинство, позволялъ себѣ ругаться надъ людьми беззащитными, кот. были въ полной его власти, и угрожалъ имъ жестокими наказаніями. Тайная слѣдственная Коммиссія, составленная изъ угодливыхъ Царедворцевъ, дѣйствовала въ томъ же инквизиціонномъ духѣ.

Обвиняемые содержались въ самомъ строгомъ заточеніи, въ крѣпостныхъ казематахъ и безпрестанномъ ожиданіи и страхѣ быть подвергнутыми пытки, если будутъ упорствовать въ запирательствѣ. Многіе изъ нихъ слышали изъ устъ самихъ членовъ слѣд. Коммиссіи такія угрозы. Противъ узниковъ употребляли средства, которыя поражали ихъ воображеніе и тревожили духъ, раздражая его то страхомъ мученій, то обманчивыми

надеждами, чтобы только исторгнуть ихъ признанія. Ночью внезапно отпиралась дверь каземата; на голову заключеннаго накидывали покрывало, вели его по корридорамъ и по крепостнымъ переходамъ въ ярко освѣщенную залу присутствія. Тутъ, по снятіи съ него покрывала, члены ком. дѣлали ему вопросы на жизнь и смерть, и, не давая времени образумиться, съ грубостью требовали отвѣтовъ мгновенныхъ и положительныхъ; Царскимъ именемъ обѣщали подводимому помилованіе за чистосердечное признаніе, не принимали никакихъ оправданій, выдумывали небывалыя показанія, будто бы сдѣланныя товарищами, и часто отказывали даже въ очныхъ ставкахъ. Кто не давалъ желаемыхъ ими отвѣтовъ, по невѣденію происшествій, о которыхъ его спрашивали, или изъ опасенія необдуманнымъ словомъ погубить безвинныхъ, того переводили въ темный и сырой казематъ, давали ѣсть одинъ хлѣбъ съ водою и обременяли тяжкими ручными и ножными оковами. Медику крѣпостному поручено было наблюдать въ состояніи-ли узникъ вынести еще сильнѣйшія тѣлесныя страданія.

Послѣ того, могли-ли признанія обвиняемыхъ, вынужденныя такими насильственными средствами, почитаться добровольными? Часто они были не истинны и показанія нѣкоторыхъ обвиняемыхъ,

упавшихъ духомъ, содержали въ себѣ вещи несбыточныя и до того пелѣпыя что человѣкъ въ здравомъ умѣ и съ полнымъ сознаніемъ никакъ не могъ бы наговорить такого вздора, и во вредъ самому себѣ и товарищамъ. Всѣ такія порожденія разстроенной фантазіи нѣкоторыхъ изъ узниковъ представлены, какъ истинныя намѣренія и дѣйствія въ донесеніи тайной слѣд. Коммиссіи Редакторъ этого акта воспользовался ими довольно ловко и успѣлъ придать видъ внутренней связи этому сплетенію искаженной истины съ небылицами и ложью, для обвиненія подсудимыхъ, но и для того чтобы всячески очернить нравственный характеръ тайнаго союза и самую чистоту его намѣреній.

Изъ членовъ тайной слѣд. Ком. всѣхъ пристрастнѣе и недобросовѣстнѣе поступалъ бывшій послѣ военнымъ Мин. Князь Чернышевъ: допрашивая подсудимыхъ, онъ приходилъ въ яростное изступленіе, осыпалъ ихъ самыми пошлыми ругательствами, — словомъ дѣйствовалъ какъ извѣстный англійскій судья Жефрисъ въ политическихъ процессахъ при Карлѣ II, котораго такъ драматически представилъ Вальтеръ-Скоттъ въ одномъ изъ своихъ романовъ. Пристойнѣе всѣхъ велъ себя Князь Алек. Ник. Голицынъ и Ген. Адъют. Графъ Бенкендорфъ, у которыхъ часто вырыва-

лось сердечное сочувствіе и состраданіе къ узникамъ.

Въ послѣднія недѣли засѣданій слѣд. Коммиссіи набралась такъ много подозрѣваемыхъ въ участіи въ тайныхъ обществахъ лицъ, что самое Правительство приказало Коммиссіи ограничиться въ своихъ розыскахъ только тѣми, которыхъ она признавала болѣе виновными, а прочихъ освободить отъ слѣдствія. Въ продолженіе 6 мѣсяцевъ арестованныхъ въ разныхъ мѣстахъ по подозрѣнію было до 2т. человѣкъ.

Докладъ тайной слѣд. Ком. былъ единственнымъ обвинительнымъ актомъ по которому судились всѣ, замѣшанные въ дѣлѣ тайныхъ обществъ. Въ этомъ докладѣ дѣйствія многихъ членовъ представлены намѣренно превратно, часто насмѣшливымъ тономъ, какъ ребяческія шалости. Главное обвиненіе, противъ большаго числа членовъ союза, въ приписиваніи имъ цареубійственныхъ замысловъ противъ особы Импер. Алек. I^{го} не смотря на то, что онъ нѣсколько лѣтъ позже спокойно умеръ отъ болѣзни въ Таганрогѣ.

Выраженію минутной досады или негодованія, вызванному какимъ нибудь непохвальнымъ дѣйствіемъ верховной власти, приписывали значеніе обдуманнаго намѣренія и считали наравнѣ съ пре-

ступленіемъ какъ бы уже сдѣланнымъ. За нѣсколько лѣтъ назадъ вырвавшееся, въ горячемъ разговорѣ нескромное слово, мысль завтра отвергнутую и позабытую, сказавшимъ ее называли цареубійственнымъ замысломъ. Тутъ необдуманнымъ разговоромъ въ короткихъ дружескихъ бесѣдахъ, иногда за бокалами шампанскаго, не имѣвшихъ никакихъ послѣдствій, придана важность государственнаго преступленія.

Въ донесеніи слѣд. Ком. не выставлено ни одно обстоятельство, ни одно дѣйствіе подсудимыхъ, которое бы могло возбудить симпатическое участіе къ нимъ соотечественниковъ. Сколько было показаній многихъ изъ нихъ, въ которыхъ представлено въ истинномъ видѣ тогдашнее состояніе Россіи, страдавшей подъ вѣковымъ гнетомъ самодержавія! Сколько вѣрныхъ изображеній хаотическаго безпорядка и въ законодательствѣ и въ администраціи! Сколько уроковъ самому Правительству, для уврачеволія тяжкихъ язвъ, съѣдающихъ Россію! Уничтоженіемъ крѣпостнаго рабства цѣлой трети ея народонаселенія; винныхъ откуповъ, посредствомъ которыхъ главный Государственный доходъ основанъ на развращеніи и раззореніи народа по несчастной страсти его къ крѣпкимъ напиткамъ, поощренной съ вѣдома Правительства винными от-

купами, до невѣроятности размножающими средства удовлетворять эту страсть: всѣ эти горькія истины и многія другія откровенно и добросовѣстно высказаны подсудимыми, и однако обо всемъ этомъ умолчено въ донесеніи слѣд. Коммиссіи Государю.

Во всемъ этомъ политическомъ процессѣ Правительсто дѣйствовало съ неслыханнымъ пристрастіемъ и какъ истецъ или тяжущаяся сторона, и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ раздраженный, неумолимый судья. Какого же правосудія можно было ожидать, когда умышленно нарушались и тѣ немногіе судебные обряды и формы, которые служать для подсудимыхъ огражденіемъ отъ произвола и пристрастія предубѣжденныхъ судей.

Верховный уголов. Судъ, основываясь на одномъ докладѣ слѣд. Коммиссіи, даже не хотѣлъ призвать передъ себя подсудимыхъ и отобрать отъ нихъ подтвердительныя показанія, которыя и Русскія законы имъ предоставляютъ. Подсудимые видѣли своихъ судей одинъ только разъ, въ день произнесенія имъ приговора. Въ угожденіе раздраженной власти, верхов. уголов. Судъ приговорилъ на смертную казнь пятерыхъ, четвертованіемъ, — 27, отсяченіемъ головы, 97 — къ ссылкѣ въ Сибирь въ каторжную работу вѣчно и на сроки, въ Сибирь на поселеніе и въ солдаты безъ выслуги

и съ выслугой. Императоръ смягчилъ приговоры верх. угол. Суда и удовольствовался только 5ью обреченными на смерть, которые и были повѣшены въ крѣпостномъ кронверкѣ, — прочимъ переломали надъ головами шпаги и сослали по назначенію въ Сибирь.

Одинъ политическій писатель видитъ въ самомъ бытіи въ Россіи тайнаго политическаго общества несомнѣнный признакъ, что и Русскіе не вовсе чужды стремленія къ свободнымъ политическимъ институціямъ. Онъ говоритъ о жертвахъ принесенныхъ самодержавію: „Сколько ни старались обезобрасить и исказить событія, но самый „ясный и простѣйшій смыслъ его и значеніе то, — „что и въ Россіи нашлись патріоты, которые съ „полнымъ самоотверженіемъ, безъ всякихъ видовъ „личной корысти и выгодъ касты, или собственнаго положенія въ обществѣ, пожертвовали собою, „чтобы своему отечеству, цѣлой странѣ пріобрѣсти „институціи, обезпечивающія свободу, благоденствіе „и достоинство, всѣмъ и каждому. Память такой „благодушной жертвы не погибнетъ даже и тогда „когда время изгладитъ несчастія и скорби стольких семействъ. Исторія же начертаетъ на своихъ „скрижаляхъ имено пострадавшихъ патріотовъ, а „также жестокости и неправосудіе Русскаго Пра-

„вительства, принесшаго ихъ въ жертву своему „деспотизму за то, что они стремились обуздать его.“

Г. Г. Энно и Шеншо оканчиваютъ свою исторію повѣствованіемъ о восшествіи на тронъ Императора Николая Іго, къ которому обращаются съ патетическимъ воззваніемъ, убѣждая его уничтожить въ Россіи крѣпостное состоянія, — что этимъ великимъ дѣйствіемъ онъ пріобрѣтетъ неувядаемую славу и будетъ истинно великимъ, какъ благодѣтель своего народа.

Прочитавъ книгу, я вздумалъ сдѣлать на нее нѣсколько замѣчаній, но увлекся собственными воспоминаніями большой половины жизни моей и набросалъ очеркъ одной изъ самыхъ интересныхъ эпохъ нашей исторіи, — царствованіе Имп. Александра и годовъ, которые предшествовали ему. Большой части событіи я былъ очевидцемъ, даже принималъ въ нихъ участіе, или собиралъ свѣдѣнія отъ людей, которымъ событія хорошо были извѣстны и внушающимъ къ себѣ полную довѣренность. Мало имѣя книгъ, съ которыми бы могъ справиться, я написалъ эту статью на память.

Много обдумывалъ я событія, которыя здѣсь представилъ, и въ Сибири имѣлъ на это довольно времени; собственныя впечатлѣнія живо сохранились въ моей памяти и я разсказалъ ихъ, какъ умѣлъ безъ всякаго притязанія на авторство.

Можетъ быть, когда трудъ мой сотлѣетъ въ землѣ, и когда въ Россіи можно будетъ говорить и писать свободно, моя рукопись попадется кому нибудь изслѣдователю нашей эпохи и онъ повѣривъ мои показанія другими историческими источниками, найдетъ, что я вѣрно и безпристрастно представилъ то, что случилось въ мое время и въ чемъ мнѣ самому привелось участвовать. Не придавая моему труду исторической важности, полагаю, что можетъ быть въ будущемъ онъ получитъ нѣкоторую цѣну, не по внутреннему достоинству, а потому что у насъ, не такъ какъ во Франціи, очень мало людей, которые бы вели записки тому, что происходитъ вокругъ нихъ. А по недостатку этого рода сочиненій, и моя рукопись кому нибудь пригодится.

Конецъ.

НАУМБУРГЪ,
въ типографіи Г. Пеца.

NAUMBURG,
Druck von G. Pätz.

